

№ 4(15)
Декабрь 2015

ВЕСТНИК *Института* СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Крым – новый субъект
Российской Федерации
(социальные аспекты)**

**/ Современный транзит
и культурная травма в Крыму**

**/ Историческая память
крымского общества**

**/ Снижение
репродуктивных установок
у молодёжи**

**/ Военные пенсионеры –
«молодые старики»**

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

CHULUUNBAATAR Geleqpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOSEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Крым – новый субъект Российской Федерации (социальные аспекты)»	12
<i>Халий И. А.</i> Трансформационный процесс в современном Крыму	12
<i>Чигрин В. А., Харабуга В. В.</i> Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества	23
<i>Щербина В. Н.</i> Развитие гуманитарной среды Крыма как многоукладного социокультурного пространства.....	35
<i>Драчева М. В.</i> Система «Берег–Море» и устойчивое развитие Крыма.....	46
Социология семьи	57
<i>Гурко Т. А., Хромачева А. Ю.</i> Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям	57
<i>Лебедь О. Л., Мищенко В. А.</i> СМИ и общественное мнение о современных образах семьи и брака.....	72
Социология средств массовой информации	93
<i>Ивченкова М. С.</i> Особенности способов телепотребления среди молодёжи	93
<i>Фадеев П. В.</i> Медиа как фактор формирования отношения к мигрантам	108
Трудоустройство и занятость	129
<i>Смирнов А. И.</i> Трудоустройство и занятость военных пенсионеров	129

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	9
The Theme of the Issue: Crimea as a New Region of Russian Federation	12
<i>Khaliy I. A.</i> Transformation Processes in Modern Crimea ..	12
<i>Chigrin V. A., Kharabuga V. V.</i> Crimean Events and the Development of Society's Historical Memory	23
<i>Sherbina V. N.</i> Developing Crimea's Human Environment as a Multilateral Social and Cultural Concept	35
<i>Dracheva M. V.</i> The Sea-Shore System and Sustainable Development of Crimea	46
Family Sociology.....	57
<i>Gurko T. A., Khromacheva A. Yu.</i> Sociology Students about Family, Gender, and Their Attitude to Parents	57
<i>Lebed' O. L., Mishchenko V. A.</i> Media and Public Opinion on Contemporary Images of Family and Marriage.....	72
Sociology of Mass Communication.....	93
<i>Ivchenkova M. S.</i> Specific Features of Television Content Consumption Among the Youth.....	93
<i>Fadeev P. V.</i> The Media as a Driving Factor Behind the Attitude Towards Immigrants.....	108
Career and Employment	129
<i>Smirnov A. I.</i> Resettlement and Employment of Discharged Military Personnel.....	129

**И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»**

Представляю номер

В настоящем выпуске Вестника Института социологии темой номера стала одна из наиболее актуальных проблем современной России: «Крым – новый субъект Российской Федерации (социальные аспекты)». Тема актуальна, поскольку не прекращаются разноплановые дискуссии: здесь и политическая правомерность вхождения Крыма в состав России, и экономические риски для России в связи с этим вхождением, и позиции крымчан по всем перечисленным аспектам. Пожалуй, меньше всего обсуждается трансформационный процесс, осуществляющийся ныне в Крыму, и сопровождающие его социальные изменения. Именно этому и посвящены размещённые в теме номера статьи. Рубрику открывает материал И. А. Халий (Москва) «Трансформационный процесс в современном Крыму», основанный на полевых исследованиях 2015 г. Автор показывает, что происходящие ныне в Крыму события есть очевидный транзит – от одного политического и культурного уклада к другому, вызывающий к жизни «культурную травму», о которой писал П. Штомпка.

Следующие три статьи принадлежат перу крымских социологов – мы пытаемся увидеть ситуацию их глазами, представить тех, кто изучают ситуацию изнутри, т. е. исследуют не эпизодически, а в режиме постоянного «включённого» наблюдения. В статье доктора социологических наук, профессора, заведующего кафедрой социологии и социальной философии философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Виктора Александровича Чигрина и кандидата исторических наук, доцента того же университета Виктора Васильевича Харабуги (Симферополь) «Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества» разворачивается полемика относительно результатов анализа взгляда на формирование исторической памяти общества Крыма, представленного в медиа пространстве Республики. Авторы рассматривают методологические и методические особенности тестирования этого сложного явления, предлагая собственные подходы социологического анализа.

Их коллега, доктор социологических наук, профессор [Виктор Николаевич Щербина](#), доктор социологических наук, профессор той же кафедры в статье [«Развитие гуманитарной среды Крыма как многоукладного социокультурного пространства»](#) анализирует социальные аспекты формирования единого гуманитарного пространства Крыма. Поскольку современный Крым – это общество, исторически сформированное различными этническими группами, проживающими вместе, автор предлагает рассматривать развитие социокультурного разнообразия гуманитарного пространства как единство социокультурных укладов – традиционного, современного и коммуникативного.

Аспирант кафедры социологии и социальной работы Керченского государственного морского технологического университета [Мария Викторовна Драчева](#) (Керчь) представила статью [«Система «Берег–Море» и устойчивое развитие Крыма»](#). Автор доказывает необходимость учёта всех составляющих в рамках концепции устойчивого развития прибрежных зон в единстве их функционирования для перспективного решения социально-экономических проблем Крымского полуострова.

Рубрику [«Социология семьи»](#) открывает статья доктора социологических наук, заведующей сектором социологии семьи Института социологии Российской академии наук [Татьяны Александровны Гурко](#) и учёного секретаря того же сектора [Анастасии Юрьевны Хромачевой](#) (Москва) [«Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям»](#). В ней представлены результаты исследования студентов-социологов, обучающихся в Москве и двух региональных университетах, проведённого в 2015 г. Основной вывод заключается в том, что, в отличие от советского периода, заключение брака становится рациональным и планируемым решением для нового поколения россиян, в частности для молодёжи с высшим образованием, ежегодно растёт возраст вступления в брак как мужчин, так и женщин. Вторая статья рубрики [«СМИ и общественное мнение о современных образах семьи и брака»](#) (авторы: кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора социологии семьи Института социологии Российской академии наук [Ольга Леонидовна Лебедь](#) и кандидат социологических наук, вице-президент Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы [Владимир Анатольевич Мищенко](#) (Москва)) посвящена рассмотрению данных, полученных методом контент-анализа прессы на предмет создаваемого в ней образа современной семьи, а также результатов всероссийского опроса населения, включавшего вопросы об «идеальной» и реальной семье респондентов. Авторы доказывают, что приоритет здесь следует отдать не властным структурам, а социальным исследованиям, которые должны опережать выработку политических решений.

В следующую рубрику [«Социология средств массовой информации»](#) включены две статьи. [Мария Сергеевна Ивченкова](#), кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН (Москва), в статье [«Особенности способов телепотребления среди молодёжи»](#) представляет результаты социологического исследования молодёжи Саратова. Автор показывает, что респонденты считают значимой роль СМИ как социального института и агента социализации. Статья аспиранта Института социологии Российской академии наук [Павла Васильевича Фадеева](#) (Москва) [«Медиа как фактор формирования отношения к мигрантам»](#) посвящена осмыслению деятельности СМИ и их роли в отражении вопросов миграции. Рассматриваются способы информирования как о самих переселенцах, так и о событиях, в связи с которыми они чаще всего упоминаются.

В последней рубрике [«Трудоустройство и занятость»](#) [Александр Ильич Смирнов](#), доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра адаптационных процессов в меняющемся обществе Института социологии Российской Академии наук, в статье [«Трудоустройство и занятость военных пенсионеров»](#) рассматривает проблемы, которые сегодня вынуждены преодолевать военные пенсионеры в связи с трудоустройством и занятостью, а также способы их разрешения. Исследование опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) – многолетнего лонгитюдного исследования российских домохозяйств. Основной вывод заключается в том, что, несмотря на снижение остроты рассмотренных выше проблем, они решаются ещё недостаточно конструктивно. При организации непосредственной работы по оказанию помощи увольняемым военнослужащим в адаптации к условиям гражданской жизни, акценты должны быть смещены в сторону региональной составляющей.

Т е м а н о м е р а : Крым – новый субъект Российской Федерации (социальные аспекты)

Трансформационный процесс в современном Крыму

Халий Ирина Альбертовна –

доктор социологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором изучения социокультурного развития регионов России, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

Трансформационный процесс в современном Крыму

Аннотация

Происходящее ныне в Крыму есть очевидный транзит – от одного политического и культурного уклада к другому. Этот транзит не содержит в себе радикальной экономической составляющей – перехода к рыночным отношениям, поскольку такая установка уже воспринята и в какой-то степени реализована в рассматриваемых сообществах. В связи с этим новый транзит, казалось бы, не столь радикален, сколь транзит от социализма к капитализму. Однако очевидно и он вызывает к жизни «культурную травму», о которой писал П. Штомпка. Этот транзит и находится в фокусе данной статьи. Анализ¹ основан на неформальном наблюдении за настроениями крымского общества в постсоветские годы и на результатах полевых исследований, осуществлённых сектором по изучению социокультурного развития регионов России в августе–сентябре 2015 г. Работа осуществлялась качественными методами: в виде глубинных интервью с представителями власти, образовательных и медицинских организаций, учреждений культуры, а также с местными жителями в пяти городах Крыма (всего 84 интервью), а также в форме фокус-групп со студентами вузов (3 единицы). Следует особо отметить, что исследование не проводилось в крымско-татарском сообществе. Показано, что трансформационные процессы осуществляются и инициатива их реализации принадлежит большей части крымского общества. Доказывается, что трансформация очевидно опирается на устойчивое постоянство граждан Республики Крым в их ориентации на Россию, а также на их экономическое поведение, слабо изменявшееся на протяжении многих лет. В анализе успешности вхождения Крыма в состав России выявлены необходимые для этого условия и их наличие в современном обществе Крыма. К ним относятся достаточность экономических и человеческих ресурсов; гражданское согласие среди элит общества; удержание государством социального контроля, упреждение острых социальных конфликтов и вооружённых столкновений. Исследование показало, что у присоединения Крыма к России есть будущее, поскольку современная крымская молодёжь, особенно студенты, учатся и планируют здесь остаться в будущем.

Ключевые слова: трансформация, культурная травма, политический и культурный уклад, крымское общество, местные сообщества, присоединение к России

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00314А «Государственное и муниципальное управление: обратная связь власти и общества».

Происходящее ныне в Крыму есть очевидный транзит – от одного политического и культурного уклада к другому. Этот транзит не содержит в себе радикальной экономической составляющей – перехода к рыночным отношениям, поскольку такая установка уже воспринята и в какой-то степени реализована в рассматриваемых сообществах. В связи с этим новый транзит, казалось бы, не столь радикален, сколь транзит от социализма к капитализму. Однако очевидно и он вызывает к жизни «культурную травму», о которой писал П. Штомпка [Штомпка 2001a, 2001b]. Возникает необходимость её преодоления. Это и находится в фокусе данной статьи.

Анализ основан на неформальном наблюдении за настроениями крымского общества в постсоветские годы и на результатах полевых исследований, осуществлённых сектором по изучению социокультурного развития регионов России в августе–сентябре 2015 г. Работа осуществлялась качественными методами: в виде глубинных интервью с представителями власти, образовательных и медицинских организаций, учреждений культуры, а также с местными жителями в пяти городах Крыма (всего 84 интервью), а также в форме фокус-групп со студентами вузов (3 единицы). Следует особо отметить, что исследование не проводилось в крымско-татарском сообществе. Целью исследования было выявление социокультурных установок крымского общества и отдельных местных сообществ, ставших основой их борьбы за присоединение к России.

Причины и движущие силы транзита

Проблема транзита в Крыму состоит, в первую очередь, не в трудностях перехода к рыночным отношениям. Даже во время такого перехода в конце 1980-х – начале 1990-х гг., пожалуй, главным изменением для крымчан было не введение рыночных отношений: как раз это не было для них болезненным, ибо местные жители практически весь советский период были заняты «частным предпринимательством» в «туристической сфере» (в кавычках, поскольку, конечно, это не было классическим и легальным предпринимательством, да и сферой туризма это можно обозначать лишь с большой натяжкой). Значительно более чувствительной стала для них иная трансформация – присоединение к другому государству, другой стране, другому обществу. Осознано это было, конечно, не сразу, но все годы до 2013 г. Крыму приходилось ощущать себя территорией, на которую государство не обращало внимания, что выражалось не столько в политической, сколько в экономической сфере (наши наблюдения мнений граждан Крыма в этот период свидетельствуют об их постоянном недовольстве отсутствием экономической политики государства в отношении этого субъекта).

Однако, как выяснилось в период «евромайдана» и после него, даже это для крымчан было не главным. Ситуация в это время радикализировалась в сфере социокультурной, для многих – неожиданно. Появившиеся лозунги (национальной идентификации), связанные с украинской культурой и языком, ориентация на вхождение в Евросоюз и особенно полный разрыв с Россией (вплоть до конфронтации) вызвали у основной части крымского общества глубинное неприятие, т. е. культурную травму. По рассказу нашего респондента, в семье, где было два брата, один считал, что он русский, а другой – что украинец. Именно в этом состояла суть «культурной травмы» в данном случае.

Эта травма состояла и в том, что общество (даже при том, что большинство не приняло социокультурные и политические установки того времени) оказалось расколотым, пусть и не на равные части. Наше исследование выявило, что такое деление существовало всегда, только не проявлялось активно. Оно заключалось в следующем. Поначалу (в 1990-е гг.) большую часть населения Крыма составляли бывшие граждане СССР, именно для них и была болезненной утрата родины. Но со временем подрастало поколение, чья жизнь проходила уже на Украине. Эти молодые люди учились в школах по украинским программам, дальнейшую учёбу многие осуществляли уже в других регионах Украины, где некоторые из них оставались жить впоследствии. Это сформировало значительную социальную группу, уже адаптированную к украинской социокультурной среде. Особо показателен рассказ директора одного из музеев: *«Моя дочь была абсолютно убеждена в том, что жить можно только в Украине. Спившаяся, разрушенная Россия, как она была убеждена, совершенно неприемлема, и стремиться войти в её состав ни коим образом не следует. Она настолько была убеждена в российской разрухе, что отказывалась верить даже в сохранность таких памятников истории, как собор Василия Блаженного. Никакие доводы не помогали. Пришлось взять её в Москву на экскурсию, поскольку стало страшно от такой позиции дочери. Не сразу в нашей семье удалось хоть как-то смягчить её отношение к присоединению».*

Однако и эта группа к 2013 г. не стала многочисленной и устойчивой (представляется, что ещё лет 10 – и украинизация жителей Крыма была бы завершена). Исследование в 2015 г. выявило лишь единицы активных противников вхождения Крыма в Россию.

Во-первых, лишь некоторые сменили местожительство, т. е. уехали на Украину. Также единицы из молодежной когорты поступили в эти, постмайдановские, годы в вузы Украины, причём сделав сознательный выбор. О таких слу-

В период «евромайдана» и после него для крымчан ситуация радикализировалась в сфере социокультурной, для многих – неожиданно. Появившиеся лозунги (национальной идентификации), связанные с украинской культурой и языком, ориентация на вхождение в Евросоюз и особенно полный разрыв с Россией (вплоть до конфронтации) вызвали у основной части крымского общества глубинное неприятие.

Молодые крымчане учились в школах по украинским программам, дальнейшую учёбу многие осуществляли уже в других регионах Украины, где некоторые остались жить. Это сформировало значительную социальную группу, уже адаптированную к украинской социокультурной среде.

чаях рассказали наши респонденты из общеобразовательных, музыкальных школ и вузов, а также из учреждений дополнительного образования (везде речь шла об одном–двух случаях).

Большая часть без радости воспринявших выход из Украины констатировали безысходность ситуации: *«Те требования, которые стали предъявлять действующая на Украине власть и особенно лидеры Майдана, показали, что другого выхода у нас просто нет».*

Без сомнения, наиболее сложной эта ситуация оказалась для школьников. Их мировоззрение, социокультурные установки, понимание истории и отношение к современной России сформировались в условиях Украины. Молодые люди пока ещё не стали устойчивыми носителями этих мировоззрений в силу возраста, но их изменение сегодня – процесс весьма сложный и болезненный.

Большая же часть населения зрелого возраста (начиная с 30 лет и старше) по-разному рассказывают о своей позиции по поводу необходимости присоединения к России, но в основе практически всех этих высказываний лежит осознание себя как части российского общества по многим и разнообразным причинам. Во-первых, многие из них – русские по происхождению, приехавшие в Крым либо в детстве с родителями, либо самостоятельно и сравнительно недавно. Во-вторых, почти всё местное население – это носители русского языка, культуры и традиций. В-третьих, многие указывали, что они категорически отказываются видеть в России врага: *«Я стал активным сторонником присоединения к России, когда в официальных документах Киева появились слова, что Россия – наш враг».* В-четвёртых, большая часть населения (особенно женщины) были напуганы угрозой насилия со стороны радикалов (из воспоминаний наших респондентов в Феодосии: *«Мы, как услышали, что к нам едет Правый сектор, вооружились буквально чем попало – от палок до вил, и вышли к вокзалу. Простые люди, в большинстве женщины, беспокоящиеся за свои семьи. Поезд с правосеками подъехал, они из окон увидели нас и, не выходя, отправились назад. Было страшно, но это была наша победа».*) Озабоченность в Крыму, в-пятых, была вызвана и перспективой размещения на полуострове подразделений НАТО ещё до того, как Украина в этот блок вступит: *«К нам в город приехало подразделение НАТО. Солдат разместили в гостиницах. Перед нами встал вопрос: как бороться? Стихийно сложилось так, что мы всем городом начали митинговать, проводить шествия с антивоенными и антинатовскими лозунгами в течение нескольких дней. Они увидели это и уехали. Всё прошло тихо и мирно».* В-шестых, многие учреждения культуры чувствовали себя на Украине ущемлёнными или заброшенными: в условиях украинизации, недостаточности средств, отсутствия даже моральной и зако-

подательной поддержки (особенно на это сетовали сотрудники особо охраняемых природных территорий и музеи, связанные с русской культурой, например, мемориальные музеи русских писателей). В сфере политики седьмой причиной недовольства населения Крыма жизнью на Украине стало то, что в органах исполнительной власти на всех уровнях в различные периоды существовало засилье «варягов» – донецких, днепропетровских, киевских. В своих исследованиях в европейской части России подобное явление мы тоже наблюдали и отметили его провоцирующее воздействие на возникновение социальной напряжённости [Халий 2014].

Таким образом, суть первой трансформации в Крыму (переход к рыночным отношениям и распад СССР) подтверждает утверждение Р. Дарендорфа, что постсостояние неизбежно содержит в себе противоречие между воздействием традиций недавнего прошлого и их публичным отвержением [Darendorf 1990]. Но оно оказалось столь доминирующими, что привело к новому трансформационному процессу. А сама эта трансформация представляется результатом «динамического хаоса». Под этим названием И. Пригожин обозначил свою теорию, основной принцип которой в том, что неожиданные события могут стать поворотным пунктом в последующей динамике всей социально-политической и экономической ситуации [Пригожин 1986]. В результате в Крыму преобладает прагматизм принятия решений «по ситуации», иначе это интерпретируется в научной литературе как «инструментальный активизм» [Genov 2000].

Возможность успешной современной трансформации

В анализе возможного успешного вхождения Крыма в состав России будем опираться на предложенные Н. Наумовой условия, необходимые для модернизации общества [Наумова 1999], поскольку модернизация есть изменение, как и рассматриваемая трансформация. Она называет пять таких условий: а) достаточность экономических и человеческих ресурсов; б) гражданское согласие среди элит общества; в) удержание государством социального контроля, упреждение острых социальных конфликтов и вооружённых столкновений; г) быстрый рост численности среднего класса и д) наличие общенациональной мобилизационной идеи. Но если для успешной модернизации значимыми являются все пять условий, то для успешного встраивания Крыма в состав России, по всей видимости, основными являются первые три, два последних пока не сформировались и в самой принимающей стороне (анализ степени готовности российского общества к модернизации см., например: [Тихонова 2011]). Поэтому рассмотрим подробнее первые три.

Трудно вести речь о достаточности экономических ресурсов. Без сомнения, ситуация лишь ухудшилась. К и без того низкому уровню благосостояния населения и экономического положения республики постоянно прибавляются действия Украины, усиливающие негативный эффект: это и перекрытие водоканала, и отключение от ресурсов обеспечения энергоносителями (вплоть до подрыва ЛЭП), блокада дорог и прекращение железнодорожного сообщения Крыма не только с Украиной, но и с Россией. Абсолютно пустые железнодорожные вокзалы Крыма, некогда работавшие напряжённейшим образом, производят весьма гнетущее впечатление. В результате трудно представить, как крымчане пережили 2014 г., когда поток отдыхающих прекратился полностью. Но пережили и даже не рассказывают сегодня о том, как им было тогда тяжело. Наконец, санкции вызвали неразрешённую пока проблему движения финансовых средств через банковскую систему, что осложняет жизнедеятельность не только местного бизнеса и населения, но и отдыхающих.

Россия сделала многое, но проблемы, вызванные внешними факторами, возникают вновь и вновь. Решение основной проблемы – связи с материком – видятся в возведении моста через Керченский пролив. Но населению трудно понять и принять то, что практически вся экономическая поддержка России на сегодня направлена именно на это. В результате на остальную жизнедеятельность крымского общества дополнительных средств выделяется недостаточно. Недовольство населения нередко проскальзывает в интервью с нашими респондентами: жители полуострова надеялись, что жить станет лучше моментально, а этого не происходит. Отклики на это носят подчас и резко агрессивный характер: *«Если так и дальше пойдёт, ждите «крымскую осень»»*.

В этой связи мы переходим к анализу человеческих ресурсов. Во время самого события вхождения в Россию жители Крыма в основном испытывали эйфорию, но, пройдя трудный 2014 г., люди могут устать ждать и надеяться, если не включатся сами в активное строительство собственной жизни. И они включаются: делают то же, что и всегда – принимают отдыхающих. Иных сфер экономического развития не обнаруживается. Пожалуй, единственное, что возрождается сегодня в хозяйстве полуострова, это аграрный сектор, причём как на индивидуальном уровне, так и в виде бизнес-структур. 2015 г. оказался весьма благоприятным по погодным условиям, поэтому удалось вырастить и собрать достойный урожай и зерновых, и овощей, и фруктов. В условиях санкций Запада против России это может стать значимым фактором развития Крыма, проблема, правда, заключается в логистике перемещения товаров.

Трудно вести речь о достаточности экономических ресурсов. Без сомнения, ситуация лишь ухудшилась. К и без того низкому уровню благосостояния населения и экономического положения республики постоянно прибавляются действия Украины, усиливающие негативный эффект.

Во время самого события вхождения в Россию жители Крыма в основном испытывали эйфорию, но, пройдя трудный 2014 г., люди могут устать ждать и надеяться, если не включатся сами в активное строительство собственной жизни. И они включаются.

В этом же, 2015 г., более благополучно обстоят дела и в туристической сфере, хотя уровень предмайdanовских лет так и не достигнут и, видимо, без дополнительных усилий государства достигнут не будет, так как «отторгнуты» украинские туристы, для которых Крым был почти дачей – доступный финансово, близкий территориально и свой по государственной принадлежности. Сегодня из Украины приезжают лишь единицы.

Ситуация с социально-экономическим положением населения тяжёлая, поэтому вызывает опасения. И здесь очень многое будет зависеть от деятельности крымских властей всех уровней (это второе условие – гражданское согласие среди элит общества) и от их взаимодействия не только друг с другом, но и с обществом. Во многих населённых пунктах Крыма представители власти в интервью говорили о необходимости постоянно общаться с гражданами, чтобы разъяснять позицию и федеральной власти и действия крымской. К этому регулярно призывает вице-губернатор с экранов телевизоров на Первом крымском канале.

На этапе вхождения в состав России представители различных структур власти далеко не были едины. Кто-то в это время уехал на Украину, кто-то лёг в больницу, кто-то просто воздерживался от каких-либо действий. Следует признать, что в большинстве случаев именно позиция населения играла роль мотора в процессе присоединения. Но и среди чиновников были те, кто безоговорочно встали на сторону общества в случаях, когда оно было активным, или в других случаях, когда население активности не проявляло, ограждали себя от происходящего в собственных домах, т. е. попросту прятались, пытаясь переждать «смутное время». Так, в первом варианте, по рассказам респондентов, *«население вынуждено было провести ряд митингов у стен администрации, прежде чем мэр вынужден был присоединиться к народному движению»*. Во втором варианте происходило так, как поведала в ходе интервью одна из современных градоначальников, которая в те времена была лишь заместителем: *«Я осталась одна в здании администрации, когда город ожидал прибытия украинских радикалов, затаившись в своих домах, а мэр заболел и лёг в больницу. Было очень страшно»*.

Наконец, последнее из рассматриваемых условий успешного вхождения Крыма в Россию и его адаптации к российской жизни и управлению – удержание государством социального контроля – реализовывалось гражданскими активистами, в число которых входили и органы власти, и их отдельные представительства, и некоторые институты, как, например, Верховный Совет Крыма. Без сомнения, стабилизирующую роль играли части российской армии, дислоцированные в Крыму. Их активная деятельность никем из респондентов

На этапе вхождения в состав России представители различных структур власти далеко не были едины. Кто-то в это время уехал на Украину, кто-то лёг в больницу, кто-то просто воздерживался от каких-либо действий. Следует признать, что в большинстве случаев именно позиция населения играла роль мотора в процессе присоединения.

Без сомнения, стабилизирующую роль играли части российской армии, дислоцированные в Крыму. Их активная деятельность никем из респондентов названа не была, но все были согласны, что они стали гарантом отсутствия вооружённых конфликтов.

названа не была, но все были согласны, что они стали гарантом отсутствия вооружённых конфликтов: *«Им не пришлось особо вмешиваться: успокаивало само их присутствие. Вот если бы их не было, то крови было бы много»*.

Ответственность за упреждение социальных конфликтов как части условий успешности транзита лежит, в первую очередь, на структурах власти, а также на сформировавшихся на местах отделениях российских парламентских политических партий и структурах гражданского общества. Во многом (если не в решающей мере) от активности последних, среди которых особое значение имеют организации национальных диаспор в многонациональном Крыму, зависит успешность процесса адаптации к российским условиям.

Мотором развития социальной напряжённости могут стать крымские татары (и с меджлисом уже есть проблемы), которые на протяжении всех последних 25 лет выказывали готовность к отстаиванию своих интересов. А питательной средой для «зёрен напряжённости» может стать недостаточная активность структур власти и низкая самоорганизация общества.

Заключение

Как видим, трансформация происходит, и инициатива её реализации принадлежит большей части крымского общества. Эта трансформация очевидно опирается на устойчивое постоянство граждан Республики Крым в их ориентации на Россию, а также на их экономическое поведение, также слабо изменявшееся на протяжении многих лет.

Исследование показало, что у этого базиса есть будущее, поскольку современная крымская молодёжь в своём большинстве, особенно студенты, учатся и планируют здесь остаться в будущем. На вопрос о том, почему они участвовали в референдуме и голосовали за вхождение Крыма в состав России, большинство ответили, что так воспитала семья и школа. Добавим, что и общий настрой людей был таковым, хотя, конечно, наши молодые респонденты могут этого не осознавать, поскольку только входят во взрослую жизнь.

Дальнейшее развитие событий зависит, в первую очередь, от тех, кто сегодня управляют процессом, и от тех, кто будут управлять им завтра. Сверхважно, чтобы векторы мировосприятия у власти и общества совпадали. А для этого самому обществу необходимо занять более активную позицию и перестать придерживаться «пассивной стратегии» адаптации.

Представляется, что многое могут сделать в этом направлении учёные-обществоведы Крыма. А они есть, о чём свидетельствуют дискуссии на Крым-ТВ. Правда, это по большей

части политологи. Но не менее важно сегодня осмысливать и социальные процессы, перспективы их развития. Крымским социологам предоставляется широкое поле научной и просветительской деятельности.

Библиографический список

Наумова Н. Ф. 1999. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал. 176 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 432 с.

Тихонова Н. Е. 2011. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. Вып. 10. М.–СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История. С. 110–126.

Халий И. А. 2014. Коммуникация власть – общество: стала ли система управления открытой? // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзевских чтений (21–22 ноября 2013 г.) М.: Институт социологии РАН. С. 227–231.

Штомпка П. 2001а. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.

Штомпка П. 2001b. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. № 1. С. 6–17.

Darendorf R. Reflection on the Revolution in Europe. L.: Chatto and Windus, 1990. 154 p.

Genov N. Transition to Democracy and Nation-state in Eastern Europe // The analysis of the International Institute of Sociology. Vol. 7 / Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: Brill, 2000. P. 148–181.

Transformation Processes in Modern Crimea¹

Khaliy Irina Albertovna

Doctor of Science (sociology), Senior researcher, Head of the Department of socio-cultural development of Russian regions, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: illaio@yandex.ru

¹ The article prepared with the support of Russian Foundation of Fundamental Researches (grant no 13–06–00314A “State and municipal management: feedback of power and society»).

Abstract: The current events in Crimea are the obvious signs of a transition from one political and cultural system to another. The transition does not entail any radical economic changes (i.e. the emergence of a market economy), since the new economy type has already been accepted and partly established in the communities that we are studying. This might prompt a conclusion that this new transition has not been as dramatic as the transition from socialism to capitalism. However, it has still caused the “cultural trauma” described by Piotr Sztompka. Along with the trauma comes the need for recovery. Thus recovery is our main focus in this study. We base our analysis on informal observation of the Crimean community and the attitudes thereof in the post-Soviet era, as well as on the field research carried out by the center for studying the social and cultural development of Russian regions in August and September, 2015. We have employed various qualitative study methods, such as: in-depths interviews with members of the local government and representatives of educational, healthcare, and cultural institutions, as well as with ordinary community members in five cities across Crimea (84 interviews in all); and 3 focus groups with local college students. We must point out that the research did not cover the local Tatar community. Our studies show that the transformation processes are underway, and the initiative to bolster these processes is supported by the majority of the Crimean population. It is also evident that the transformation is backed by the Crimean people’s unwavering affinity towards Russia, as well as by their economic activity, which has experienced few changes over the course of many years. The analysis of Crimea’s successful reunification with Russia reveals that the modern Crimean society has all the necessary prerequisites. These include: ample economic and human resources; general consent among the society’s elite; and the state’s confidence regarding social control and the prevention of drastic confrontations and armed conflicts. Research proves that the reclamation of Crimea has a future, because the modern Crimean youth, especially students, are confident about their affiliation with the region, as they keep studying here and intend to stay in Crimea once they graduate.

Keywords: Sociology, transformation, cultural trauma, political and social practices, Crimean society, local communities, reunification with Russia.

References

Darendorf R. Reflection on the Revolution in Europe. London, Chatto and Windus, 1990. 154 p.

Genov N. Transition to Democracy and Nation-state in Eastern Europe. The analysis of the International Institute of Sociology. Vol. 7. Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden, Brill, 2000, pp. 148–181.

Khaliy I. A. Kommunikacija vlast’ – obschestvo: stala li sistema upravlenija otkrytoj? [Communication “State Power and Society”: Whether the System of Management Become Open?]. Modernizacija otechestvennoy sistemy upravlenija: analiz tendenciy i prognoz razvitija. Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii i XII-XIII Dridzevskikh chteniy (21-22.11.2013). Moscow, Institute of Sociology RAS, 2014, pp. 227–231.

Naumova N. F. Recidivirujuschaja modernizacija v Rossii: beda, vina ili resurs chelovechestva [Recurrent modernization in Russia: the trouble, guilt or human resource]. Moscow, Editorial, 1999. 176 p.

Prigozhin I., Stengers I. Poriadok iz haosa: Novy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of Chaos: New Dialogue with Nature.]. Moscow, Progress, 1986. 432 p.

Shtompka P. Kul’turnaja travma v postkommunisticheskom obschestve [Cultural Injury in Post-communist Society]. Sociologicheskie issledovaniya, 2001, no 2, pp. 3–12.

Shtompka P. Social’noe izmenenie kak travma [Social changes as Injury]. Sociologicheskie issledovaniya, 2001, no 1, pp. 6–17.

Tihonova N. E. Social’naja modernizacija i perspektivy kul’turnoy dinamiki v Rossii. Rossija reformirujushajasia: Ezhegodnik – 2011. Ed. by M. K. Gorshkov. Vol. 10. Moscow, Saint-Petersburg, Institute of Sociology RAS, Nestor-Istorija, 2011, pp. 110–126.

Т е м а н о м е р а : Крым – новый субъект Российской Федерации: социальные аспекты

Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества

Чигрин Виктор Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной философии Философского факультета, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

E-mail: sociochigrin@mail.ru

Харабуга Виктор Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук медицинской академии им. С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

E-mail: harabuga_victor@mail.ru

Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы формирования исторической памяти общества Крыма, методологические и методические особенности тестирования этого сложного явления. На материалах оригинальных социологических исследований доказана несостоятельность псевдосоциологов, пытающихся показать, что молодёжь Республики Крым отрицательно относится к воссоединению Крыма с Россией. Выявлены специфические методологические аспекты, которые необходимо применять в ходе социологических исследований на полуострове. Показано, что Республика Крым является регионом с комплексом специфических отраслей (мореходство, рыболовство и рыбообработка, туризм, санаторно-курортное обслуживание), а также обладает сложной социальной структурой, весьма чувствительной к кризисным явлениям. Утверждается, что осмысление этих проблем разными территориальными и социально-профессиональными группами населения, их перевод в сферу повседневных и инновационных социальных практик не является и не может быть единообразным, что по-разному проявляется в практиках политических и электоральных. Доказано, что крымская молодёжь характеризуется лабильностью исторической памяти, в которой наблюдается смесь менталитетов: менталитет принадлежности к общности «Мы – крымчане», менталитет этнонациональной исключительности и, наконец, менталитет «исторического беспамятства», насаждавшегося, прямо или косвенно, в годы украинского владения Крымом.

Ключевые слова: историческая память, выборка исследования, этническая структура, патриотическое воспитание

Постановка проблемы: качество современных социологических исследований крымского общества

Совсем недавно, в начале марта 2015 г. на сайте «Крымской правды», газеты с солидным стажем, появились довольно странные материалы социологического опроса [61% читателей ...], результаты которого таковы:

ОПРОС

5 Марта

**Как бы вы ответили на вопросы
всекрымского референдума сегодня?**

4878 Человек проголосовали всего, из них:

20% (965) За воссоединение с Россией

61% (2957) За широкие полномочия Крыма в
составе Украины

20% (956) Не явился бы на референдум

Эти весьма странные данные, противоречащие результатам многолетних исследований, проводившихся в Крыму различными структурами, поражают читателя, а тем более социолога. Возникает масса вопросов, из которых следует выделить два:

1. Каковы методология и методика выборки этого исследования, а именно – какие группы крымчан попали в эту выборку?

2. Какая организация проводила данный опрос? Насколько профессиональны люди, взявшие на себя ответственность за его результаты?

Далее на сайте «Крымской правды» приводится ещё один «документ»:

Пока трудно сказать, кто и каким образом запустил явно сфальсифицированные данные в интернет, да ещё и на сайте популярной газеты, но очевидно, что сегодня социология используется как идеологическое оружие, способное

влиять на мнение пользователей, не особенно искушённых в методологии, методике и технологии проведения подобных исследований.

К сожалению, научные публикации, в том числе и самих социологов, создают впечатление, что как потребители, так и исследователи, занимающиеся политической социологией, не всегда имеют должное представление об особенностях методологии, не знают методик, применяемых в таких исследованиях. Не являются исключением и преподаватели высшей школы, призванные воспитывать новых граждан своей страны и готовить специалистов для различных сфер общественной жизни.

К большому сожалению, некоторые политики и исследователи забывают о такой важнейшей составляющей самоидентификации членов общества, как историческая память. В то же время следует согласиться с точкой зрения И. Е. Козновой [Кознова 2000], согласно которой существует тесная взаимосвязь между ментальными установками людей, их памятью и поведением. Ментальность – это непрерывный опыт социума, проявляющийся как цепь опытов поколений. Ментальность как память передаётся в виде психических, логических, лингвистических и других образов и структур, а также в виде текстов. Ментальные установки людей определяют характер и особенности исторического процесса.

Современное же общество, по мнению авторов данной статьи, постоянно находится в поиске того, насколько память, которая относится вовсе не к прошлому, а выражает отношение «прошлое-настоящее», в действительности объясняет современность.

Это положение подтверждают наши исследования, проводившиеся в Крыму ещё в 2005 г. Мы фиксировали уже тогда, на пике «оранжевой революции», желание крымчан образовывать либо межгосударственный союз с Россией и Беларусью (39,1%), либо возродить с ними единое государство (29,3%). Эта тенденция сохранялась и в последующие годы, отражая особенности ментальности большинства крымчан, в том числе и студентов, которые в большинстве своём утверждали, что с детства в их семьях именно Россия рассматривалась как доминантная составляющая миропонимания¹.

Исследования, проведённые нами в Крыму и Севастополе в 2012 и 2013 гг., показали сохраняющееся стремление значительной части населения Крыма к воссоединению с Россией. Это стремление к осени 2013 г. вылилось в проективную готовность едва ли не половины крымчан к такому событию (см. таблицу 1).

¹ Было проведено 4 фокус-группы на естественных и гуманитарных факультетах КФУ им. В. И. Вернадского.

Современное общество постоянно находится в поиске того, насколько память, которая относится вовсе не к прошлому, а выражает отношение «прошлое-настоящее», в действительности объясняет современность.

Исследования, проведённые нами в Крыму и Севастополе в 2012 и 2013 гг., показали сохраняющееся стремление значительной части населения к воссоединению с Россией. Это стремление к осени 2013 г. вылилось в проективную готовность едва ли не половины крымчан к такому событию.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы считаете, для Крыма лучше...» (N=2750)**

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Войти в состав Российской Федерации, несмотря на обострение обстановки	48,9
Добиваться больших полномочий для автономии, но в рамках Украины	25,5
Оставаться в составе Украины как АРК, так как статус Крыма не актуальная тема	12,3
Оставаться в составе Украины, но как автономная национальная республика	8,3
Оставаться в составе Украины без особого статуса как остальные регионы Украины	4,9

Как же тогда расценивать приведённые в начале статьи результаты так называемого «исследования»?

Обратимся к наиболее болезненным вопросам методологии и методики таких исследований, а именно – построению выборки. Поскольку её адекватность является предпосылкой достоверности результатов любого исследования, необходимо рассмотреть данный вопрос принципиально.

В западной социологии, а в последнее время и у социологов постсоветского пространства, появилась тенденция использования как можно большего числа элементов так называемой «случайности» в выборке. Так, в ходе некоторых заказных исследований нашим анкетёрам предлагалось проводить опрос, отсчитывая, например, каждый десятый дом, десятую квартиру в каждом подъезде, а затем, если хозяев нет дома или они по каким-то параметрам не отвечают предъявляемым требованиям, производить сложные математические подсчёты, определяя смещение шага выборки. Нужно сказать, что кодовые замки, консьержи и прочие особенности современного градоустройства делают строгое соблюдение правил такой «математизированной случайной» выборки весьма затруднительным.

Полную противоположность, методически весьма проблематичную, представляют предпринимавшиеся нашими коллегами «уличные опросы», которые, на наш взгляд, представляют кустарную модель квотной выборки, за что делается стыдно перед Э. Ноэль-Нойманн. Практика показывает неприемлемость таких подходов в условиях нашего общества и наших населённых пунктов.

Во-первых, в западных странах, в отличие от стран постсоветского пространства, более жёсткой является социальная структура населения, вследствие чего элементы случайно-

сти не искажают внутригрупповой картины, а, наоборот, обогащают её содержание, позволяя большинству групп, входящих в генеральную совокупность, попасть в выборку.

Во-вторых, поселенческая и расселенческая структуры западных стран также являются достаточно жёсткими. Например, определены и почти не нарушаются районы расселения определённых социальных или этнических групп общества. Вследствие этого, западные социологи и используют фактор случайности, зная, что «в стаю ворон не попадёт сорока».

У нас же в силу процессов, происходящих в трансформирующемся обществе, а тем более в таких сложных полиэтничных социумах, как Крым, формированию выборки должно предшествовать:

1. Изучение демографической статистики в каждом городе, округе, районе, т. е. исходной единице обследования.

2. Изучение характера застройки кварталов данного города, посёлка, даже села по ряду признаков, среди которых типология домостроений, этажность, типология собственности на жильё, наличие общежитий как потенциальных объектов направленного воздействия и др.

3. Изучение времени застройки того или иного населённого пункта, (микрорайона), знание которого позволяет довольно точно прогнозировать возрастные параметры респондентов исследования.

4. Изучение факта наличия хозяйственно-бытовых (рынки, торговые центры, стихийные рынки) и культурно-спортивных объектов, а также степени их притягательности для населения.

5. Изучение электоральной статистики, в частности многолетних данных по избирательным участкам, районам и округам, в зависимости от требуемых параметров точности результатов исследования.

6. Учёт при составлении анкеты особого менталитета, присущего различным составляющим полиэтничного социума, включая внутренние и внешние факторы, характеризующие особенности формирования исторической памяти этносов, поколений, поселенческих общностей.

Несоблюдение указанных правил может привести к рискам получения неадекватных данных, которые сегодня являются недопустимыми для нормального развития Крыма, для обеспечения его безопасности. Наконец, недопустимы они и для системы образования, цель которого – не только подготовка специалистов определённых отраслей производства, но и формирование их гражданского сознания, частью которого является неискажённая историческая память.

В связи с этим, следует учитывать, что, во-первых, Республика Крым является регионом с такими специфическими отраслями, как мореходство, рыболовство и рыбообработка, туризм, санаторно-курортное обслуживание, а также со сложной социальной структурой, весьма чувствительной к кризисным явлениям. Это приводит к разнообразию социальных проблем, с которыми сталкивается наш регион. Естественно, осмысление этих проблем разными территориальными и социально-профессиональными группами населения, их перевод в сферу повседневных и инновационных социальных практик не является, да и не может быть единообразным и, естественно, по-разному проявляется в практиках политических и электоральных.

Во-вторых, это проблема взаимодействия культур, языков, конфессий, которой, как показывает практика, украинские власти не озаботились в должной мере за все 23 года «независимости». В результате мы сталкиваемся с тем, что в некоторых основных этнических группах населения Крыма имеются политически активные элементы, выступающие с националистических позиций, и, вслед за М. Джемилёвым и Р. Чубаровым, стремящиеся к превращению своего народа в титульный этнос полуострова. Другие представители крымско-татарского, украинского, российского и прочих этносов, формирующих полиэтничный социум Крыма, представляют принципиально иную модель менталитета, которую можно определить формулой «Мы – крымчане». Здесь наш анализ свидетельствует об активном включении в этот процесс факторов исторической памяти, неоднозначной у разных этносов Крыма, и их внутренних составляющих.

Полиэтническое общество и его историческая память

Всё это не могло не втянуть Крым в пучину социальной аномии, характерной для населения Украины в целом. Хотя воссоединение с Россией и стало символом начала нового пути, однако это процесс не одномоментный и достаточно сложный.

Приведём только один пример. Так, при проведении социологических исследований в Крыму особо следует учитывать сложносоставной характер этого субъекта Российской Федерации. Здесь, по данным этнографов [Народы Крыма...], проживают представители более 125 разных этносов. Доминируют три этнические группы: русские, украинцы и крымские татары. Причём, по данным последней украинской переписи 2001 г. русские составляли 1 180 441 человек, украинцы – 492 227 человек, крымские татары –

Республика Крым является регионом с комплексом специфических отраслей, включающих мореходство, рыболовство и рыбообработку, туризм, санаторно-курортное обслуживание, а также имеет сложную социальную структуру, весьма чувствительную к кризисным явлениям. Это приводит к разнообразию социальных проблем, с которыми сталкивается наш регион.

243 433 человека. Таким образом, главной особенностью крымского социума является его полиэтническое многообразие. Кроме того, все три доминирующие группы расселены дисперсно. Первые две из них – русские и украинцы – не имеют чётко выраженных мест компактного проживания и в основном равномерно распределены по территории полуострова. Численность русских в Крыму всегда значительно превышала количество украинцев. Около 50% от общей численности русских и большинство украинцев – около 70% – не родились на полуострове и по сути являются укоренившимися здесь мигрантами.

Дисперсное расселение русских и украинцев, особенно в городских населённых пунктах, отсутствие между ними языкового барьера, культурная близость приводят к большому количеству смешанных браков. Многим из тех, кто родился в русско-украинских семьях, трудно достаточно чётко определить свою национальную принадлежность. В Крыму особенно активно в послевоенный период шёл процесс межэтнической миксации восточнославянских этносов.

Начиная с 1954 г., т. е. с момента вхождения Крыма в состав Украины, власти Украинской ССР настойчиво пытались административно-командным путём внедрить здесь украинские языковые и культурные стандарты. Однако их усилия не привели к существенной украинизации. Скорее, сами украинские переселенцы оказались в поле более сильного русского культурного влияния.

Об этом свидетельствуют результаты Всеукраинского референдума 1991 г. при ответе на вопрос: «Поддерживаете ли вы Акт провозглашения независимости Украины?». Из 1 535 154 избирателей, внесённых в списки голосования, «за» высказались только 561 498 человек или 36,58%. Таким образом, 973 656 избирателей Крыма (почти 2/3 от общего числа) не одобрили или отказались голосовать за Акт провозглашения независимости Украины, что ставит под сомнение легитимность этого референдума в Крыму. Русские и украинцы Крыма в этом вопросе были едины. Между ними не было проявлений межэтнического противостояния.

За два последних десятилетия этнический портрет Крыма существенно изменился. Произошёл быстрый механический прирост третьей национальной группы крымского населения – татар. По данным Совета министров Республики Крым, на 01.01.2015 г. в республике проживало 266 855 татар, или 13,5% от всего населения полуострова. В процессе массового и быстрого переселения татар в крымском обществе усилился его многонациональный уклад, а предпосылки этнических конфликтов присутствуют в любом полиэтничном обществе.

Следует отметить, что среди других этнических групп Крыма татары отличаются гораздо большей внутренней этнической гомогенностью, а высокоразвитое чувство этничности позволяет им даже в смешанных браках не терять своей идентичности. У них высокий уровень национального самосознания и сплочённости, осознания принадлежности к татарской культурной традиции и традиционной религии – исламу. В процессе переселения, вызвавшего множество проблем для этого народа, произошла этнополитическая мобилизация татар.

К сожалению, крымский социум превратился в общество с достаточно высоким потенциалом возможного этнополитического конфликта. Его главной идеологической составляющей является идея о том, что государство есть атрибут и гарант сохранения этногрупповой целостности. Это означает, что всё то, что составляет государство (территория, общественное устройство, институты власти), должно иметь этнонациональный характер и быть элементом какой-то одной культурной системы. Такие представления и претензии в условиях украинской модели этнической политики создают моральную основу для требований контроля над государством со стороны определённой этнической общности, даже если её представители не составляют большинства населения данного региона. Именно эту идею положили в основу своей политической программы лидеры националистического движения татар Крыма. Во всех основных документах самопровозглашённых органов власти татар «курултае» и «меджлиса» утверждается имманентная приоритетность суверенитета в Крыму их этнической группы.

В частности, в «Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа», принятой «3-м Курултаем» 28 июня 1991 г., сказано: *«Крым является национальной территорией крымско-татарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымско-татарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом»*. Госдеп США и спецслужбы стран блока НАТО всячески поддерживали данный политический тезис, выдвигаемый «меджлисом» и на различных уровнях внедряли его в политическую и юридическую практику.

В результате Украина фактически провоцировала Крым на этнополитический конфликт, который, к счастью, имел вялотекущий характер. Попытки обострить ситуацию накануне воссоединения Крыма с Россией, используя часть крым-

Среди этнических групп Крыма татары отличаются гораздо большей внутренней этнической гомогенностью, а высокоразвитое чувство этничности позволяет им даже в смешанных браках не терять своей идентичности. У них высокий уровень национального самосознания и сплочённости, осознания принадлежности к татарской культурной традиции и традиционной религии – исламу.

К сожалению, крымский социум превратился в общество с достаточно высоким потенциалом возможного этнополитического конфликта. Его главной идеологической составляющей является идея о том, что государство есть атрибут и гарант сохранения этногрупповой целостности.

скотатарского этноса (изнутри) и украинских националистов (извне), провалились. И здесь западные и украинские политики правого толка и обслуживающие их социологи не учли того, что в среде крымских татар фиксируется несколько срезов исторической памяти.

Те, кто пережил, даже будучи ребёнком, депортацию, вполне естественно фиксируют в своей памяти этот страшный для тысяч людей прецедент, неприятие которого становится частью менталитета этих людей.

Те, кто родился и вырос в местах депортации, в частности, в Узбекистане, подсознательно считают его своей малой родиной, а потому более умеренно, толерантно рассматривают ситуацию, не поддерживают, во всяком случае – активно, этнополитические элиты, которые настойчиво действуют в процессе развития конфликта, ищут поддержку своих позиций за пределами Крыма. И это иной срез исторической памяти крымскотатарского населения.

Наконец, крымскотатарская молодёжь характеризуется лабильностью исторической памяти. Именно в ней мы видим смесь менталитетов – менталитет принадлежности к общности «Мы – крымчане», менталитет этнонациональной исключительности и, наконец, менталитет «исторического беспамятства», насаждавшегося, прямо или косвенно, в годы украинского владения Крымом.

Подобные «миксы» исторической памяти мы наблюдаем и у молодёжи иных, в том числе славянских этносов, что ставит особые задачи и перед социологами, и перед работниками образования.

Деятельность социологов в Крыму означает работу в зоне флуктуаций исторической памяти населения. Исследование места и роли разных групп в крымском социуме предполагает выявление и оценку зависимости между взглядами и мнениями респондентов и рядом социально-демографических характеристик: возрастом, уровнем образования, типом и размером населённого пункта, в котором проживают респонденты.

Выводы

В заключение отметим, что далеко не все, кто сегодня называют себя социологами, в достаточной степени владеют методологией и методикой разработки, организации, проведения и анализа результатов социологического исследования. А ведь приведённые примеры показывают, насколько филигранно должны работать социологи, чтобы получить достоверную, исчерпывающую информацию.

Украина фактически провозгласила Крым этнополитическим конфликтом, который, к счастью, имел вялотекущий характер. Попытки обострить ситуацию накануне воссоединения Крыма с Россией, используя часть крымскотатарского этноса (изнутри) и украинских националистов (извне), провалились.

В современных условиях именно от преподавательского корпуса, коллективов университетов и колледжей в значительной мере будет зависеть открытие новой страницы исторической памяти, формирование её у нынешних и будущих поколений, а также становление непредвзятых межэтнических и межконфессиональных отношений и разрешение многих других проблем, которые стоят сегодня перед обществом Крыма в новой геополитической конфигурации.

Библиографический список

61% читателей «Крымской правды» хотят возвращения Крыма в состав Украины – опрос // Центр журналистских расследований. URL: <http://investigator.org.ua/news/150577/> [Дата посещения: 9.03.2015].

Кознова И. Е. 2000. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: Институт философии РАН. 207 с.

Народы_Крыма // Крымология. URL: <http://www.krymology.info/index.php/> [Дата посещения: 19.03.2015].

Crimean Events and the Development of Society's Historical Memory

Chigrin Victor Alexandrovitch

Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of Department of Sociology and Social Philosophy, Tauride Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia. E-mail: sociochigrin@mail.ru

Kharabuga Victor Vasslievitch

Kharabuga Victor Vasslievitch, Candidate of Sociological Sciences, Assistant professor of Department of Philosophy and Social Sciences, S. I. Georgievsky Medical Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia. E-mail: harabuga_victor@mail.ru

Abstract. The article raises the issue of the historical memory of various age and ethnic groups as an important part of their identity. It analyzes the methodological and procedural peculiarities of studying this complex phenomenon within an ethnically diverse community, in region that is also just as diverse in terms of the climate and environment, community types, and the social and professional stratification. Independent sociological research disproves certain sociologists' attempt to assert that the overwhelming majority of the Crimean population, young adults and students in particular, is opposed to their home region being reunited with Russia. Our studies reveal that not all of these sociologists, despite their claims of professionalism, are in fact capable of properly employing the necessary methods and procedures that are needed to plan, organize, carry out, and analyze a sociological survey. Such semi-professional research is then used by the media for political propaganda. The article lists several examples that show the level of scrupulous attention to every detail that is required from sociologists in order to collect reliable, relevant, and empirically supported data. We also establish that today, efforts must be made to fill in and turn over a new leaf in the book of historical memory, shared by the current and future generations of Crimeans, so that the local youth and students embrace the values of ethnic and religious diversity. And finally, we arrive at the general conclusion that such challenges of the modern age as the reclamation of Crimea, the Ukrainian crisis, the war in Syria, the immigration issues in the European Union, and the outbreak

of xenophobia in the countries that once prided themselves on their tolerance, are symptoms of an overall decline of political and legal culture among the people, as well as a lack of balance, and outright distortions, in the way some young adults perceive socially acceptable behavior, in terms of both day-to-day interactions and social and political practices. As a result, we believe that society should do its utmost to nurture responsible citizens and patriots with an untainted historical memory.

Keywords: Sociology, Crimea, historical memory, mentality, research sampling, ethnic profile, patriotic upbringing.

References

61% chitatelei “Krymskoi pravdy” khotyat vozvrasheniya Kryma v sostav Ukrainy – opros [61% of readers of “Crimean truth” want to return the Crimea in the Ukraine – poll]. Centr zhurnalisticheskikh rassledovaniy Ukrainy. Official website. URL: <http://investigator.org.ua/news/150577> [date of visit: 9.03. 15].

Koznova I. E. XX vek v social'noy pamiati rossiyskogo krest'janstva [The twentieth century in the historical memory of the Russian peasantry.]. Moscow, IPH RAS publ., 2000. 207 p.

Narody Kryma [Peoples of the Crimea]. Website «Krymologija». URL: <http://www.krymology.info/index.php> [date of visit: 9.03. 15].

Т е м а н о м е р а : Крым – новый субъект Российской Федерации (социальные аспекты)

Развитие гуманитарной среды Крыма как многоукладного социокультурного пространства

Щербина Виктор Николаевич –
доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии и социальной философии,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского. Симферополь

E-mail: s-vn@mail.ru

Развитие гуманитарной среды Крыма как многоукладного социокультурного пространства

Аннотация

В статье анализируются социальные аспекты формирования единого гуманитарного пространства Крыма. Современный Крым – это общество, исторически сформированное различными этническими группами, проживающими вместе. Автор предлагает рассматривать развитие социокультурного разнообразия гуманитарного пространства как единства социокультурных укладов – традиционного, современного и коммуникативного. Делается вывод о возможности развития гуманитарной среды на основе программ социальной ответственности, формируемых совместными усилиями государства, бизнеса и общественности. Культура, социологически понимаемая автором как нормы, ценности и процедуры легитимации, в нынешних условиях, как отмечается, играет всё более определяющую роль в формировании социального поведения личности и на этой основе обуславливает стабильность и преемственность динамики общественного развития.

Ключевые слова: культурный уклад, гуманитарная среда, социальная ответственность, общественное развитие

Современный Крым – общество, исторически сформированное различными этническими группами, проживающими вместе. Каждая такая группа имеет свою собственную и в то же время общую с другими многовековую историю. События, образующие историю крымского сообщества, составляют единое культурное наследие Крыма, одинаково важное для всех его жителей, несмотря на имеющиеся различия в их интерпретации. Русские и украинцы, евреи и татары, грузины и греки, караимы и немцы, эстонцы, шведы – представители более 170 наций и национальностей внесли свою лепту в создание уникального социального пространства полуострова, сделали его местом необычного культурного многообразия. Современный социокультурный образ Крыма фундаментально определяется общностью судеб многих этносов, как в капле воды отражая многообразие всего человечества.

Жизнь любого народа глубже и богаче политической составляющей, но критически зависима от неё, поэтому политика в области гуманитарного развития предполагает опору на понимание специфики процессов, органически присущих конкретному сообществу. Этническое, культурное, языко-

вое и религиозное многообразие крымского общества всегда привлекало людей своей открытостью и доброжелательностью. Атмосфера терпимости и диалога, социокультурного разнообразия способствовала взаимопроникновению культур, укреплению связей как внутри крымского сообщества, так и формированию разнообразных каналов цивилизационных коммуникаций между этносами, живущими вне полуострова.

Выработанный в процессе совместного проживания различных этнических групп коммуникативный потенциал Крыма – уникальный пример взаимопроникновения культур, он должен быть сохранён и развит в специфических условиях современности. Эту задачу можно решить на основе подходов, делающих возможным понимание многообразных культурных сред в их единстве. Непременным условием здесь является понимание специфики социальной среды, в которой взаимодействуют акторы, ориентирующиеся на нормативные и ценностные представления, свойственные различным социокультурным укладам. При этом важно сделать акцент на том, что культура, социологически понимаемая как нормы, ценности и процедуры легитимации, в нынешних условиях играет всё более определяющую роль в формировании социального поведения личности и на этой основе обуславливает стабильность и преемственность динамики общественного развития.

Задача статьи – рассмотреть основания и возможности развития единого социокультурного пространства современного Крыма.

Теоретические основания анализа социокультурных укладов

Современное научное представление о том, что общество – это целостная устойчивая система социальных отношений, которая возникает и развивается в процессе становления индустриального цивилизационного уклада [Глазьев, Львов, Фетисов 1992], вполне соответствует социальным целям и задачам в рамках развития индустриализма.

Вместе с тем преувеличение такой методологической позиции порождает множество недоразумений, создаёт эпистемологическую перспективу бессмысленности научного изучения культуры, трактуя это занятие как «игру в бисер», поскольку культуры, с точки зрения такой познавательной установки, выглядят неким дополнением к универсальным индустриальным процессам, зависящим исключительно от технологических укладов. Одним из способов избежать этого может быть понимание культуры, в которое включалось бы видение её исторической изменчивости в рамках устойчивых социокультурных укладов.

Выработанный в процессе совместного проживания различных этнических групп коммуникативный потенциал Крыма – уникальный пример взаимопроникновения культур, он должен быть сохранён и развит в специфических условиях современности.

На ранних стадиях развития человечества содержание культуры было обусловлено высокой степенью зависимости человека от природной динамики, что сформировало соответствующий тип культуры – традиционный. Культура в этот период выступала способом вплетения жизни отдельного индивида в необъятный и вечный космос, живущий по неизменным и чуждым отдельному человеку ритмам и законам. Природные условия на этом этапе достаточно жёстко детерминировали общественные процессы, и культура как регулятор соответствовала этому состоянию. С развитием техно- и социосферы культура человеческих сообществ всё более обуславливается социодинамикой и технологическим развитием общества. Культура эпохи модерна строится на принципах «самостояния» человека и его универсальной природы, что позволяет отдельному индивиду изменять условия своей жизни путём включения в социальные порядки, восходящие к потребностям индустриального производства, разделения труда, рыночных экономик. Социум посредством социализации задаёт горизонт норм и ценностей социальных групп, носителями которых таким образом и становятся индивиды. На этом этапе формы и содержание культуры могут быть поняты на основе анализа характера и содержания соответствующих исторически устоявшихся форм общественной жизни, то есть социологически. Современность всё время разная: поскольку техно- и социосфера прогрессируют, социокультурные конструкты изменяются вместе с ними. Наша современность, понимаемая как «завершение эпохи модерна», ставит человечество перед проблемой производства индивидуализированной культуры, предполагающей самобытность отдельного индивида, вступающего в социальные отношения, имеющие сетевую форму и коммуникативную природу. Индивид мыслится как «социальная молекула» – самостоятельная (в идеале) инстанция, определяющая своё, в том числе и общественное, поведение самостоятельно [Бауман 2002]. При этом имеющиеся социальные порядки выступают одним из ресурсов, но не являются определяющим условием социализации. С такой точки зрения содержательные метаморфозы, многообразные лики современной культуры определяются тем, что, вслед за природным, и социальное бытие теряет своё решающее значение для конструирования норм и ценностей, на основе которых выстраиваются жизненные миры человека. Возникает ощущение «завершения социального» [Фукуяма 2004]. Но так ли это фактически, не заблуждается ли индивид относительно своего реального положения в обществе, будучи впечатлённым теоретическими построениями постмодернистской социологии? Можно предположить, что «и да, и нет», поскольку, с одной стороны, прежние механизмы воспроизводства социальных порядков

С одной стороны, прежние механизмы воспроизводства социальных порядков и социального контроля, сформировавшиеся в эпоху модерна, утрачивают свою действенность, но, с другой стороны, новые ещё не вполне концептуализированы и осознаны. Это новое положение человека в обществе актуализирует проблему его ценностного самоопределения.

и социального контроля, сформировавшиеся в эпоху модерна, утрачивают свою действенность, но, с другой стороны, новые ещё не вполне концептуализированы и осознаны. Это новое положение человека в обществе актуализирует проблему его ценностного самоопределения.

Новая волна индустриализации, основанная на шестом и седьмом технологических укладах (развитие нано-, био- и возобновляемых технологий с использованием персонифицированных киберкоммуникативных сред) [Малинецкий 2010] иначе позиционирует индивида в обществе, что позволяет говорить об индивидуализированном обществе. В этой ситуации социальные отношения формируются с большим акцентом на ценностные ориентации индивида, которые формируются в окружающем его мире культуры. Возникновение устойчивого социального порядка в таких условиях зависит в равной степени как от специфики индустрий новых укладов, так и от того, насколько общество способно удерживать здоровые культурные основания как ресурс личностного развития. Индивид, живущий в таком обществе, не находит гарантирующих социальную мобильность устойчивых социальных институтов и нуждается для этого в полноценной среде, содержащей культурные коды (нормы и ценности) [Гидденс 2005]. В качестве таковой выступает гуманитарная среда – в первую очередь этническая, содержащая фундаментальные мировоззренческие культурные коды. Эта среда включает исторически сформировавшиеся, прошедшие вековой отбор представления о добре и зле, о праве, долге, ответственности и способах общения между поколениями, представления об истории того сообщества, в котором человек живёт. Народная культура, традиционные религии – устойчивое основание для воспитания фундаментальных свойств личности. Это консерватизм, говоря словами Н. Бердяева, «не удерживающий от движения вперёд и вверх, а позволяющий не сползть вниз и назад» [Бердяев 2012]. В свою очередь, целенаправленные технологии развития социальной среды всё больше востребуют собственно культуротворчество, а динамика социальной среды может анализироваться сквозь призму имеющихся культурных укладов.

Культурная политика, проводимая в соответствии со спецификой потребностей людей, ориентированных на различные культурные уклады, становится одним из необходимых условий создания прочного социального порядка. Поэтому проблема множественности культуросозидающих практик приобретает своё значение в жизни современных обществ. Эти общества характеризуются сверхсложностью и многоукладностью, каждое локальное сообщество формируется и развивается в контексте динамики различного рода и масштабов исторических процессов. Культурный уклад – понятие,

Культурная политика, проводимая в соответствии со спецификой потребностей людей, ориентированных на различные культурные уклады, становится одним из необходимых условий создания прочного социального порядка.

характеризующее исторически сформировавшиеся, устойчивые типологические черты порядка организации и содержательной наполненности нормативно-ценностных конструктов, присущих социальным группам и индивидам, выражающимся в материальных, идеальных, структурно-организационных и символических атрибутах их жизни в составе конкретно-исторических обществ. Культурный уклад – конкретно-исторический конструкт, присущий обществу. Он характеризуется принципами построения, способами обмена деятельностью, материально-технологическим основанием, типом ценностей и норм, социально-исторической и пространственно-временной определённости.

Многоукладность Крыма как доминанта формирования единого культурного пространства

В каждом обществе, в каждом этносе присутствуют черты, характерные различным культурным укладам, однако в разной степени выраженности и в разном композиционном построении. Общества, в которых доминирует нормативно-ценностная система, свойственная одному укладу, можно назвать моноукладными, те же, что содержат различные ценностные системы – многоукладными. Общество Крыма – пример такой многоукладности, поскольку представители различных этнических групп взаимодействуют в рамках трёх технологических укладов – традиционного, модернистского и коммуникативного.

Ушедший в далёкое прошлое *архаический* культурный уклад характеризуется непосредственно коллективной, внеличностной, синкретичной неконцептуализированной системой ценностных оснований социального взаимодействия, выраженной в виде анимистических верований, а также отсутствием выделенных социальных механизмов нормотворчества и социального регулирования. Социальные акторы в рамках такого уклада не имеют личностной определённости, а социальные факторы не выступают предметом осмысления в процессе социального взаимодействия. Аффективное поведение толпы и некоторые явления в молодёжных субкультурах (флешмоб, фанаты) в Крыму сегодня выступают своеобразным реликтовым прообразом такого уклада.

Традиционный культурный уклад характеризуется выделенной системой ценностных представлений, концептуализированных в виде мифологических и религиозных конструктов, содержащих структуру субъективного детерминирования социальных взаимодействий в абстрактно-личностной и групповой форме. Примером сообщества, организованного

Архаический культурный уклад характеризуется непосредственно коллективной, внеличностной, синкретичной неконцептуализированной системой ценностных оснований социального взаимодействия, выраженной в виде анимистических верований, а также отсутствием выделенных социальных механизмов нормотворчества и социального регулирования.

Традиционный культурный уклад характеризуется выделенной системой ценностных представлений, концептуализированных в виде мифологических и религиозных конструктов, содержащих структуру субъективного детерминирования социальных взаимодействий в абстрактно-личностной и групповой форме.

на основах такого уклада, выступает религиозная община, этническая общность, что в большой степени присуще крымскому обществу.

Модерный культурный уклад характеризуется социальным взаимодействием, опосредованным совместной производственной деятельностью, институциализированной системой производства (концептуализации) рационализированных ценностных конструктов и нормотворчества. Примером такого сообщества выступает государство-нация эпохи развитого модерна. В Крыму подобный уклад проявился в выборе присоединения к России.

Коммуникативный культурный уклад характеризуется социальным взаимодействием в сетевой форме, отсутствием институциализированной системы ценностно-нормативного регулирования, самореферентностью сообществ, образуемых на основе символической самоидентификации. Возникающие на этой основе киберкоммуникативные сетевые сообщества становятся основой развития новых социальных сред (например, социальные сети в интернете) и форм социального поведения. Такой уклад в Крыму осуществляется, например, в сетевом взаимодействии молодёжи, прежде всего студенческой.

Социокультурные уклады взаимосвязаны и взаимозависимы. В своём единстве они характеризуют конкретное исторически сформированное сообщество, определяют различные смысловые горизонты социального взаимодействия, типы личности, социальные роли, характер социального взаимодействия. Культура каждого этноса с этой точки зрения может быть проанализирована как содержащая компоненты всех четырёх социокультурных укладов, процессы межэтнического взаимодействия развиваются в соответствующих различных смысловых горизонтах. Диалог этнических сообществ в многоукладном обществе может быть рассмотрен как социокультурное взаимодействие на основе норм и ценностей, свойственных различным социокультурным типам.

Крым с точки зрения такого подхода представляет собой многоукладное общество, в котором представители различных этнических сообществ взаимодействуют на всех уровнях социального общения как равные, взаимодополняющие и необходимые друг другу социальные акторы. Для гармонизации такого общения необходимы социальные условия – обеспечение возможностей реализации присущих различным этническим группам моделей поведения, соответствующих различным культурным укладам, общим условием чего выступает поддерживаемая институционально взаимная открытость и постоянный диалог между социальными группами. Нормы и ценности различного типа культурных укладов, исторически

Модерный культурный уклад характеризуется социальным взаимодействием, опосредованным совместной производственной деятельностью, институциализированной системой производства (концептуализации) рационализированных ценностных конструктов и нормотворчества.

Коммуникативный культурный уклад характеризуется социальным взаимодействием в сетевой форме, отсутствием институциализированной системы ценностно-нормативного регулирования, самореферентностью сообществ, образуемых на основе символической самоидентификации.

Крым представляет собой многоукладное общество, в котором представители различных этнических сообществ взаимодействуют на всех уровнях социального общения как равные, взаимодополняющие и необходимые друг другу социальные акторы.

сформировавшиеся в рамках различных этнических общностей, образуют культурное основание специфической общественной среды Крыма.

Иными словами, существует единая гуманитарная среда, которую следует поддерживать и развивать как ресурс успешного социального развития наряду с внедрением новых технологий и развитием новых технологических укладов, развитием экономических и политических институтов. В этой среде можно выделять компоненты, выступающие основой социального напряжения и социального единства между этническими группами в рамках различных социокультурных укладов.

Для укрепления единого гуманитарного пространства Крыма в этом отношении необходимо развитие межконфессионального диалога на уровне религиозных общин, развитие практик изучения основ мировых религий в школах, помощь в организации и освещении религиозных празднеств. Для развития полноценного культурного диалога в рамках традиционного уклада большое значение имеет популяризация элементов бытовой культуры различных этнических групп – приготовление блюд национальной кухни, возрождение народных игр, изучение и демонстрация особенностей жилищного уклада, семейного воспитания. Этому в Крыму уже посвящены специальные телепередачи, городские и сельские праздники, исследовательские проекты студентов местных вузов, выпуск соответствующей литературы.

Богатейший материал для развития гуманитарного пространства Крыма представляют собой компоненты современного (индустриального) социокультурного уклада, присущие различным этническим группам. Исторические исследования традиционных ремёсел, музеефикация индустриальных достижений в промышленности и сельском хозяйстве способствуют укреплению совместной исторической памяти. Популяризация научных, инженерных достижений крымчан, освещение деятельности научно-исследовательских заведений, участие представителей различных этнических групп в проектах индустриального развития Крыма, обсуждение перспектив и возможностей новых форм индустриализации – всё это постепенно становится основой развития единой социокультурной среды.

Коммуникативная составляющая гуманитарного пространства крымского сообщества будет успешно развиваться в контексте создания технопарков и точек технологического роста. Особый потенциал с этой точки зрения имеет также использование сформировавшихся традиций проведения различных научных конференций в Крыму, для улучшения организации которых возможно создание специального органа.

Исторические исследования традиционных ремёсел, музеефикация индустриальных достижений в промышленности и сельском хозяйстве способствуют укреплению совместной исторической памяти.

Длительное время гуманитарное пространство не воспринималось как предмет, требующий серьёзного к нему отношения. В ходе усилий по формированию рыночного общества власть и бизнес воспринимали ценностные ориентации населения, способность людей действовать в рамках социальных норм как некое «природное свойство». Институты, в рамках которых происходило их целенаправленное воспроизводство (система образования, массовый спорт, различные кружки самодеятельности и технического творчества) не получали должной поддержки со стороны государства, бизнес не воспринимал их как нечто, находящееся в сфере его ответственности. Для неправительственных организаций проблемы воспитания и культуры зачастую были лишь поводом для получения и освоения грантов, заинтересованность оказалась не в результате, а в процессе. Проблемы формирования единого гуманитарного пространства на какое-то время выпали из набора актуальных, требующих проведения специальной политики. Результатом стало распространение деструктивных культурных явлений в молодёжной среде.

Длительное время гуманитарное пространство не воспринималось как предмет, требующий серьёзного к нему отношения. В ходе усилий по формированию рыночного общества власть и бизнес воспринимали ценностные ориентации населения, способность людей действовать в рамках социальных норм как некое «природное свойство». Институты, в рамках которых происходило их целенаправленное воспроизводство (система образования, массовый спорт, различные кружки самодеятельности и технического творчества) не получали должной поддержки со стороны государства, бизнес не воспринимал их как нечто, находящееся в сфере его ответственности. Для неправительственных организаций проблемы воспитания и культуры зачастую были лишь поводом для получения и освоения грантов, заинтересованность оказалась не в результате, а в процессе. Проблемы формирования единого гуманитарного пространства на какое-то время выпали из набора актуальных, требующих проведения специальной политики. Результатом стало распространение деструктивных культурных явлений в молодёжной среде, например – отсутствие у многих представителей молодёжи ориентации на труд и социально конструктивное поведение, от чего страдает как общество, так и сами молодые люди. Постановка вопроса о необходимости выработки и реализации современной культурной и молодёжной политики, восстановления престижности труда, возрождения профессионального образования – всё это объективно стало следствием осознания необходимости развития современного культурного пространства, в котором сможет формироваться личность, соответствующая современным задачам общественного развития.

В итоге

Формирование единого гуманитарного пространства Крыма детерминируется тем, что это пространство складывается в результате взаимопроникновения различных культурных сред, объединённых различными социальными практиками. Задачи развития этого пространства могут объединить усилия субъектов различного типа – государства, бизнеса, общественных организаций. Тема социальной ответственности может объединить интересы государства (с точки зрения воспроизводства полноценной общественной среды), бизнеса (с точки зрения воспроизводства полноценных трудовых ресурсов и инновационного капитала) и общественных организаций (с точки зрения реализации потенциала самоуправления и саморазвития). Достойную лепту в этот процесс могут внести также религиозные организации. Формирование программ развития единого гуманитарного пространства может быть дей-

ствительно полноценным, когда оно станет процессом, объединяющим специфические интересы этих различных социальных субъектов как на уровне местного самоуправления, так и на уровне решений, принимаемых органами региональной власти.

Библиографический список

Бауман З. Индивидуализированное общество / Под ред. В. Л. Иноземцева). М.: Логос, 2002. 390 с.

Бердяев Н. А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.

Гидденс Э. 2005. Социология / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС. 632 с.

Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. 1992. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука. 207 с.

Малинецкий Г. Г. 2010. Модернизация – курс на VI технологический уклад // Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. М. № 41. С. 16–19.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. 588 с.

Developing Crimea's Human Environment as a Multilateral Social and Cultural Concept

Sherbina Viktor Nikolaevich

Doctor of Science (sociology), professor, Professor of Department of Sociology and Social Philosophy, Tauride Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simpheropol, Republic of Crimea, Russia. E-mail: s-vn@mail.ru

Abstract. The article reviews the development of a holistic human environment in Crimea in its social aspect. This environment is defined as a community that has been formed over the course of history by various ethnic groups that have lived side by side for centuries. Ethnic diversity is one of Crimea's most prominent features, and it has contributed to the emergence of an unmatched social and cultural environment. We suggest that the development of such a socially and culturally diverse human environment be reviewed as a unified complex of various social and cultural practices and behaviors, i.e. traditional, modern, and communicative ones. Having analyzed Crimea's long and eventful history, we prove that the region has an astounding communicative potential, which it owes to the coexistence of various ethnic groups. This unique example of cross-cultural interaction is to be preserved and further developed to match the reality of today. This mission may be fulfilled through employing specific approaches that will allow us to gain an insight into these diverse cultures as a unified whole. To achieve this, we must, first and foremost, understand the peculiarities of the social environment where the various social entities interact. This article reveals that a holistic human environment in Crimea is being formed by various cultural environments that overlap with one another thanks to shared social practices. The goal of developing this environment may bring together several interested parties, such as the government, various businesses, and grassroots organizations. The issue of social responsibility may be a meeting point of agendas for the government (in terms of generating a robust social environment), business (in terms of generating a capable labor force and innovation capital) and grassroots organizations (in terms of realizing the potential

for self-governance and personal growth). Religious organizations may also make quite a significant contribution to the process. Outlining the course of development for a holistic human environment shall only be successful when it brings together the individual interests of all these social entities, both on the local governance level and on the level of centralized policy-making. In conclusion, we stipulate that the Republic of Crimea has sound potential for developing human environment, based on social responsibility programs that should be developed jointly by the government, business, and grassroots.

Keywords: cultural practices, human environment, social responsibility, social development.

References

Bauman Z. Individualizirovannoe obschestvo [Individualized Society]. Moscow, Logos, 2002. 390 p.

Berdiaev N. A. Filosofija neravenstva [Philosophy of Inequality]. Moscow, Institut russkoy civilizacii, 2012. 624 p.

Fukujama F. Konec istorii i posledny chelovek [The End of History and the Last Man.]. Transl. from English. Moscow, AST, 2004. 588 p.

Giddens A. Sociologija / Transl. from English. Moscow, Editorial URSS, 2005. 632 c.

Glaz'ev S. Y., L'vov D. S., Fetisov G. G. Evoliucija tehniko-ekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granicy centralizovannogo regulirovaniya. Moscow, Nauka, 1992. 207 p.

Malinecky G. G. Modernizacija – kurs na VI tehnologicheskij ukлад [Modernization – vector to VI Technological Mode]. Moscow, Preprinty IPM im. M. V. Keldysha, 2010. no 41, pp. 16–19.

Т е м а н о м е р а : Крым – новый субъект Российской Федерации (социальные аспекты)

Система «Берег–Море» и устойчивое развитие Крыма

Драчева Мария Викторовна – аспирант
кафедры социологии и социальной работы,
Керченский государственный морской
технологический университет, Керчь

E-mail: dracheva-mariya@mail.ru

Система «Берег–Море» и устойчивое развитие Крыма

Аннотация

В статье рассмотрена взаимосвязь процессов экологического, экономического и социального характера, происходящих в системе «Берег–Море», представляющей собой сложное природное, экономическое и социальное образование. Эти процессы обусловлены ведением активной экономической деятельности в данном регионе, его специфическими природными характеристиками. В Крыму система «Берег–Море» испытывает также воздействие этнического фактора. Поэтому указано на необходимость учёта всех составляющих в рамках концепции устойчивого развития прибрежных зон в единстве их функционирования для перспективного решения социально-экономических проблем Крымского полуострова. Целью статьи является обоснование необходимости рассмотрения понятия системы «Берег–Море» в концепции устойчивого развития прибрежных зон на примере Крымского полуострова. Показано, что в условиях активизации хозяйственной деятельности и ограниченности ресурсов между экономическими субъектами возникают неизбежные противоречия по поводу режима доступа к природным ресурсам прибрежных зон, возможных альтернатив их использования, а также связанных с этим ограничений. Происходит конфликт, в котором прослеживаются и экономическая, и социальная, и политико-правовая составляющие, поэтому они часто вызывают широкий общественный резонанс.

Ключевые слова: система «Берег–Море», устойчивое развитие, прибрежная зона, Крымский полуостров, морехозяйственный комплекс, социально-экономическое развитие

Постановка проблемы

Развитие вопросов управления прибрежными зонами в России в последнее время становится всё более актуальным. В «Стратегии развития морской деятельности РФ до 2030 г.» в качестве одной из стратегических целей обозначен «переход к комплексному подходу к планированию и управлению прибрежно-морской деятельностью» [Стратегия развития...]. Управление прибрежными зонами как единым объектом включает формирование представления о прибрежной зоне как единой природной, социальной и экономической системе [Кропинова 2014: 140].

Это подразумевает интегрирование экономической, социальной и экологической политики в единое целое для обеспечения экологически здорового, социально приемлемого и экономически эффективного развития прибрежной зоны.

Как отмечает Маэль Томас-Бургнеф (социолог Регионального управления окружающей средой Бретани): «XXI-й век нас вынуждает перейти к сложному мышлению, к изучению взаимодействий между системами: живыми системами, экономическими системами, экосистемами. Это совсем не новая идея, но что действительно является новым – это интеграция дисциплин, которая реализуется вокруг общего трансдисциплинарного подхода, называемого системным подходом» [Томас-Бургнеф 2011: 14].

Именно на основе системного подхода были разработаны основы концепции устойчивого развития. Увеличение численности населения Земного шара в сочетании с возрастающим антропогенным влиянием и деградацией природных экосистем, а также необходимость охраны окружающей среды привели к возникновению термина «устойчивость развития».

Сущность этого понятия состоит в том, что развитие будет устойчивым, если оно позволит удовлетворить потребности настоящего поколения, при этом не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Речь идёт о развитии, которое не возлагает дополнительных затрат на следующие поколения, а порождает экономический рост, справедливо распределяет его результаты, восстанавливает окружающую среду в большей мере, чем разрушает её [Грановский 2003: 15].

Показательным является то, что особым образом рассматривались прибрежные зоны морей и океанов, устойчивость развития которых представляет предмет рассмотрения, поскольку каждая системообразующая составляющая не может анализироваться в изоляции от других элементов.

Важнейшую роль в развитии комплексного управления прибрежными зонами как направления практической деятельности играли организация и проведение целого ряда различных международных мероприятий и в первую очередь Конференция ООН по охране окружающей среды и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., где была отмечена необходимость устойчивого развития прибрежных зон [Природопользование, состояние...].

Учитывая современные реалии развития Крыма и его пространственное месторасположение, в рамках данного подхода представляется актуальным рассмотрение понятия системы «Берег–Море» в концепции устойчивого развития прибрежных зон. Это тем более важно, что понятие «прибрежная зона» не тождественно понятию системы «Берег–Море», которое представляется нам более объёмным, а также вписываемым в плоскость социологических теорий среднего уровня.

Степень разработанности проблемы

Развитию Крыма в рамках концепции устойчивого развития стало уделяться внимание ещё в конце 90-х гг. прошлого века. Концептуальные основы устойчивого развития на основе своих исследований проанализировали и предложили Боков В. А., Ена В. Г., Ефимов С. А., Русяев В. Ф., Слепокуров А. С., Тарасенко В. С., Хворов С. А. в своей книге «Устойчивое развитие – стратегия развития Крыма в XXI-м веке» [Боков и др. 2000].

В этом издании, выполненном в рамках Международной программы ТАСИС «Окружающая среда», основное внимание авторы обращают на осуществление природоохранной политики и сохранение биологического и ландшафтного разнообразия в Крыму.

Ими предлагаются научно обоснованные механизмы и пути достижения поставленной цели, а также нахождение разумного компромисса между экологическими требованиями и необходимостью расширения сферы рекреационной деятельности.

Оптимальная модель устойчивого эколого-социально-экономического развития Крыма рассматривалась Фоминой Е. А. [Фомина 2001], однако в этой работе, как и в указанном выше издании, основное внимание уделено экологическим проблемам и экономическим вопросам развития Крымского полуострова. Категории политики устойчивого развития Крыма на основе технологического предвидения были определены Ивченко В. А. в работе «К созданию стратегии устойчивого развития Крыма» [Ивченко 2008].

Целью статьи является обоснование необходимости рассмотрения понятия системы «Берег-Море» в концепции устойчивого развития прибрежных зон на примере Крымского полуострова.

Концепт устойчивого развития

В конце 80-х гг. XX в. в зарубежной литературе в области экономики и экологии, социологии и политологии, как и в других гуманитарных науках, широкое распространение получил термин «устойчивое развитие».

В соответствии с мнением Маэля Томаса-Бургнефа, устойчивое развитие – это «способ изобретения новых идей и действий, сочетающий в себе различные, иногда противоречивые требования: охрана окружающей среды, социальная справедливость и надёжное экономическое развитие» [Томас-Бургнеф 2011: 14].

Содержательно концепция устойчивого развития, как было отмечено выше, имеет междисциплинарный и межотраслевой характер, включая в себя экологический, экономический и социальный аспекты.

Экологическая составляющая устойчивого развития подразумевает обеспечение целостности и жизнеспособности биологических и физических природных систем, от которых в свою очередь зависит глобальная стабильность всей биосферы.

Экономическая составляющая направлена на оптимизацию использования природных ресурсов, применение ресурсосберегающих технологий, создание экологически безопасной продукции.

Наконец, социальная составляющая предполагает развитие человеческого капитала, поддержание социальной стабильности, справедливое распределение ресурсов и возможностей между всеми членами общества, сокращение числа социальных конфликтов [Чимитова, Микульчинова 2007: 58].

Учитывая мнение Терешиной М. В., следует отметить, что в условиях активизации хозяйственной деятельности и ограниченности ресурсов между экономическими субъектами возникают неизбежные противоречия по поводу режима доступа к природным ресурсам прибрежных зон, возможных альтернатив их использования, а также связанных с этим ограничений. Происходит конфликт, в котором прослеживаются и экономическая, и социальная, и политико-правовая составляющие, поэтому они часто вызывают широкий общественный резонанс [Проблемы и приоритеты...].

Благодаря наличию благоприятного для жизни природно-ресурсного потенциала, прибрежные зоны во всём мире исторически являются районами с высокой плотностью населения. Как отмечает Дворцова Е. Н., возникающие противоречия, связанные с интенсивным использованием прибрежных ресурсов, неизбежно приводят к обострению проблем социально-экономического развития территорий. Становится очевидным тот факт, что несогласованность элементов человеческой деятельности в области эксплуатации ресурсов морей и морских берегов приводит к конфликтам и кризисам разного уровня – от локального до глобального [Дворцова 2010: 13].

В России в 1996 г. в соответствии с рекомендацией Конференции ООН по окружающей среде и развитию была принята «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Её главным целевым ориентиром было обозначено достижение сбалансированности между решением социально-экономических задач и сохранением благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений [О Концепции перехода...].

Благодаря наличию благоприятного для жизни природно-ресурсного потенциала, прибрежные зоны во всём мире исторически являются районами с высокой плотностью населения.

В России в 1996 г. в соответствии с рекомендацией Конференции ООН по окружающей среде и развитию была принята «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

Все эти особенности в полной мере характерны и для значительной части Крыма. Как подчёркивал В. А. Чигрин, «специфическое физико-географическое местонахождение Крыма, который непосредственно выходит на акватории Чёрного и Азовского морей, обуславливает особенности занятости и профессиональной принадлежности его населения, тем или иным образом связанного с функционированием системы «Берег–Море», в частности с морскими перевозками, рыболовством, производством и переработкой рыбной продукции, обслуживанием объектов рекреационного комплекса и тому подобное» [Чигрин 2014: 42].

Значимость и перспективы развития системы «Берег–Море» в Крыму

Как было отмечено авторами, система «Берег–Море» представляет собой «сложное социальное образование, сформированное под влиянием различных процессов, взаимосвязь между которыми имеет сложный характер» [Чигрин, Драчёва 2015: 113]. Крымский полуостров, омываемый водами Чёрного и Азовского морей, является прибрежной территорией, т. е. единым пространством, в котором происходит активное взаимодействие экономических, природных и социальных процессов, определяемых наличием береговой (прибрежной) и морской хозяйственной деятельности.

Он представляет собой прибрежную зону или территорию, под которой понимают «пространство, где с особой интенсивностью осуществляется взаимодействие человека с окружающей средой» [Кропинова, Афанасьева 2014: 142]. Сложность и взаимосвязь процессов, обусловленных ведением прибрежной и морской деятельности на базе данного региона, сложилась исторически в соответствии с природными и социально-экономическими условиями Крымского полуострова. Эти процессы, носящие сложный и противоречивый характер, вызваны ведением активной экономической деятельности в регионе, непосредственно связанной с экологической и социальной ситуацией на полуострове.

Основополагающее влияние на изменение ситуации во всех вышеназванных сферах жизнедеятельности Крымского полуострова оказал переход данного региона под юрисдикцию Российской Федерации. Это привело к дестабилизации процессов в развитии системы «Берег–Море». В первую очередь это отразилось на функционировании морехозяйственного комплекса, значимость которого в социально-экономическом развитии Крымского полуострова трудно переоценить.

Негативное влияние на социально-экономическую обстановку и связанные с ними процессы в регионе оказал и так называемый «геополитический» фактор. В настоящий момент

Крымский полуостров является прибрежной территорией, т. е. единым пространством, в котором происходит активное взаимодействие экономических, природных и социальных процессов, определяемых наличием береговой (прибрежной) и морской хозяйственной деятельности.

Переход Крыма под юрисдикцию РФ привёл к дестабилизации процессов в развитии системы «Берег–Море». В первую очередь это отразилось на функционировании морехозяйственного комплекса, значимость которого в социально-экономическом развитии полуострова трудно переоценить.

полуостров Крым продолжает находиться под санкциями. Запрет на заход торговым судам и круизным лайнерам в крымские порты продлён до 23 июня 2016 г. Это обстоятельство является детерминирующим фактором в отношении непростой ситуации, сложившейся в портах республики Крым и характеризующейся наличием социальной напряжённости.

Так, по данным председателя Профсоюза работников морского транспорта республики Крым Ирины Черненко грузопоток крымских портов упал вследствие санкций, введённых против республики Крым, зарплаты работников порта невелики, люди фактически живут от зарплаты до зарплаты, при этом ежемесячно возникает угроза задержки выплаты заработной платы 3,5 тысячам работников [Встреча с министром... 2015: 5].

«В Российском профсоюзе моряков также вынуждены констатировать отсутствие возможности в ближайшем будущем увеличить рабочие места для моряков Крыма, которые так необходимы сегодня в регионе», – комментирует ситуацию председатель первичной профсоюзной организации Российского профсоюза моряков в г. Севастополь (ППОМ РПСМ) Артём Боев [Встреча с министром... 2015: 9].

Наряду с этим следует отметить, что интегрирование экономики Крымского федерального округа в экономическое пространство России в целях обеспечения устойчивого экономического развития является длительным процессом, поскольку механизм «врастания» экономики Крыма в новую среду неизбежно сопряжён с соответствующими трудностями.

Также нельзя не сказать об изменениях экологической ситуации на полуострове, складывающейся опять же под воздействием «геополитического» фактора. Существование полуострова в режиме автономного водоснабжения усилило антропогенную нагрузку на его природные ресурсы. Под влиянием неблагоприятных природных процессов, осложняющих экологическую обстановку в данном регионе, происходит нарушение природопользования с точки зрения перспектив рационального, устойчивого хозяйствования.

Так, глава парламентского комитета Юрий Шевченко подчеркнул, что отсутствие мониторинга состояния подземных вод и анализа их запасов угрожает потерей источников пресной воды. «Если мы будем бездумно, без лимитов потреблять подземную воду, то, в конечном счёте, она станет солёной», – констатировал он и напомнил, что результат такого подхода можно увидеть на примере Керчи, где неконтролируемая добыча уже привела к потере запасов подземных пресных вод [На мониторинг состояния...].

В связи с этим для Крыма значимость реализации концепции устойчивого развития определяется современными процессами и проблемами развития в системе «Берег–Море» с учётом геостратегических интересов Российской Федерации.

Интегрирование экономики Крыма в экономическое пространство России в целях обеспечения устойчивого экономического развития является длительным процессом, поскольку механизм «врастания» в новую среду неизбежно сопряжён с соответствующими трудностями.

Существование полуострова в режиме автономного водоснабжения усилило антропогенную нагрузку на его природные ресурсы.

Основной вывод

Таким образом, концепция устойчивого развития подразумевает достижение динамического баланса между природными и общественными системами в единстве функционирования экономических, природных и социальных процессов. Для Крымского полуострова, являющегося прибрежной территорией, особое внимание должно уделяться вопросам гармонизированного управления данным регионом в рамках концепции устойчивого развития. Также необходимо учесть взаимосвязь процессов, происходящих на базе такого сложного социального образования, как система «Берег–Море», в единстве трёх составляющих устойчивого развития прибрежной зоны – природы, общества и экономики.

Библиографический список

Боков В. А. и др. Устойчивое развитие – стратегия развития Крыма в XXI веке. Симферополь: Сонат, 2000. 80 с.

Встреча с министром: стратегия определена. Круглый стол // Морской профсоюзный вестник. Журнал Федерации профсоюзов работников морского транспорта. 2015. № 4 (103). С. 4–25. URL: http://www.sur.ru/sites/default/files/Vestnik2012/mpv4_2015_small.pdf [Дата посещения: 2.12.2015].

Грановский Э. И. 2003. Проблемы устойчивого развития г. Атырау и Атырауского региона: Аналитический обзор. Алматы: КазгосИНТИ. 35 с.

Дворцова Е. Н. 2010. Прибрежные территории: зарубежный опыт хозяйственного освоения и управления // Российский внешнеэкономический вестник. № 7. С. 13–18.

Ивченко В. А. 2008. К созданию стратегии устойчивого развития Крыма // Системні дослідження та інформаційні технології. № 3. С. 31–43.

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Указ Президента РФ от 01.04.1996. №440. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017665> [Дата посещения: 1.11.2015].

Кропинова Е. Г., Афанасьева Э. П. 2014. Устойчивое развитие прибрежных территорий как основа комплексного управления прибрежными зонами // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. №1. С. 140–147.

На мониторинг состояния подземных вод в Крыму и анализ их запасов в этом году бюджетные средства не выделялись // Информационное агентство Крыминформ. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/30730> [Дата посещения: 2.12.2015].

Природопользование, состояние и тенденции изменений морской среды прибрежных районов России в Японском море // ЕСИМ. URL: http://pacificinfo.ru/data/cdrom/11/html/8_1.html [Дата посещения: 30.10.2015].

Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. № 2205-р // Морское информационное агентство. URL: <http://morinform.com/%D0%9E%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/> [Дата посещения: 17.05.2015].

Терешина М. В. Проблемы и приоритеты устойчивого развития: опыт Краснодарского края // На пути к устойчивому развитию России. URL: <http://www.sustainabledevelopment.ru/index.php?cnt=111> [Дата посещения: 29.10.2015].

Томас-Бургнеф М. 2011. Устойчивое развитие – инструмент охраны ресурсов // Тезисы VII Международной научно-практической конференции молодых учёных по проблемам водных экосистем «Pontus Euxinus – 2011», посвящённой 140-летию Института биологии южных морей Национальной академии наук Украины (24–27 мая 2011 г.). Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика. 280 с.

Фомина Е. А. 2001. Оптимальная модель устойчивого эколого-социально-экономического развития Крыма // Культура народов Причерноморья. № 18. Т. 2. С. 240–243.

Чигрин В. А. 2014. Социальная работа в морском вузе: составляющие актуальности // Соціально-економічні, соціально-педагогічні та соціально-психологічні проблеми морської освіти. Матеріали II міжнародної науково-практичної конференції 21–22 червня 2013 року. Мелітополь: Колор Принт. С. 35–42.

Чигрин В. А., Драчёва М. В. Система «Берег–Море» как сложное социальное образование // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 113–117.

Чимитова А. Б., Микульчинова Е. А. 2007. Вопросы устойчивого и безопасного развития экономики региона: Учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ. 216 с.

The Sea-Shore System and Sustainable Development of Crimea

Dracheva Maria Victorovna

Graduate student, Department of Sociology and Social Work, Kerch State Marine Technological University, Kerch, Republic of Crimea, Russia. E-mail: dracheva-mariya@mail.ru

Abstract. The article highlights the connection between various environmental, economic, and social processes that take place within the Sea-Shore system, which constitutes a complex natural, economic, and social phenomenon. These processes stem from a high level of economic activity in the region,

as well as from its specific environmental features. In addition, the Crimean Sea-Shore system is also influenced by the ethnic factor. As a result, in order to efficiently resolve the issues faced by the Crimean Peninsula, all of these components must be taken into account as a whole while developing a sustainable development plan. The purpose of this article is to justify the need for reviewing the Sea-Shore system as part of the sustainable development concept for coastal areas, using the Crimean peninsula as an example. Studies show that, as economic activity increases but the resources remain limited, various economic entities find themselves involved in an inevitable conflict over access to the natural resources of coastal areas, as well as over possible alternative uses for such resources and the arising limitations. There are several sides to such conflicts, both economic, social, political, and legal, which is why they often cause a noticeable stir among the public. We point out that in the case of Crimea, the importance of putting in place a sustainable development concept is defined by the current processes and issues that are connected with the development of the Sea-Shore system, based on the geostrategic interests of the Russian Federation. Our research validates a conclusion that, since the entire Crimean region lies within a coastal area, it is crucial to harmonize local governance in tune the sustainable development concept, while taking into account all the processes characteristic of such a complex social construct as the Sea-Shore system, which encompasses three main elements: nature, society, and economy.

Keywords: Sea-Shore system, sustainable development, coastal area, Crimean Peninsula, marine economic complex, social and economic development

References

Bokov V. A. et al. Ustoychivoe razvitie – strategija razvitija Kryma v XXI veke [Sustainable Development – Strategy of Development of Crimea]. Simferopol, Sonat, 2000. 80 p.

Chigrin V. A. Social'naja rabota v morskoy vuzе: sostavljajushchie aktual'nosti [Social work in the maritime high school: Relevance components]. Social'no-ekonomichni, social'no-pedagogichni ta social'no-psihologichni problemi morsk'koy osviti. Materiali II mizhnarodnoy naukovо-praktichnoy konferencii (21–22 june 2013). Melitopol, Kolor Print, 2014, pp. 35–42.

Chigrin V. A., Drachiova M. . Sistema «Bereg–More» kak slozhnoe social'noe obrazovanie [A System “Shore-See” as Complex Social Structure]. Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Ekonomika», 2015, no 3, pp. 113–117.

Chimitova A. B., Mikul'chinova E. A. Voprosy ustoychivogo i bezopasnogo razvitija ekonomiki regiona: Uchebnoe posobie [Problems of Sustainable development of region economics]. Ulan-Ude, VSGTU publ., 2007. 216 p.

Dvorcova E. N. Pribrezhnye territorii: zarubezhny opyt hoziaystvennogo osvoenija i upravlenija [Coastal areas: international experience of economic development and management]. Rossiysky vneshneekonomichesky vestnik, 2010, no 7, pp. 13–18.

Fomina E. A. Optimal'naja model' ustoychivogo ekologo-social'no-ekonomicheskogo razvitija Kryma [The Optimal Model of Sustainable Ecological and Socio-economic Development of Crimea]. Kul'tura narodov Prichernomor'ja, 2001, no 18, Vol. 2, pp. 240–243.

Granovsky E. I. Problemy ustoychivogo razvitija goroda Atyrau i Atyrauskogo regiona: Analitichesky obzor [Problems of Sustainable Development of the City of Atyrau and Atyrau Region: Analytical Survey]. Almaty, KazgosINTI, 2003. 35 p.

Ivchenko V. A. K sozdaniyu strategii ustoychivogo razvitija Kryma [Towards a Strategy of Sustainable Development of Crimea]. Sistemny doslidzhenniya ta informaciyni tekhnologii, 2008, no 3, pp. 31–43.

Koncepcija perehoda Rossiyskoy Federacii k ustoychivomu razvitiju [Concept of Transition of the Russian Federation to Sustainable Development]. Ukaz Prezidenta RF ot 01.04.1996. № 440. “Codex” website (legal web database). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017665> [date of visit: 1.11.2015].

Kropinova E. G., Afanas'eva E. P. Ustoychivoe razvitie pribrezhnykh territoriy kak osnova kompleksnogo upravlenija pribrezhnymi zonami [Sustainable Development of Coastal Areas as a Basis for Integrated Coastal Zone Management]. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, 2014, no 1, pp. 140–147.

Morskoy profsojuzny vestnik [Maritime union Gazette]. Zhurnal Federacii profsojuzov rabotnikov morskogo transporta, 2015, no 4 (103), pp. 4–25. URL: http://www.sur.ru/sites/default/files/Vestnik2012/mpv4_2015_small.pdf [date of visit: 2.12.2015].

Na monitoring sostojanija podzemnykh vod v Krymu i analiz ikh zapasov v etom godu biudzhetye sredstva ne vydialis' [On the Monitoring of Groundwater in the Crimea and the Analysis of their Reserves Budget Funds were not Allocated this Year]. Informacionnoe agentstvo Kryminform. Official website. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/30730> [date of visit: 2.12.2015].

Prirodopol'zovanie, sostojanie i tendencii izmeneniy morskoy sredy pribrezhnykh rajonov Rossii v Japonskom more [Nature, Status and Trends of Russian Coastal Marine Environment of the Sea of Japan]. WSIWO. Official website. URL: http://pacificinfo.ru/data/cdrom/11/html/8_2.html [date of visit: 30.10.2015].

Problemy i priority ustoychivogo razvitija: opyt Krasnodarskogo kraja [Challenges and Priorities of Sustainable Development: the Experience of the Krasnodar Region]. Na puti k ustoychivomu razvitiju Rossii. Web-journal of ISD of Russian Social Chamber. URL: <http://www.sustainabledevelopment.ru/index.php?cnt=111> [date of visit: 29.10.2015].

Strategija razvitija morskoy dejatel'nosti Rossiyskoy Federacii do 2030 g. [Strategy of the Development of Sea Activity of Russian Federation till 2030]. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 8 dekabria 2010 g. № 2205-r. Morskoe informacionnoe agentstvo RF. URL: <http://morinform.com/%D0%9E%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/> [date of visit: 17.05.2015].

Tomas-Burgnef M. Ustoychivoje razvitie – instrument ohrany resursov [Sustainable Development – the Instrument of resource protection]. Tezisy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii molodykh uchionykh po problemam vodnykh ekositem «Pontus Euxinus – 2011» (24–27 may 2011). Sevastopol, EKOSI-Gidrofizika, 2011. 280 p.

Социология семьи

Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям

Гурко Татьяна Александровна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором социологии семьи, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: tgurko@yandex.ru

Хромачева Анастасия Юрьевна – учёный секретарь сектора социологии семьи, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: khromacheva@mail.ru

Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям

Аннотация

В статье описаны некоторые тенденции развития брачно-семейных отношений в России на мировом фоне, специфика формирования семьи в современный период. На основе анализа данных региональных исследований студентов делается вывод, что, в отличие от советского периода, заключение брака становится рациональным и планируемым решением для нового поколения россиян, в частности для молодёжи с высшим образованием, ежегодно растёт возраст вступления в брак как мужчин, так и женщин. Представлены результаты исследования студентов-социологов, обучающихся в Москве и двух региональных университетах, проведённого сектором социологии семьи Института социологии РАН в 2015 г. Основная цель исследования состояла в изучении и сравнении представлений студентов из Москвы и Приволжского Федерального округа РФ о понятиях «семья», «гендер», в том числе и в целях преподавания. Основным методом сбора информации явилась самозаполняемая анонимная анкета, включающая незаконченные предложения, а также личные беседы со столичными студентами. Анализ определений студентами-социологами понятия «семья» свидетельствует, что для большинства «семья» в первую очередь представляет психологическую ценность, т. е. близкие, не обязательно родственные отношения. Важна взаимоподдержка, прежде всего психологическая и экономическая, людей проживающих как вместе, так и отдельно. В сознании студентов семья не обязательно предполагает наличие как детей, так и определённой структуры. Понятие «гендер» не находит понимания, за редким исключением, даже в студенческой среде социологов. Разногласия между студентами и их родителями часто основаны на различии ценностей советского поколения родителей и постсоветского поколения опрошенных студентов, чаще между матерями и дочерьми, отцами и сыновьями.

Ключевые слова: формирование семьи, студенты-социологи, семья, гендер, родители, представления

Экономическая и социокультурная трансформация, происходящая в России с начала 1990-х гг., отразилась и на формировании семьи. Основные демографические показатели свидетельствуют, что брачные отношения в России сегодня уже не такие, как в традиционных обществах, прежде всего в мусульманских странах (высокий уровень брачности и низкий уровень разводов), и ещё не такие, как в западных постиндустриальных государствах (распространённость сожительства, высокие показатели внебрачной рождаемости, невысокий уровень брачности и относительно невысокий уровень разводов) [Демография...]. Так, например, показатели внебрачной рождаемости превысили 50% в ряде стран ЕС бывшего социалистического лагеря (Болгарии, Словении и др.), сокращается число браков, растёт число разводов, что, вероятно, связано с кризисом экономики и соответственно кризисом брачно-семейных отношений во многих странах ЕС [Marriage and divorce...]. В большинстве мусульманских стран, включая постсоветские, наоборот, высокие показатели рождаемости, брачности и низкие показатели разводимости [Демография...].

Эти показатели связаны с доминирующей религией и главное – со степенью религиозности населения. Так, специальный анализ свидетельствует, что наибольшей резистентностью к модернизационно-секуляризирующим процессам отличается ислам, за ним следуют католическое христианство и православие. Наиболее же подверженными секуляризационным процессам оказываются протестантские страны, а также страны конфуцианско-махаянского религиозного комплекса Восточной Азии [Коротаев и др. 2010: 18].

В такой же мере распространены и демографические тенденции, и тенденции развития брачно-семейных отношений. Так, например, исследователи выделяют группу стран Восточной Азии (Китай, Корея, Сингапур, Япония), семейные традиции в которых формировались буддизмом. Тенденции рождаемости и развития института брака в этой группе стран подтверждают теорию конвергенции. Единственное, что отличает эту группу стран от других развитых западных, которые уже давно закончили второй демографический переход, так это отсутствие сожительства. Их распространению пока препятствуют традиции. Поэтому уровень рождаемости там даже ниже, нежели в западных странах, из-за низкой внебрачной рождаемости. [Ji 2015].

В России число браков постоянно растёт с начала 2000-х гг., а также после кризиса 2008 г. Так, в 2004 г. в целом по России заключено 6,8 браков на тыс. населения, в 2008 – 8,3, в 2014 – 8,4 [Демография...].

Расширяется «география выбора супруга». Так, в 2014 г. только в Москве более 15% всех браков было зарегистрировано с участием иностранных граждан: Турции (221 чел.),

Германии (161), Израиля (152), Афганистана (128), Италии (115), Великобритании (113), США (97), Франции (90), Сербии (88), Египта (82). В числе постсоветских стран лидируют Украина (4796 граждан), Молдова (2075), Узбекистан (1199), Киргизия (1284), Беларусь (1112), Азербайджан (1103), Армения (1014), Таджикистан (792), Казахстан (245), Грузия (197) [Инфографика... 2015]. Хотя, очевидно, браки с иностранцами в современной России, как и в развитых странах, нередко являются фиктивными с целью получения гражданства либо в России, либо в другой стране (к сожалению, статистика ЗАГС не дает разбивки по полу). В отличие от развитых стран, последствия заключения таких браков никем не контролируются.

Очевидная тенденция – ежегодное увеличение возраста вступления в брак у женщин и особенно у мужчин. Основная динамика прослеживается в прежде «активной брачной» возрастной группе 18–24 года. В 1980 г. заключали брак 62% юношей и 68% девушек в этой группе, в 1999 г. соответственно 47 и 58%, в 2010 г. – 31 и 46%, в 2014 г. – 22 и 36% (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Распределение вступающих в брак
в младших возрастных группах в РФ, %**

Годы	До 18 лет		18–24 года		25–34 года	
	Женихи	Невесты	Женихи	Невесты	Женихи	Невесты
1980	0,3	2	62	68	25	19
1990	1	5	52	59	30	21
1994	0,8	6	54	59	27	19
1999	0,4	4	47	58	33	22
2004	0,2	2	38	53	39	28
2006	0,2	2	37	53	41	30
2007	0,1	1.5	35	51	43	32
2008	0,2	1.4	34	49	44	34
2009	0,1	1.2	32	47	45	36
2010	0,1	1.0	31	46	47	37
2011	0,1	1.0	29	44	48	39
2012	0,1	1.0	27	41	49	41
2013	0,1	0.9	25	38	51	43
2014	0,1	0.7	22	36	52	44

Расчитано по: Росстат. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [Дата посещения: 11.11.2015].

Вероятно, заключение брака становится рациональным и планируемым решением для нового поколения россиян, в частности, для молодёжи с высшим образованием. Необходимым условием для многих является наличие стабильного заработка, собственного жилья или стратегий его приобретения.

Представления студенческой молодёжи – продвинутой социальной группы – являются прогностическим источником информации о тенденциях развития семьи и брака, а также о взаимоотношениях между поколениями в начале XXI в. Этой теме посвящён ряд исследований [Гурко 2006; Сергеев 2010; Ильиных 2014; и др.].

Так, ещё в 2005 г., в частности, было показано, что большинство студентов (как юношей, так и девушек) считали, что оформлять брак следует после завершения образования, наличия стабильной высокооплачиваемой работы и собственного жилья. Для девушек была важна независимость будущего супруга от родителей. Что примечательно, две трети опрошенных не были ориентированы на единобрачие [Гурко 2006: 209]. В недавнем исследовании также было показано, что «роль семьи в сознании студентов уменьшилась по сравнению с другими институтами, на первом месте стоит карьера, а только после этого семья. Студенческая молодёжь, допускающая сожительство, ощущает себя свободной в плане личного и карьерного продвижения. Молодые люди одновременно положительно относились как к зарегистрированному браку, так и к его альтернативной форме – сожительству как возможности проверить отношения. Таким образом, можно говорить о процессе трансформации института брака [Ильиных 2014: 61].

К сходным выводам приходят и другие исследователи. Например, отмечается, что и в традиционном адыгском обществе произошёл сдвиг в представлениях молодёжи. Для современного студента значима не только удачно сложившаяся семейная, частная жизнь, но и возможность реализовать себя в профессиональном, социальном плане, ощущать свою личностную значимость [Сергеев 2010: 29]. Казанские социологи, напротив, отмечают, что в ранговой шкале жизненных приоритетов студентов лидирующую позицию занимает желание «иметь хорошую, дружную семью, детей», что, вероятно, обусловлено этнорегиональной спецификой [Ефлова 2014: 41].

В 2015 г. сектором социологии семьи Института социологии РАН было проведено качественно-количественное исследование студентов-социологов. Цель исследования состояла в том, чтобы понять, что означают понятия «семья», «гендер» для студентов в столице и в регионах РФ, исследовать их отношение к своим родителям.

Роль семьи в сознании студентов уменьшилась по сравнению с другими институтами, на первом месте стоит карьера, а только после этого семья.

Выборка составлялась по принципу представленности равного числа студентов-социологов в столице и вузах Приволжского Федерального округа. Были опрошены студенты-социологи, обучающиеся в Москве (МГУ им. М. В. Ломоносова, ГАУГН, МХТУ им. Д. И. Менделеева), а также в двух региональных университетах – Башкирском ГУ и Нижегородском ГУ им. Н. И. Лобачевского. Основным методом сбора информации стали самозаполняемая анонимная анкета, включающая незаконченные предложения, а также личные беседы со столичными студентами. Пропорция по полу в выборке соответствует количеству студентов, обучающихся в вузах на факультетах социологии, и составляет 1/3 юношей и 2/3 девушек. Возраст опрошенных варьирует от 22 до 24 лет. Всего было отобрано 408 качественно заполненных анкет. Данные обработаны в программе PASW Statistics 18.

В научной литературе семья исследуется одновременно и как социальный институт, и как малая группа. В последнем случае семья обладает своими особыми отличительными от других групп признаками: она существует более длительное время, чем другие группы; семья состоит из поколений; для неё характерны не только биологические отношения, но и отношения своячества, что связывает её членов с более широкой системой родства [Гурко 2001b]. В научной литературе понятие «семья» одновременно зависит от теоретического подхода, в рамках которого она исследуется, и, главное, от того, в рамках какой дисциплины она изучается. «Семьёй», например, может быть домохозяйство, единица потребления в рамках экономического подхода; с точки зрения символического интеракционизма и социального конструирования «семья» – это то, что отдельный человек определяет для себя, и может включать не обязательно родственников или, например, людей проживающих вместе, и т. д.

В рамках основного социологического институционального подхода «семья» предполагала структуру, которая выполняет некие функции. Однако это определение отчасти устарело. В современной литературе дискуссионными в этой связи являются многие аспекты. Должна ли быть семья основана на браке, как это формулировалось в прошлом веке? Считать ли семьёй сожителство, в том числе гомосексуальной пары? Обязательно ли проживание семьи в одном домохозяйстве, одном населённом пункте, одной стране?

Ответы студентов на открытый вопрос отразили многообразие нынешней адаптации семей к меняющимся социально-экономическим условиям. Для сравнения мнений студентов из столицы и регионов были выделены 3 основные группы: стереотипное определение семьи (штамп), структурно-функциональное и психологическое определение с акцентом на эмоциональную связь между членами семьи (см. таблицу 2).

Таблица 2

Представления о семье студентов-социологов, % (n=408)

Определение семьи	Место учёбы		Итого
	Москва (n=218)	Регионы (n=190)	
Стереотипное (группа/ячейка)	21	22	21
Психологическое (поддержка, любовь, доверие)	42	44	42
Структурно-функциональное (родство, дети, поколения, воспроизводство, социализация, одна территория)	35	32	34
Другое	2	2	3
Итого	100	100	100

Стереотипное определение семьи в равной мере распространено среди студентов как в столице, так и в регионах, и является наследством советского прошлого, когда закрепилось шаблонное определение института семьи как ячейки общества:

«Семья – это ячейка общества, где супруги имеют общее хозяйство и планируют/имеют детей»;

«Семья – это ячейка общества, воспитывающая и социализирующая индивида на первом этапе, так же передаёт культуру и нормы общества».

Ещё одним распространённым определением семьи являлось структурно-функциональное, в котором, в первую очередь, представлена структура семейного домохозяйства, юридическое определение семьи. Наиболее характерные ответы респондентов:

«Семья – это два и более человек, связанных между собой отношениями родства, проживающих вместе»;

«Семья – это отношения двух людей, закреплённые на юридическом уровне и называемые браком»;

«Семья – это высшая ценность социума. Союз двух партнёров (мужчины и женщины), характеризующийся общностью быта, брачными отношениями и стремлением к продолжению рода».

Однако можно видеть, что для большинства как московских, так и студентов из регионов семья представляет собой прежде всего психологическую ценность. Психологическое определение в первую очередь подразумевало наличие сильной эмоциональной связи между членами семьи и поддержку друг друга в трудных жизненных ситуациях. Следующие ответы наиболее ярко иллюстрируют данное определение:

«Семья – это люди, которые близки друг другу во взглядах, принимают друг друга, готовы жить, развиваться, работать и развлекаться вместе; этим людям хорошо друг с другом»;

«Семья – это индивиды, связанные родственными связями и ощущающие эти связи. Их отношения могут быть близкими, родственными, любовными. Т. е. те люди, которые называют себя семьёй»;

«Семья – это самые близкие люди, которые поддержат в самый трудный момент и которые всегда рядом, которые знают тебя таким, какой ты есть, и принимают тебя таким»;

«Семья – это поддержка, опора, любовь, доверие»;

«Семья – это залог успеха, важнейшая составляющая жизни, это счастье; семья помогает найти свой жизненный путь, развить способности и приобрести смысл жизни».

При анализе ответов на вопрос, что такое семья, нам важно было понять, в какой мере в сознании респондентов это понятие связано с наличием детей. Образ детей как неотъемлемого элемента семьи встречается лишь в четверти полученных ответов (25%, причём в два раза чаще отмечен студентами из регионов), что может объясняться снижением репродуктивных установок у молодёжи.

Респондентам предлагалось также дать определение своей семьи. Большинство (57%) ответивших опять же определяли свою семью не с точки зрения внутрисемейной структуры домохозяйства, а с точки зрения эмоционального отношения. Чаще всего были распространены ответы, описывающие уровень поддержки и любви внутри семей респондентов.

Далее приведены наиболее характерные из них:

«Моя семья – это люди, без которых я не представляю своё существование, они дают мне всё, чтобы я развивался, поддерживают меня. Семья любит меня, а я люблю свою семью»;

«Моя семья – это два человека, отношения которых строятся на взаимоуважении, любви и преданности»;

«Моя семья – это место, где хорошо и где поддержат, и любят за то, что ты есть»;

«Моя семья – это самые дорогие люди, тепло, уют и защищённость».

Таким образом, семья для респондентов в первую очередь ассоциируется с эмоциональным фоном внутри неё, и лишь затем непосредственно с составом. При этом большинство (69%) всех респондентов (63% студентов из Москвы и 88% из регионов) давали положительную характеристику своим семьям.

Понятие «гендер» было введено в русский язык в начале 1990-х г. Позднее оно всё чаще начинает употребляться, в частности социологами, однако в совершенно различных смыслах. Некоторые авторы просто отождествляют «гендер» с «женщиной», другие под гендером понимают социокультурные

Образ детей как неотъемлемого элемента семьи встречается лишь в четверти полученных ответов (25%, причём в два раза чаще отмечен студентами из регионов), что может объясняться снижением репродуктивных установок у молодёжи.

аспекты жизнедеятельности полов, третьи – социальный статус [Гурко 2010а]. До сих пор у учёных нет единого определения данного понятия, так же как и в случае с понятием «семья»; в науке определение данного социального конструкта зависит от теории, в рамках которой работает автор.

Одной из целей исследования было выявить представления о понятии «гендер» студентов-социологов, которые уже прослушали курс лекций по гендерной социологии. Насколько это иностранное понятие усвоилось студенческой молодёжью? Гипотеза состояла в том, что за пределами научной среды, включая и студентов-социологов, это понятие так и не нашло единого понимания.

Респондентам предлагалось окончить предложение «гендер – это...». Полученные ответы наглядно демонстрируют подтверждение нашей гипотезы. Определения этого понятия были самыми необычными и, вероятно, в некоторой мере отражали позицию преподавателя, читающего курс. В самом общем виде ответы были объединены в общие группы для сравнения представлений студентов из столицы и регионов. Вопреки гипотезе, не установлено значимых различий в понимании гендера между юношами и девушками.

Приблизительно поровну разделились ответы о представлении гендера как социального или биологического пола, при этом, опять вопреки гипотезе, студенты из регионов чаще указывали на социальный пол, нежели студенты Москвы (61 против 34%), для которых гендер в первую очередь ассоциировался с полом биологическим (см. таблицу 3).

Таблица 3

Распределение ответов студентов
на вопрос о понятии «гендер», % (n=408)

	Место учёбы		Итого
	Москва (n=218)	Регионы (n=190)	
С акцентом на социальный пол	34	61	41
С акцентом на биологический пол	50	22	42
Научное определение	6	10	7
Не понимаю вопроса	7	2	6
Самоопределение человека	3	5	4
Итого	100	100	100

Однако данные, приведённые в таблице 3, очень условны. Самые невероятные ответы, которые мы отнесли в группу «с акцентом на социальный пол», прозвучали так:

«Гендер – это то, что определяет отношения в обществе»;

«Гендер – это характеристика, включающая пол, возраст»;

«Гендер – это социальная абстракция, обусловленная биологическими различиями. Скоро это понятие мутирует».

Типичные ответы «с акцентом на биологический пол»:

«Гендер – это различие людей по полу»;

«Гендер – это различие между мужчиной и женщиной, девочкой и мальчиком».

Пример научного определения (Нижний Новгород):

«Гендер – это научная категория, обозначающая позицию индивида на континууме, полюсами которого являются феминность и мускулинность».

Интересные ответы, хотя и малочисленные, были связаны с описанием гендера как самоопределения человека:

«Гендер – это то, как человек себя ощущает, какие модели поведения ему ближе – мужские или женские»;

«Гендер – это психологическая сторона пола (самоопределение)»;

«Гендер – это личный выбор».

Отношение студентов к своим родителям может служить показателем современных отношений между поколениями в семьях. Респондентам предлагалось окончить предложения с формулировками «я люблю свою мать, но...» и «я люблю своего отца, но...». Ответы классифицированы на ряд групп, представленных в [таблицах 4](#) и [5](#).

Таблица 4

Распределение отношения студентов-социологов к своим матерям, % (n=408)

	Пол		Итого
	Девушки (n=279)	Юноши (n=129)	
Любят без «но»	44	39	43
Несовпадение мнений	35	25	33
Гиперопека	15	30	18
Другое	6	6	6
Итого	100	100	100

Как видно из [таблицы 4](#), лишь менее половины опрошенных любят свою мать безоговорочно. И юноши, и девушки часто страдают от чрезмерной опеки со стороны матери, что скорее всего связано с вынужденным совместным проживанием. В России, в отличие от США и ряда стран ЕС, взрослые дети поздно покидают родительский дом, что препятствует их взрослению.

«Я люблю свою мать, но всё чаще мне в голову приходят мысли о том, что пора жить без родителей»;

«Я люблю свою маму, но нам нужно больше дистанции, я не могу быть постоянно для неё хорошим сыном, пока нахожусь под постоянным её наблюдением и опекой»;

«Я люблю свою мать, но родители должны жить отдельно от детей, когда вторые достигают достаточно зрелого возраста»;

«Я люблю свою мать, но она очень сильно контролирует меня».

Девушки в свою очередь чаще отмечали несовпадение с матерями во мнениях и различие жизненных позиций. Сказываются поколенческие различия жизненных ценностей женщин, социализированных в советский и постсоветский периоды:

«Я люблю свою мать, но иногда боюсь стать такой же, как она»;

«Я люблю свою мать, но ей стоит проявить большее внимание к своему здоровью и, наверное, внешности»;

«Я люблю свою мать, но мне кажется, что сама себя она не любит»;

«Я люблю свою мать, но иногда её советы не слишком актуальны, и ведёт она себя, как «совок».

Встречались и нетипичные ответы, например: *«Я люблю свою мать, но она призналась, что никогда меня не любила и всегда хотела, чтобы меня не существовало»*, пишет девушка-студентка из Москвы.

Таблица 5

Распределение отношения студентов-социологов к своим отцам, % (n=364)

	Пол		Итого
	Девушки (n=239)	Юноши (n=125)	
Люблю без «но»	27	24	26
Гиперопека, авторитарность, учит жить	11	11	11
Не люблю	5	6	5
Несовпадение мнений	16	34	26
Отстранённость	16	6	8
Ушёл в другую семью	10	14	11
Другое	15	5	13
Итого	100	100	100

С отцами ситуация несколько иная – в отличие от отношения к матерям, вдвое меньшее число респондентов выразились о безапелляционной любви к ним. Часто отмечается отстранённость, отсутствие близости (8%):

«Я люблю своего отца, но наши отношения сложно назвать глубокими, действительно близкими»;

«Я люблю своего отца, но не чувствую духовной близости с ним»;

«Я люблю своего отца, но он не уделяет мне отцовского внимания».

Или, наоборот, авторитарность, попытки «учить жизни» (11%):

«Я люблю своего папу, но хотелось бы, чтобы он научился слушать и перестал относиться ко мне как к глупому, недоразвитому ребенку»;

«Я люблю своего папу, но не люблю, когда он указывает мне, что делать, если это касается только меня (учёбы, работы)»;

«Я люблю своего отца, но иногда [он] начинает учить жизни, говоря как было у него, но не задумываясь о том, а как хотелось бы мне».

Для юношей, как в случае с отношениями девушек и их матерей, характерно несоответствие мнений с отцами (34%):

«Я люблю своего отца, но он не всегда меня понимает, редко находится время, чтобы поговорить по душам, я считаю его очень умным и мудрым человеком и хотелось бы общаться больше»;

«Я люблю своего отца, но зачастую мы с ним конфликтуем или спорим. Имеем разные взгляды на жизнь, часто он меня не понимает или я его. Но я его уважаю, прежде всего как мужчину»;

«Я люблю своего отца, но мне не нравится, что он не работает и инвестирует в меня не так много, как бы мог, если бы работал. Не нравится, что он разучился общаться с людьми, т. к. весь его круг общения это я, мама, бабушка и его брат. Он очень нервный. И быстро постарел душой».

Заключение

Основные демографические показатели свидетельствуют, что брачные отношения в России сегодня уже не такие, как в традиционных обществах (высокий уровень брачности и низкий уровень разводов), и ещё не такие, как в западных постиндустриальных государствах (невысокий уровень брачности, распространённость сожителств, снижение числа разводов). Очевидная тенденция последних десятилетий – еже-

годное увеличение возраста вступления в брак как женщин, так и особенно мужчин. Вторичный анализ исследований свидетельствует, что заключение брака становится рациональным и планируемым решением, в частности, для молодёжи с высшим образованием. В отличие от советского времени, когда было много студенческих браков, современные студенты, как юноши, так и девушки представляют свой брак как некое отдалённое будущее, на первом месте стоит учёба, подработки и поиск рабочего места с высокой оплатой.

Анализ определений студентами-социологами понятия «семья» свидетельствует, что для большинства «семья» в первую очередь представляет психологическую ценность, т. е. наличие близких, не обязательно родственных отношений. Важна взаимоподдержка, прежде всего психологическая и экономическая, людей проживающих как вместе, так и отдельно. В сознании студентов семья не обязательно предполагает детей. Наличие определённой структуры семьи также для большинства студентов не является обязательной.

Понятие «гендер» не находит единого понимания, за редким исключением, даже в студенческой среде социологов. Подавляющее большинство воспринимают это понятие в категории российского термина «пол», что ставит под вопрос целесообразность употребления «гендера» в российском словаре.

Из личных бесед со столичными студентами становится ясным, что, даже в ситуации хороших взаимоотношений с родителями, и юноши, и девушки выражают стремление жить отдельно и развиваться в соответствии с ценностями своего поколения, но у большинства нет такой возможности. Разногласия основаны часто и на различии ценностей советского поколения родителей и постсоветского поколения опрошенных студентов.

Библиографический список

Гурко Т. А. 2010. Понятие «гендер» в российской социологии // Институт социологии Российской академии наук. Официальный сайт. URL: http://www.isras.ru/blog_gurko2.html [Дата посещения: 11.11.2015].

Гурко Е. М. 2006. Представления студенческой молодёжи о браке // Актуальные проблемы семей в России / Ред. Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН. С. 202–212.

Гурко Т. А. 2010. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН. 176 с.

Демография // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ [Дата посещения: 11.11.2015].

Для большинства «семья» в первую очередь представляет психологическую ценность, т. е. наличие близких, не обязательно родственных отношений. Важна взаимоподдержка, прежде всего психологическая и экономическая.

Даже в ситуации хороших взаимоотношений с родителями, и юноши, и девушки выражают стремление жить отдельно и развиваться в соответствии с ценностями своего поколения, но у большинства нет такой возможности.

Ефлова М. Ю., Ишкинеева Ф. Ф., Фурсова В. В. 2014. Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодёжи в контексте социальных изменений // Вестник Института социологии РАН. № 3 (10). С. 34–45.

Ильиных С. А. 2014. Представление о семье студентов Минска и Новосибирска // Социологические исследования. № 3. С. 59–65.

Инфографика // Управление актов гражданского состояния г. Москвы. URL: <http://zags.mos.ru/stat/infografika/> [Дата посещения: 11.11.2015].

Куротаев А. В., Столярова Т. И, Халтурина Д. А. 2012. Религиозность в странах современного мира // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 99–108.

Сергеев Р. В. 2010. Семейные ценности студенческой молодежи Юга России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп. 29 с.

Marriage and divorce statistics // Eurostat Statistic Explained. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Marriage_and_divorce_statistics [Дата посещения: 11.11.2015].

Ji Y. 2015. Asian Families at the Crossroads: A Meeting of East, West, Tradition, Modernity, and Gender // Journal of Marriage and Family. № 77 (5). P. 1031–1038 p.

Sociology Students about Family, Gender, and Their Attitude to Parents

Gurko Tatiana Aleksandrovna

Doctor of Social Sciences, Senior researcher, Head of the Department of family sociology, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: tgurko@yandex.ru

Khromacheva Anastasia Yurievna

Scientific Secretary of Department of family sociology Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: khromacheva@mail.ru

Abstract. The article studies several trends in the development of marital and familial relationships in Russia as compared to the rest of the world, and defines the specific features of starting a family in today's Russia. The analysis of data derived from several regional surveys among students shows that, unlike the Soviet generation, the new generation of Russians treats marriage as a rational and conscious decision; this is especially true of young people with a college education. Moreover, the age at first marriage steadily grows higher and higher with every year, among both men and women. The article draws upon the results of a survey among sociology students from Moscow, as well as those from two universities in another Russian region, which were carried out by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Science (Familial Sociology Sector) in 2015. The main purpose of the survey was to study and compare the way students from Moscow and the Volga Federal District perceive the notions of family and gender; it was conducted, among other reasons, for teaching purposes. Most of the data was gathered by means of questionnaires, which the respondents filled in anonymously, as well as during face-to-face interviews with students from the Russian capital. The analysis of the way sociology students perceive the concept of family reveals that for the vast majority of respondents, family is first and foremost a psychological value, which implies deep affection, but not necessarily relations by blood. The respondents stress mutual

support, especially in moral and financial matters, irrespective of whether or not family members live under one roof. What is more, the students do not necessarily put a sign of equality between having a family and having children, and nor do they believe that a family presupposes a certain structure. As for gender, this concept (with very few exceptions) is not fully understood by students, even those who major in sociology. The conflicts between students and their parents mostly stem from the disparity between the values of the Soviet generation (parents) and the post-Soviet generation (students). Conflicts mostly arise between mothers and daughters and between fathers and sons.

Keywords: starting a family, sociology students, family, gender, parents, concept.

References

Eurostat Statistic Explained. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Marriage_and_divorce_statistics [date of visit: 30.10.2015].

Gurko Ye. M. Predstavleniya studencheskoy molodezhi o brake [Representations of students about marriage]. Aktual'nyye problemy semey v Rossii. Red. T. A. Gurko. Moscow, Institut sotsiologii RAS, 2006, pp. 202–212.

Gurko T. A. Ponyatiye «gender» v rossiyskoy sotsiologii [The concept of “gender” in Russian sociology]. URL: http://www.isras.ru/blog_gurko2.html [date of visit: 25.06.2015].

Gurko T. A. Teoreticheskiye podkhody k izucheniyu sem'i [Theoretical approaches to the study of the family]. Moscow, Institut sotsiologii RAS, 2010. 176 p.

Il'inykh S. A. Predstavleniye o sem'ye studentov Minska i Novosibirska [The presentation of family of students of Minsk and Novosibirsk]. Sotsiologicheskiiye issledovaniya, 2014, no 3, pp. 59–65.

Korotayev A. V., Stolyarova T. I., Khalturina D. A. Religioznost' v stranakh sovremennogo mira [Religiosity in the modern world]. Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii, 2012, no 2, pp. 99–108.

Ji Y. Asian Families at the Crossroads: A Meeting of East, West, Tradition, Modernity, and Gender. Journal of Marriage and Family, 2015, no 77 (5), pp. 1031–1038.

Rosstat. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_39/Main.htm [date of visit: 25.07.2015].

Rosstat. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [date of visit: 25.09.2015].

Sergeyev R. V. Semeynyye tsennosti studencheskoy molodezhi Yuga Rossii: sotsiologicheskiiy analiz [Family values of students of the South of Russia: the sociological analysis]: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. Maykop, 2010. 29 p.

Upravleniye Aktov grazhdanskogo sostoyaniya g. Moskvy. URL: <http://zags.mos.ru/stat/infografika/> [date of visit: 25.10.2015].

Yeflova M. Yu., Ishkineyeva F. F., Fursova V. V. Sotsial'noye samochuvstviye i tsennostnyye oriyentatsii studencheskoy molodozhi v kontekste sotsial'nykh izmeneniy [Social well-being and values of student's youth in the context of social change]. Vestnik Instituta sotsiologii, 2014, no 3 (10), pp. 34–45.

Социология семьи

СМИ и общественное мнение о современных образах семьи и брака

Лебедь Ольга Леонидовна –
кандидат социологических наук,
научный сотрудник сектора социологии семьи,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: lebed@isras.ru

Мищенко Владимир Анатольевич –
кандидат социологических наук,
вице-президент Фонда Андрея Первозванного
и Центра национальной славы, Москва

E-mail: lebed@isras.ru

СМИ и общественное мнение о современных образах семьи и брака

Аннотация

Статья посвящена описанию двух исследований: контент-анализ прессы (двух столичных газет и одной региональной) на предмет представленного в ней образа современной семьи и всероссийский опрос населения, включавший вопросы об «идеальной» и реальной семье респондентов. Анализ результатов показал, что между идеальной и реальной семьёй имеются существенные расхождения, а семьи, реально существующие и описываемые в СМИ, схожи по структуре и ролевому функционалу. Самые распространённые типы семьи: нуклеарная (супружеская), малодетная (с одним–двумя детьми), нестабильная, конфликтная, двухпоколенная (родители и дети). По мнению россиян, традиционной семьёй считается полная, где супруги состоят в официальном (зарегистрированном) браке, с несколькими детьми, где с уважением и почтением относятся к старшим членам семьи (старшему поколению) и прислушиваются к их мнению, где муж в основном обеспечивает семью, а жена в основном занимается домом и детьми или в которой оба супруга обеспечивают семью и вместе занимаются детьми. Однако реально существующие семьи, в которых живут россияне, существенно отличаются от «идеальной», «желаемой» модели. Эти различия находятся в зависимости от региона, возраста, места проживания (город/село). Даже в само понятие «традиционная семья» разные группы населения вкладывают своё значение: это и семья, близкая по укладу к патриархальной семье; и семья типичная, привычная для многих, распространённая повсеместно; и семья, придерживающаяся каких-либо определённых традиций (национальных, культурных, религиозных, династических). Опрос показал, что наиболее консенсусными характеристиками в числе социально одобряемых (по которым наблюдается минимальный разброс в суждениях всех респондентов) оказались полная семья, официальный брак, почтение к старшим, семья с одним–двумя детьми, нуклеарная семья. Среди социально неодобряемых характеристик – супружеские измены и однополые отношения. Менее однозначно воспринимаются в общественном сознании такие характеристики семейно-брачных отношений, как гражданский брак; большая, многочисленная, многопоколенная семья; многодетность; церковный брак; брак на всю жизнь.

Ключевые слова: семья, всероссийский опрос населения, контент-анализ материалов прессы, семейная структура, половое распределение ролей, внутрисемейные процессы

Демографическая ситуация в России стала настолько популярной темой в последнее время, что не обсуждает её, по-видимому, только ленивый. Она становится объектом обсуждения журналистов и приглашённых специалистов в теле- и радиоэфире, предметом научных дискуссий, разговоров пенсионеров на лавочке, бесед коллег в курилке и даже «дежурной» темой в такси. В различных источниках информации (интернете, СМИ, научной литературе) публикуются прогнозы изменения численности населения в зависимости от тех или иных допущений, тенденций демографических процессов [Развитие населения... 2014: 303–317; Мониторинг демографической ситуации... 2008: 194–222; Демографическая дезорганизация... 2007]. Однако вряд ли читатель, ознакомившись с такими прогнозами, понимает, с чем связано лично для него, его близких, для страны в целом изменение численности населения в ту или иную сторону.

По мнению некоторых политиков и социологов, население достаточно отзывчиво на экономические и социальные меры стимулирования. Например, считается, что прирост числа рождений связан, наряду с другими причинами, с введением такой меры материального поощрения, как материнский капитал. Внесли свою лепту и увеличение единовременных пособий при рождении ребёнка, ежемесячных выплат на детей при низких доходах родителей, сохранение рабочего места за женщиной, находящейся в отпуске по уходу за ребёнком, гарантированное место в детском саду. Бесспорно, сложившаяся структура населения с высокой численностью когорта женщин репродуктивного возраста внесла существенный вклад в изменения демографической ситуации в России. В отдельных регионах прирост рождений в целом оказался весьма значительным (так, например, в Тюмени и Тюменской области за период с 2007 по 2012 гг. число семей с тремя и более детьми выросло на треть – на 33,6%). Конечно, надо дополнительно рассматривать и оценивать, чем вызван подобный рост в конкретной области: структурой населения, изменением параметров учёта, введением региональных программ поддержки семей с детьми и т. п., и только потом делать выводы.

По мнению авторов, активное обращение прессы и других СМИ, политики и законодательства к вопросам сохранения семьи и улучшения её материального положения, а также освещение принимаемых мер, социальных проектов, приоритетов в сферах социальной и семейной политики, оказывает своё влияние на принимаемые внутри семьи репродуктивные решения. Само обращение государства к вопросам демографии и средствам её изменения в лучшую сторону отражается на отношении обычных людей, представителей законодательной и исполнительной власти, прессы, деятелей науки и культуры к вопросам семьи и брака.

Обращение государства к вопросам демографии и средствам её изменения в лучшую сторону отражается на отношении обычных людей, представителей законодательной и исполнительной власти, прессы, деятелей науки и культуры к вопросам семьи и брака.

Методология исследования

В предлагаемой статье представлены данные контент-анализа материалов исследования, посвящённого определению позитивных и негативных коннотаций описания семейных отношений и ролей, собирательного образа семьи в печатных изданиях (период январь–апрель 2013 г.) и результаты сопоставления этих данных с образами идеальной и реальной семьи, полученные в ходе социологического опроса¹, осуществлённого исследовательской группой ЦИРКОН в июне–августе 2013 г.

Объектом описываемого исследования стали номера трёх российских газет («Комсомольская правда», «Российская газета», «Наш Красноярский край») за период январь–апрель 2013 г, предметом – «транслируемый», «изображаемый» образ семьи, а также некоторые аспекты отношения журналистов (и руководства изданий) к освещаемой теме (как много печатается публикаций, на какие темы, какие места и полосы они занимают, возможные комментарии редактора). Был осуществлён поиск информации о существующей демографической ситуации в стране, её перспективах и даны оценки её развития с точки зрения журналистского и читательского сообщества.

Процедура проводилась по стандартной схеме контент-анализа материала: от формулирования цели и разработки инструментария до сбора данных, их обработки и описания результатов. Выборка составила 6006 статей во всех номерах «Российской газеты», «Комсомольской правды», «Нашего Красноярского края» за исследуемый период. Каждый экземпляр газеты включал в себя от 40 (обычная, будничная газета) до 56–59 статей (так называемая «толстушка») в «Комсомольской правде» и «Нашем Красноярском крае» и от 42 до 80 заметок и статей различного содержания в «Российской газете».

Обнаружена устойчивая тенденция, что в каждом номере от 3 до 11 (в среднем 5–7) заметок посвящено теме брачно-семейных отношений, семейно-родственным связям, демографическим событиям и межличностным отношениям, что составляет около 8–10% от общего числа публикаций. В дальнейшем именно эти 10% (615 статей, прямо или косвенно связанных с семьёй), стали материалом анализа и выступили выборочной совокупностью, по отношению к которой рассчитывались данные (см. таблицу 1).

¹ Семейные ценности в современных СМИ. М.: ЦИРКОН-ФНС. 2013. URL: <http://www.slideshare.net/ZirconResearchGroup/ss-28465180> [Дата посещения: 11.11.2015]

Таблица 1

Распределение статей по темам и газетам

Газета	Всего статей	Всего о семье				Не о семье			Статей о семье	
		По названию	% ко всем статьям	По названию и содержанию	% ко всем статьям	По содержанию	% ко всем статьям о семье	На одну газету	На одну газету	% к статьям номера
Комсомольская правда	2031	176	8,6	368	18,1	16	4,3	40–59	5–11	11,5
Российская газета	3026	39	1,3	179	5,9	5	2,8	42–80	3–8	9,6
Наш Красноярский край	949	65	6,8	68	6,8	3	4,6	35–50	1–5	9,5
Всего	6006	280	4,6	615	10,2	21	4,0	50	5	10,2

Отдельные статьи касаются темы семьи только косвенно, но они также были включены в совокупность, так как описываемые явления связаны с процессами, происходящими внутри семьи или вне её. Например, «Школьницу, устроившую голую фотосессию, пропесочил мэр города» или «За списывание на ЕГЭ поймали 30 школьников». Герои этих заметок, школьники и школьницы, являются членами семьи, имеют родителей и других родственников, а тема воспитания и образования детей затронута напрямую. Тем более, в тексте статьи упоминаются родители этих школьников, описывается наказание (штраф, моральное осуждение).

Характерно, что тему семьи и брака затрагивают не только те статьи, которые имеют в названии термины, обозначающие семейные роли и события, но и многие другие, рассказывающие о чрезвычайных событиях, новых законах, происшествиях, новостях культуры и представляющих анонсы телепередач. Они составляют более 60% от общего числа статей о семье. Заметим, однако, что хотя число статей о семье по содержанию в два с лишним раза больше, чем статей по названиям, связанным с семьёй, значительная часть из них посвящена не семье как таковой, а ярким событиям, скандалам, громким делам, криминальным происшествиям, шокирующему поведению и жизни «звезд», т. е. материалу для «светской хроники» (см. таблицу 2)

Таблица 2

Тематика рубрик в газетах (число статей/заметок)

Комсомольская правда		Российская газета		Наш Красноярский край	
Светская хроника	55	«Светская хроника»*	43	Гость номера	4
Происшествия	27	Власть	15	Власть, государство	7
События в жизни семьи (свадьбы, рождения, разводы и проч.)	7	Документы	2	Родные люди, семья	8
Дела духовные	3	Религия	2	Дела духовные	1
Деньги, имущество	7	Экономика	8	Федеральный уровень	7
Герои сериалов, передач (семейные истории и др.)	5	Туризм	4	Территория	6
Истории из реальной жизни, добрые дела	7	За рубежом	11	Профессионалы	2
Политика и политики	7	ЖКХ	1	Детство	4
За рубежом, международные события	4	Транспорт, авто	4		
Скандалы	7	Спорт	2	Связь времён	9
Родители и дети (воспитание и проч.)	15	Право, законы	7	Законы	2
История	4	Общество и социальная сфера	15	Социум	2
Память, воспоминания	6	ЧП, криминал	23		2
Общественно-политическая жизнь	4	Образование	3	Образование	9
Криминал	8	Инициатива	1	Здоровье	2
Образование	11	Полемика	2	События, факты, комментарии	7
Здоровье	4	Оружие	1	Консультация юриста	1
Острые темы для обсуждения	9	Наука	2	Материнская слава	3
Законодательство	11	Культура	8		2
Демография	5	Демография, опросы	7	Демография	3
Культура, СМИ	6	Проверка слухов	2		

Продолжение таблицы 2

Комсомольская правда		Российская газета		Наш Красноярский край	
Консультация юриста по семейному и имущественному праву	8				
Интернет и социальные сети	3	Интернет и социальные сети	3		
Не про семью	7	Не про семью	4		
Всего	226		127		65

¹В «Российской газете» рубрику «светская хроника» можно так назвать лишь условно, потому что героями публикаций являются известные, публичные люди.

Описывая результаты социологического анализа *образа семьи и брака в современных российских печатных изданиях*, позволим себе обозначить научные основы и принципы, из которых мы исходили, выстраивая как само исследование, так и описание его результатов. В контексте плюрализма научных парадигм, идеологических доктрин и политических платформ *существование человеческого рода* на Земле в настоящее время не позиционируется самостоятельной общепринятой ценностью. Многие из современных направлений философии с трудом можно назвать философией жизни, философией выживания, т. к. они направлены, напротив, на ценности, грозящие существованию народов и человечества в целом. Это прежде всего относится к подходам к модернизации (изменений) и либерализму, которым присуще «воспевание социальных изменений» (термин Ч. Уэстоффа) [Антонов, Сорокин 2000: 34]. Но в обществе непрерывного изменения, выносящего проблему выживания за скобки, необходимо учитывать и возможность в процессе такого изменения разрушить и самоё себя (общество/личность/общность личностей).

Исполнители проведённого исследования не являются приверженцами выше обозначенных взглядов, поскольку данные о депопуляции и современных тенденциях упадка института семьи заставляют увидеть среди изменяющихся систем и вымирающие (причём, не единичные как исключение, подтверждающее правило, а целые регионы и группы стран; например, Прибалтика, страны Южной Европы (Италия, Испания)) [Клупт 2008: 14–64, 65–87]. Новая мифология формируется не для сохранения жизни ради жизни, а для принесения жизни в жертву во имя идей, заимствованных из арсенала идеологий эгоцентризма и гедонизма [Антонов, Сорокин 2000; Лебедь 2009]. Как последователи просемейной идеологии (или фамилистики), рассматривающей семью как социальный институт, как монолит супружества – родительства – родства, исследователи исходили из позиций защиты населения от

В обществе непрерывного изменения, выносящего проблему выживания за скобки, необходимо учитывать и возможность в процессе такого изменения разрушить и самоё себя (общество/личность/общность личностей).

угроз самоуничтожения, вымирания и девиантной социализации поколений. Предотвращение этого – создание надёжного фундамента для общества, а именно – возрождение крепкой, стабильно функционирующей полной семьи с несколькими детьми, сильной как внутренними, так и внешними связями. О возможности создания такого фундамента свидетельствуют социологические исследования, показывающие, что среди базовых ценностей россиян семья сохраняет свои лидирующие позиции. Одно из недавних исследований, проведённое в июле–сентябре 2013 г. исследовательской группой ЦИРКОН и «Фондом национальной славы», где авторы являлись организаторами и представителями заказчика исследования, говорит о том, что представления о модели, образе идеальной семьи у россиян достаточно однородные (консенсусные), т. е. нет значительных различий в разных регионах и возрастных группах. Этого нельзя сказать о реально существующих формах семьи, в которых живут россияне. Здесь имеются различия в зависимости и от региона, и от возраста, и от места проживания (город/село). Наличие такой глубинной ценностной основы, как «традиционная семья», которую можно, судя по опросу, охарактеризовать как *«полная, в официальном (зарегистрированном) браке, с несколькими детьми, где с уважением и почтением относятся к старшим членам семьи (старшему поколению) и прислушиваются к их мнению, где муж в основном обеспечивает семью, а жена в основном занимается домом и детьми, или в которой оба супруга обеспечивают семью и вместе занимаются детьми»* [Семейные ценности... 2013: 3] позволяет предположить, что при наличии целенаправленной, долговременной политики по актуализации социальных просемейных ценностей (находящихся сейчас в пассиве), подкреплённой социально-экономическими мерами и эмоциональной вовлечённостью людей (модно, приятно, выгодно и т. п.), существует вероятность изменений в брачно-семейном поведении россиян.

По полученным данным, «типичная семья» как собирательный образ в прессе показана так: супружеская пара – муж и жена, с одним ребёнком (реже с двумя детьми), проживающая нуклеарной (супружеской семьёй) без прародителей, где распределение ролей и обязанностей выражено нечётко (и по функциям внутри семьи, и по описанию в газете). Роли мужа и жены фиксируются в качестве членов семьи в 31,5% статей, роль сына – в 24%, дочери – в 17%, родителей (без конкретного указания роли) – в 17%, детей (без указания пола ребёнка) – в 38% (процент указан к статьям, посвящённым теме семьи прямо или косвенно, – всего 615 единиц). Резкое снижение фиксации ролей бабушки и дедушки – в 4,5 и 2,5% соответственно, и внука/внучки – 2,5 и 1,7% соответственно, свидетельствует о более часто встречающемся раздельном

проживании нескольких поколений родственников, чем о совместном. При совместном проживании функции присмотра, воспитания и социализации детей были бы переданы бабушкам/дедушкам, и статьи несли бы другую информацию. В данном массиве фиксируются встречи старших и младших поколений («мать привезла дочку в Россию, чтобы бабушка смогла увидеть внучку», «внук учится в Лондоне», «внуки приезжают на каникулы») и упоминаются «няни» и/или организации (детские сады, школы), осуществляющие функции присмотра за детьми в отсутствие родителей (например, в семье печально известных Кабановых). Остаётся добавить: вполне очевидно не только специалистам демографам и социологам, но и задумывающимся о будущем людям, что подобное сокращение семейных ролей и освещение семейно-демографических событий в прессе и других источниках СМИ, произведениях культуры и искусства связано прежде всего с изменением самой структуры традиционной расширенной семьи, а именно – её редукции до нуклеарной семьи с одним–двумя детьми.

Детальный содержательный и количественный анализ наполнения рубрик позволил разделить материал на несколько групп в зависимости от темы, к которой можно отнести статью или заметку:

1. Группа так называемой *«светской жизни»* и семейно-демографических событий известных, публичных людей (свадьбы, помолвки, беременности, роды, разводы, болезни, «борьба» за имущество и наследство).

2. Группа *«происшествий»*, скандалов, криминальных ситуаций, резонансных событий и громких дел.

3. Группа обычных, *реальных семей и их жизни*. Самая популярная тема в этой группе – родители и дети, воспитание и образование детей. Также затрагиваются темы жилья, традиций, отношений и другие.

4. Группа *демографической тематики*, в том числе современная демографическая ситуация в России и других странах, изменения, последствия и перспективы, обусловленные законами и решениями в сфере социально-демографической и семейной политик.

Исследование, предпринятое ФАП и проведённое совместными усилиями сотрудников Фонда Андрея Первозванного (Мищенко В. А., Лебедь О. Л., Иваненко И. И.) и социологической мастерской ЦИРКОН, было нацелено на сбор информации, необходимой для выявления отношения россиян к перспективам формирования государственной информационной политики, направленной на укрепление семейных ценностей. Собирались также мнения россиян о формах, в которых ранее обозначенная политика может выразиться.

Дополнительно на эти же темы опрашивались работники СМИ, как руководящий состав, так и рядовые журналисты (экспертный опрос).

Подобное целеполагание было обусловлено тревогой части общественности, ряда учёных, экспертов-демографов, деятелей культуры, религиозных лидеров по поводу снижения значимости семейных ценностей и низкого уровня выполнения семьёй своих функций, что создаёт серьёзную угрозу стране в виде депопуляции и слабости демографической структуры общества. Существуют «обвинения» в адрес средств массовой информации, «пропагандирующих» (вернее, распространяющих) ценности, разрушающие традиционные модели полоролевого поведения, включая семейные.

Предмет исследования, осуществлённого ЦИРКОНОм, состоял из нескольких компонентов:

- восприятие материалов СМИ и социальных сетей с точки зрения транслируемого ими образа семьи, в том числе, в зависимости от брачного состояния, количества детей, удовлетворённости текущим брачным состоянием, представлений об «идеальной семье»;

- отношение (оценка) к транслируемому СМИ контенту, посвящённому семейной тематике (как по содержанию, так и по формам преподнесения);

- образ «идеальной семьи» в восприятии граждан и (отдельно) работников СМИ;

- сравнение образов «идеальной семьи» и образов семьи, транслируемых в СМИ; оценка уровня влияния СМИ и сети интернет с точки зрения формирования образцов, моделей, предпочтений потребителей информационного контента;

- представления о возможных последствиях текущей ситуации в семейной сфере для демографического положения; мнения о возможности, необходимости изменения нынешней демографической ситуации в России, а также формах, субъектах и критериях государственного (общественного) влияния на информационные потоки, в т. ч. на контент, посвящённый семейной тематике.

Метод сбора данных – всероссийский опрос населения. Опрос был реализован методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондента. Объём выборки составил 1600 респондентов в 140 населённых пунктах 33 субъектов РФ всех экономико-географических зон России. Выборочная совокупность репрезентирует взрослое население России по параметрам пола, возраста, образования, типу места проживания (тип населённого пункта).

Общественное мнение о семье и семейных ценностях

Анализ данных проводился на предмет выявления общественного мнения по проблематике проекта на общероссийском уровне, а именно: влияние на общественное мнение (по теме проекта) брачного состояния респондентов, количества детей, удовлетворённости текущим брачным состоянием, представлений об «идеальной семье», иных факторов. Проводилась типологизация россиян по семейно-ценностным ориентациям, сравнение восприятия транслируемого в СМИ контента, посвящённого семейной тематике; собирались мнения россиян о необходимости регулирования СМИ со стороны населения и самих представителей СМИ.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы¹. С точки зрения структуры реальных семей и внутрисемейных отношений российское общество является достаточно однородным. Каких-либо значительных, многочисленных групп, радикально отличающихся в своём поведении от остального населения, не выявлено. В реальной жизни россияне предпочитают жить в браке (чаще официальном), иметь нуклеарную семью, хотя и признают зачастую членами своей семьи более широкий круг лиц, пусть и живущих отдельно, например, прародителей, братьев и сестёр, дядей, тётей, племянников и т. п. Наличие детей – важнейшая часть семейной жизни, однако более распространены малодетные семьи – с 1–2 детьми, которые в подавляющем большинстве и не планируют иметь более двух детей [Гурко 2004]. С позиции распределения ролей в семье более популярен партнёрский тип, где нет чёткого разделения ролей.

В плане своего реального семейного статуса респонденты демонстрируют умеренную консервативность в сочетании с присущей духу времени рациональностью. С одной стороны, большинство россиян реализуют (или стараются реализовать) достаточно традиционные модели семейного поведения – вступление в брак, рождение детей, добрые отношения в семье и т. п. Но, с другой стороны, разводы, повторные браки, гражданские отношения также распространены довольно широко. Примеры условно «патриархального» образа жизни – один брак на всю жизнь, религиозность в браке, многодетность, патриархальная структура семьи – на практике встречаются нечасто. Некоторые небольшие отклонения в ответах респондентов обусловлены преимущественно естественными различиями, как, например, между молодёжью

¹ Здесь и далее использовались материалы социологического исследования «Семейные ценности в современных СМИ», ЦИРКОН-ФАП, 2013.

и старшим поколением или между столичными жителями и жителями провинций. Отметим не раз зафиксированный в социологических исследованиях факт, что мусульманская часть населения несколько выделяется в плане большей традиционности семейного уклада, но даже здесь эта традиционность сводится лишь к наличию больших семей (многопоколенных, с совместным проживанием многочисленных родственников, с немного большим количеством детей), а в плане таких аспектов, как официальный статус брака, количество разводов и последующих браков, эта группа не сильно отличается от остального населения.

Описывая свой семейный идеал, россияне чаще выбирают достаточно традиционные, консервативные ценности – полная семья (наличие обоих партнёров), почтительное, уважительное отношение к старшему поколению, официальный брак, один брак на всю жизнь. Относительно спорные (в том смысле, что по ним нет единого мнения, а не в том, что они вызывают сомнение) для общественного мнения ценности, как многодетность, многопоколенные семьи (совместное проживание трёх и более поколений семьи) или церковный брак, получают достаточно широкое одобрение. Вместе с этим, общественное мнение демонстрирует резкий и категоричный негативизм по отношению к таким поведенческим моделям, как однополые отношения, супружеские измены, полигамия (в православной культуре), свободные отношения и т. п. Можно говорить о том, что в российском обществе в значительной степени существует консенсус в части представлений, какой должна быть идеальная семья. Это не означает полной гомогенности общественного мнения по данному вопросу, но вряд ли стоит говорить о серьёзных различиях, позволяющих выделить какие-то специфические группы населения, радикально по-разному воспринимающие те или иные семейные ценности. Существует небольшое число позиций, решительно противоречащих традиционной морали и вызывающих явное неприятие со стороны абсолютного большинства (это уже упомянутые однополые отношения, адюльтер, «свободная» любовь, отказ от детей). А в остальном россияне достаточно терпимы к разнообразным формам построения семейной жизни.

Опрос показал, что наиболее консенсусными характеристиками¹ (по которым наблюдается минимальный разброс в суждениях всех респондентов) оказались в числе социально одобряемых: полная семья, официальный брак, почтение к старшим, семья с одним–двумя детьми, нуклеарная семья. Среди социально неодобряемых: супружеские измены и однополые отношения. Сравнительно менее однозначно воспринимаются в общественном мнении такие характеристики

¹ Это не обязательно самые одобряемые характеристики, просто по ним общественное мнение наиболее однородно.

семейно-брачных отношений, как гражданский брак; большая, многочисленная, многопоколенная семья; многодетность; церковный брак; брак на всю жизнь.

Если сравнивать представления россиян об идеальной семье и их реальный семейный статус, то оказывается, что для подавляющего большинства россиян разрыв между профилями реальной и идеальной семьи достаточно велик. Лишь примерно у 10% опрошенных зафиксировано незначительное расхождение между «идеалом» и «реальностью». Если говоря об идеальной семье, респонденты чаще подразумевают традиционные семейные ценности, то в своей практической семейной жизни они больше руководствуются рациональными мотивами. Идеальное представление может расходиться с реальностью по многим причинам как субъективного, так и объективного характера. Многие определяются тем, что реальный статус респондента может не соответствовать идеальному в силу естественных обстоятельств – возрастных причин (юный или преклонный возраст), жизненные обстоятельства, здоровье и т. п. Но существует и ещё одна причина для расхождения между идеалом и реальностью. Опрос показал, что в понятие «идеал» респонденты вкладывали разный смысл в одни и те же ответы. Иногда «идеал» понимался как личный идеал, но чаще трактовался как идеал общественный (общественно признанный, общественно одобряемый). И в этом случае имеет место не просто расхождение между идеальным представлением и реальным статусом, но и расхождение между личными устремлениями и общественно одобряемыми моделями.

Таким образом, в общественном мнении в качестве идеала преобладают условно консервативные позиции, а для себя лично, в своей частной жизни респонденты выбирают более либеральные модели поведения. Причём указанный «консерватизм» общественного мнения не означает «патриархальность»; как видно из результатов опроса, россияне постепенно «осваивают» вполне современные практики семейно-брачных отношений (к примеру – выбор гражданского брака, а по сути сожительства как формы совместного проживания, терпимое к нему отношение и даже одобрение, суррогатное материнство, патронат вместо усыновления). Можно допустить, что демонстрируемый консерватизм в вопросе семейных отношений (во всяком случае, на ценностном уровне), обусловлен усталостью от хаоса и отражает стремление общества к определённости, упорядочиванию, которые, как представляется, может обеспечить семья.

Исследование показало отсутствие в общественном мнении единого, однозначного представления о понятии «традиционная семья». Для некоторого числа респондентов она понималась как семья, следующая традициям предков, как оплот консерватизма, сохраняющий в себе ценности прошлых

«Традиционность» толкуется не как следование прошлому, а как следование настоящему, типичным нынешним образцам семейной жизни.

поколений. Для значительно большей части населения «традиционная семья» – это среднестатистическая семья, такая, «как у всех», типичная, обычная, наиболее распространённая. «Традиционность» здесь предполагает лишь полную семью с детьми в современном её «исполнении»: в качестве главных признаков предлагаются нуклеарность и малодетность. И в этом смысле «традиционность» толкуется не как следование прошлому, а как следование настоящему, типичным нынешним образцам семейной жизни. При описании понятия «традиционная семья» формальная семейная структура в глазах населения оказывается более важным признаком, нежели некоторые качественные составляющие семьи. А вот что касается идеальной семьи, то здесь ситуация прямо противоположная – на первый план для респондентов выходят такие качественные характеристики, как любовь и взаимопонимание. Это лишний раз подтверждает достаточно значительный разрыв между идеальным образом и реальной ситуацией, которую респонденты наблюдают в своей семье или вокруг себя. И разрыв этот заключается именно в качественной составляющей, в том, чем наделяют семьи и брак по сути, а не по их формальным признакам.

Помимо реального семейного статуса респондентов и их представлений об идеальной семье, исследование предполагало ещё и третий «профиль», по которому проходило сравнение, – представления респондентов о том, какой образ семьи и семейных отношений транслируется (представлен) в настоящее время в средствах массовой информации. Согласно результатам опроса, большинство граждан (58%) считают, что темам семьи, брака и семейных ценностей в СМИ внимания сегодня уделяется мало. Однако в целом позиция, с которой СМИ транслируют образ семьи и семейных отношений, представляется россиянам довольно позитивной. Понятно, что речь идёт о субъективном восприятии, и аудитория видит зачастую именно то, что хочет. С позиции авторов восприятие контента и его оценка определяются возможностью аудитории выбирать: если потребителю СМИ не нравится какая-то тема или стиль её подачи, он может сменить канал и получать то, что ему нравится. Соответственно, в этом случае потребитель СМИ будет воспринимать контент позитивно и считать, что СМИ транслируют то, что ему нравится, в позитивном ключе.

В первую очередь отметим, что, по мнению россиян, СМИ чаще с одобрением представляют семьи с детьми – и малодетные, и многодетные, и семьи с родными и приёмными детьми. Таким образом, сам факт наличия ребёнка (детей) демонстрируется в СМИ в позитивном ключе (по мнению аудитории). Чаще с одобрением, чем с осуждением, по оценке россиян, в СМИ представляются категории «официально зарегистрированный брак» и «один брак на всю жизнь».

С одобрением транслируются также сюжеты о семьях, в которых с уважением и почтением относятся к старшему поколению. При этом, скорее в позитивном ключе, как считают граждане, СМИ транслируют образ семьи, состоящей только из супругов и детей (т. е. когда представители старшего поколения проживают отдельно). В отношении же больших, многопоколенных семей оценки транслируемого образа сравнительно более неопределённые. Вероятно, на мнение россиян влияют современные реалии, когда наиболее распространённым типом является нуклеарная семья.

В оценках аудитории, СМИ в негативных тонах транслируют нетрадиционные и официально не признаваемые в нашей стране отношения (однополые связи, многожёнство, многомужество), а также супружеские измены. По большинству характеристик, воспринимающихся в общественном сознании позитивно (одобряют более 60% граждан), серьёзных расхождений в образах идеальной семьи и транслируемой в СМИ нет. Исключение составляют характеристики, отражающие распределение ролей в семье: доли одобряющих оба типа распределения семейных ролей респондентов (традиционный и партнёрский) более чем на 15% выше долей тех, кто считает их подаваемыми в СМИ в позитивном либо нейтральном ключе. Это может свидетельствовать о дефиците показа в СМИ тематики ролевого распределения в семье.

Серьёзные расхождения между профилями идеальной и транслируемой семьи фиксируются лишь для ряда характеристик семейно-брачных отношений, а именно тех, которые относятся к числу НЕодобряемых большинством россиян: многомужество и многожёнство, однополые отношения, супружеские измены, добровольная бездетность, свободные отношения и случайные связи; в меньшей степени это относится к бездетным семьям и гражданскому браку, которые воспринимаются скорее неоднозначно. С одной стороны, доля НЕодобряющих перечисленные характеристики заметно выше, чем доля считающих, что СМИ представляют эти характеристики в негативном ключе. С другой стороны, доля тех, кто считает, что указанные характеристики подаются в СМИ позитивно и нейтрально, заметно ниже, чем доли одобряющих их. Иначе говоря, неодобряемые большинством характеристики семейно-брачных отношений, в оценках респондентов, недостаточно осуждаются в СМИ.

Россияне, декларирующие поддержку традиционных моделей поведения – вступление в брак, рождение детей, добрые отношения в семье и т. п., в наибольшей степени удовлетворены тем, как их семейные ценности представляются в СМИ. Неудовлетворённость подачей контента о семейной тематике в большей степени характерна для тех, кто разделяют «антисемейные» ценности.

Россияне, декларирующие поддержку традиционных моделей поведения, в наибольшей степени удовлетворены тем, как их семейные ценности представляются в СМИ. Неудовлетворённость подачей контента о семейной тематике больше характерна для разделяющих «антисемейные» ценности.

Оценки россиян нынешнего демографического положения в России можно обозначить как сдержанно тревожные. Большинство россиян (56%) считают положение в области демографии очень опасным, но всё же верят в возможность улучшения ситуации в случае применения соответствующих специальных мер. Возможные меры по борьбе с сокращением населения, на которые уповают многие россияне, охватывают разные сферы и могут неоднозначно оцениваться гражданами (одобряться или, напротив, вызывать протест). К числу наиболее популярных мер, по мнению россиян, можно отнести стимулирование рождаемости, борьбу с алкоголизмом и наркоманией, развитие здравоохранения и пропаганду здорового образа жизни. Очевидно, что среди популярных оказались наиболее понятные массовому сознанию меры общего характера, связанные с оздоровлением населения и расширением социальной поддержки семьи.

В число непопулярных мер противодействия сокращению населения вошли меры двух типов – связанные с миграционной политикой (и иммиграционной, и эмиграционной) и направленные на развитие инновационных биорепродуктивных технологий.

Согласно результатам данного исследования, существенное большинство российских граждан оценивают некоторые передачи российского телевидения как вредные, аморальные и опасные для просмотра. Однако, по сравнению с аналогичным опросом 2009 г., этот показатель немного снизился. Возможно, причиной этого является изменение именно контента. Во всяком случае, за последнее десятилетие (и особенно в сравнении с 1990-ми годами) перемены действительно произошли [Проневская 1997: 145–149; Фамилистические исследования. 2009]. В том числе были приняты некоторые государственные меры ограничительного характера (к примеру, запрет на показ некоторых программ в определённое время, введение возрастных ограничений на просмотр).

Как показал опрос, российские граждане фактически единодушно высказались за то, что государство должно(!) поддерживать морально-нравственные ценности, повышать значимость семьи и семейных ценностей. Граждане РФ в своём большинстве также выступили в поддержку необходимости государственного регулирования содержания СМИ, связанного с семейной тематикой. Однако почти половина граждан поддержала точку зрения, что управление телевидением – дело исключительно профессионалов, и лишь около трети позитивно отнеслись к общественному влиянию на содержание вещания. В этом смысле опрос подтвердил некоторые тенденции, зафиксированные в других исследованиях группы ЦИРКОН на протяжении нескольких лет. Согласно данным мониторинга, за последние 3–4 года заметным образом

Существенное большинство россиян оценивают некоторые передачи телевидения как вредные, аморальные и опасные для просмотра. Но, по сравнению с аналогичным опросом 2009 г., этот показатель немного снизился. Возможно, причиной этого является изменение именно контента.

Российские граждане фактически единодушно высказались за то, что государство должно поддерживать морально-нравственные ценности, повышать значимость семьи и семейных ценностей.

изменился способ потребления СМИ: всё более значительная часть аудитории ожидает от СМИ не информации, а эмоций; растёт пассивное потребление медиапотока. Результаты настоящего проекта демонстрируют тот же самый тренд. Россияне готовы потреблять контент, но всё менее стремятся влиять на его содержание, быть активными субъектами медиапотребления. Как следствие – снижение доли потребителей, поддерживающих участие в управлении телевидением со стороны общественности.

Представители СМИ о семье и семейных ценностях

В ходе опроса изучалось мнение не только населения, но и отдельно работников СМИ как группы, наиболее включённой и знающей изнутри процесс формирования редакционной политики, в частности, в области трансляции семейных ценностей и образа семьи в целом. Общий вывод по итогам опроса населения о существовании консенсуса в представлениях, какой должна быть идеальная семья, можно распространить и на результаты опроса работников масс-медиа. Наблюдается небольшое число позиций, противоречащих традиционной морали и вызывающих явное неприятие со стороны абсолютного большинства и населения, и журналистов. Обе группы достаточно терпимы к разнообразным формам построения семейной жизни (например, с точки зрения ролевого распределения обязанностей, количества детей), с наибольшим одобрением относятся к полной семье с детьми, основанной на официально зарегистрированных отношениях супругов, добром и уважительном отношении к старшим поколениям.

Опрос журналистов более чётко обозначил тенденцию, которая была выявлена ещё в ходе опроса всего населения: отсутствие в общественном мнении единой позиции в трактовке понятия «традиционная семья». В опросе журналистов эти различные позиции сформулированы более внятно и отчётливо. Первый тип восприятия «традиционной» семьи заключается в образе семьи, воплощающей традиции прошлых поколений. Причём не всегда этот факт семейной традиционности, преемственности трактуется однозначно. Для части респондентов, кому вообще факт традиционности в данном контексте важен (около 10–15%), подавляющее большинство оценивают её в положительном ключе, т. к. она сохраняет и укрепляет институт семьи (респонденты отмечали такие характеристики традиционной семьи, как следование традициям разного рода, морально-нравственные устои, духовность, мораль, преемственность поколений и т. д.).

Здесь же часто упоминаются такие аспекты, как главенствующая роль мужчины в семье, его авторитет, «подчинённое» положение жены (трактуются с нейтральных позиций). У некоторой (немногочисленной) части опрошенных журналистов понятие «традиционной семьи» вызывает явно негативную реакцию. Традиционная семья видится им оплотом патриархальности, домостроя и ряда других отрицательных (с их точки зрения) аспектов.

Другой смысл, который придают журналисты понятию «традиционная семья», – это «обычная» семья, семья «из народа», такая же, как у большинства людей вокруг. Значительная доля журналистов, говоря о традиционной семье, подразумевают вполне позитивные ценности, близкие большинству: наличие детей, по возможности даже нескольких (именно о многодетности журналисты говорят мало, а вот про одного ребёнка или нескольких детей в данном контексте упомянуло около 70% опрошенных); наличие обоих супругов; уважение к старшим; наличие дома (уют, очага). В отличие от всего населения, журналисты чаще акцентировали качественные характеристики традиционной семьи – любовь, уважение, дружба, забота, взаимопонимание и т. п.

Что касается *идеальной семьи*, то здесь журналисты, в отличие от населения, практически не затрагивали в своих ответах каких-то формальных структурных признаков семьи. Подавляющее большинство ответов сосредоточилось вокруг качественных характеристик: любовь, уважение, взаимопонимание и гармония. Для трети опрошенных важнейшим признаком идеальной семьи являются дети. Добрые отношения со старшим поколением трактуются респондентами скорее как забота о старших, нежели как необходимость совместного проживания в многопоколенной семье. Таким образом, несмотря на некоторую неоднозначность трактовки понятия «традиции» с точки зрения семейной тематики и немного критический настрой в единичных случаях, для журналистов, как и для всего населения в целом, оказываются близки одни и те же базовые семейные ценности в качестве идеала семьи. Правда, стоит отметить, что все эти ценности носят предельно обобщённый, абстрактный, нечёткий характер и вряд ли вносят существенную лепту в понимание того, какой идеал семьи имеет распространение в общественном мнении. С другой стороны, большинство перечисленных качеств касаются взаимодействия внутри семьи (отношения между партнёрами, родителями и детьми, родителями и старшим поколением), но в очень малой степени затрагивают внешние её функции: развитие у детей нравственных ценностей и моральных установок, поддержание социальных традиций и культурных образцов и т. п. Более подробное рассмотрение результатов опроса журналистов может стать темой другой статьи.

Заключение

Несмотря на устойчивость распространённой позиции считать социум со сложившимися структурами экономики за исходный контекст и выводить из него все семейные модификации, мы придерживаемся позиции, что изменения в семейной идеологии и структуре должны анализироваться как существенные для экономического и социального развития того социума (Ле Пле и К. Циммерман), в котором это развитие реализуется [Томпсон 1993: 135]. Приоритет в таком случае, по мнению Э. Гидденса (цит. по [Антонов, Сорокин 2000: 36]), должен принадлежать не властным структурам, а социальным исследованиям, призванным опережать выработку политических целей. Социально-демографическая экспертиза принимаемых законодательных и исполнительных решений, способствующая равноправию семьи и других институтов, полезна как раз для стабильного положения и семьи, и её членов, и общества в целом.

Строительство прочных основ института семьи напрямую связано с распространением и принятием религиозных, нравственных, идеологических ориентиров, которые не поучают добродетели, а дают ключ к нахождению полноты человеческих проявлений жизни. Социологи утверждают: «Семья как арена самоограничения индивидуальных склонностей в пользу семейного блага есть единственное из величайших изобретений культуры, способное воспроизводить подлинно общественных социализированных личностей, не инфантильных эгоцентристов, отстранённых по своей глупой воле от счастья быть отцом/матерью» [Антонов, Сорокин 2000: 9].

Библиографический список

Антонов А. И., Сорокин С. А. 2000. Судьба семьи в России XXI века. М.: ИД «Грааль». 416 с.

Гурко Т. А. 2004. Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. № 9. с. 79–80

Демографическая дезорганизация России: 1897–2007: Избранные демографические труды / Ред.-сост. А. И. Антонов. М.: NOTA BENE, 2007. 752 с.

Демографический прогноз до 2030 года // Официальный сайт РОССТАТа URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [Дата посещения: 11.11.2015].

Клупт М. 2008. Демография регионов Земли. СПб.: Питер. 352 с.

Лебедь О. Л. 2009. Социально-экономические последствия демографической ситуации в России // Демографические исследования. М.: КДУ. С. 137–148.

Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденций её изменения / Науч. ред. А. И. Антонов. М.: КДУ, 2008. 304 с.

Проневская И. В. 1997. Деформация внутрисемейных отношений: сравнительный анализ фамилистических текстов // Вестник МГУ. Серия 18. № 2. С. 144–149.

Развитие населения и демографическая политика / Под ред. М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова. М.: МАКС Пресс, 2014. 380 с.

Семейные ценности в современных СМИ. М.: ЦИРКОН-ФНС, 2013. URL: <http://www.slideshare.net/ZirconResearchGroup/ss-28465180> [Дата посещения: 11.11.2015].

Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 129–138.

Фамилистические исследования. Т.1, 2. М.: КДУ, 2009. 352,380 с.

Media and Public Opinion on Contemporary Images of Family and Marriage

Lebed' Olga Leonidovna

Candidate of sociological sciences, Researcher of the Department of family sociology, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: lebed@isras.ru

Mishchenko Vladimir Anatolievich

Candidate of sociological sciences, Vice-President of St. Apostle Andrew Foundation and Center of National Glory, Moscow, Russia. E-mail: lebed@isras.ru

Abstract. The article is dedicated to two studies: content analysis of printed media (one regional and two metropolitan papers), aimed at identifying the current image of the modern family; and a nation-wide survey of Russians, with questions about the respondents' "ideal" and actual family. An analysis of these studies' results shows that the ideal perception of family does not match the actual reality by far; in turn, real families are fairly similar in terms of structure and role allocation to those described by the media. The most widespread family types may be described as follows: nuclear families (married couples), families with few (one or two) children, families with unstable or conflicted relations, and two-generation families (parents and children). As for traditional family perceptions, most Russians believe that a traditional family is one where both parents stay together, are officially married, and have several children; where the family elders (members of the older generation) are treated with respect, with their opinions being taken into consideration; and where either the husband is the main bread-winner and the wife is the home-maker, or both spouses share the duties of providing for the family and taking care of the children. Actual Russian families, however, are far from matching this "ideal", "desired" model. The precise nature of the differences is determined by the region, age, and location (urban/rural). Even the very notion of a traditional family is supplied with different meaning by various social groups: some define a traditional family as something that reflects patriarchal values; others, as something typical, familiar, and widespread; and some respondents say that a traditional family is a family that follows certain traditions (national, cultural, religious, dynastic, etc.). The survey shows that the most universal consensus (i.e. the least

amount of disagreements among the respondents) about which features of a family are socially acceptable is reached when selecting the following options: two-parent family, official marriage, respect towards the elders, one or two children, nuclear family. When talking about what is socially unacceptable, respondents tend to mention infidelity and same-sex marriage. However, the attitude towards such phenomena as common-law marriage, large families with a lot of relatives and several generations, families with many children, religious marriage, and marriage "till death do us part", is far less categorical.

Keywords: family, nation-wide survey, content analysis of printed media, family structure, gender roles, familial practices.

References

Antonov A. I., Sorokin S. A. *Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka* [The fate of the family in Russia]. Moscow, Graal', 2000. 416 p.

Demograficheskaja dezorganizacija Rossii: 1897–2007: Izbrannye demograficheskie trudy [Democratic Decentralization in Russia: 1897–2007: Selected Demographic Works]. Ed. by A. I. Antonov. Moscow, NOTA BENE, 2007. 752 p.

Demografichesky prognoz do 2030 goda [Demographic Prognosis up to 2030]. Rosstat official website. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [date of visit: 11.11.15].

Familisticheskie issledovanija [Family Researches]. Vol.1, 2. Moscow, KDU, 2009. 352+380 p.

Gurko T. A. Reproduktivnye plany suprugov i vlijajuschie na nikh faktory [Reproductive plans of marrieds and factors influencing them]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2004, no 9, pp. 79–80 URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2014_9/Gurko.pdf [date of visit: 11.11.15].

Klupt M. *Demografija regionov Zemli*. Saint-Petersburg, Piter, 2008. 352 p.

Lebed' O. L. Social'no-ekonomicheskie posledstvija demograficheskoy situacii v Rossii [Socio-economic impact of the demographic situation in Russia]. *Demograficheskie issledovanija*. Moscow, KDU, 2009, pp. 137–148.

Monitoring demograficheskoy situacii v Rossijskoy Federacii i tendenciy eio izmenenija []. Ed. by A. I. Antonov. Moscow, KDU, 2008. 304 p.

Pronevskaja I. V. Deformacija vnutrisemeynykh otnosheniy: sravnitel'ny analiz familisticheskikh tekstov. *Vestnik MGU*, 1997, Vol. 18, no 2, pp. 144–149.

Razvitie naselenija i demograficheskaja politika. Ed. by M. B. Denisenko, V. V. Elizarov. Moscow, MAKS Press, 2014. 380 p.

Semeynye cennosti v sovremennykh SMI [Modern Values in Mass Media]. Moscow, CIRKON-FNS, 2013. URL: <http://www.slideshare.net/ZirconResearchGroup/ss-28465180> [date of visit: 11.11.15].

Социология средств массовой информации

Особенности способов телепотребления среди молодежи

Ивченкова Мария Сергеевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Центр исследования социальной структуры и социального расслоения, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

Особенности способов телепотребления среди молодёжи

Аннотация

В статье представлены результаты социологического исследования телепотребления среди молодёжи города Саратова. СМИ традиционно считаются четвёртой ветвью власти. Составные компоненты механизма воздействия СМИ на общественное мнение включают целенаправленность и характер отбора информации, степень её соответствия реальным фактам, способы её препариования, интерпретации, распространения, символические ряды визуальных образов, кодов. Однако аудитория также является относительно самостоятельным социальным субъектом, обладает своими специфическими характеристиками и механизмом восприятия информации. Особенно ярко это проявляется на примере молодёжной телеаудитории, поэтому в 2014 году в Саратове было проведено социологическое исследование молодёжи. Данные исследования позволили описать молодёжную телеаудиторию, выявить особенности телепросмотра у городской молодёжи, оценить роль и место телевизионных СМИ как социального института. Постоянный телепросмотр занимает значимое место среди способов проведения свободного времени у саратовской молодёжи, хотя её телесмотрение имеет преимущественно нецеленаправленный характер. Для большинства саратовской молодёжной телеаудитории телевидение является основным способом развлечения, а также просвещения и получения информации. Однако достаточно значимой, по мнению саратовцев, оказывается роль СМИ как социального института и агента социализации. При выявлении факторов влияния на мнение о значимости функций телевидения как социального института для саратовской молодёжной аудитории были выявлены несколько групп факторов: возраст, количество телепросмотров, среднее время, проводимое у телеэкранов. Полученные результаты иллюстрируют убывание значимости рекреативной функции с уменьшением количества телепросмотров в неделю. Развлекательная функция представляет большую значимость для тех, кто чаще смотрит телевизор, и практически теряет свою значимость у групп, которые практически не смотрят телевизор. Данные типологии телеаудитории носят относительный характер, однако их важно учитывать в ходе анализа функционирования телевидения и при уточнении социальных механизмов взаимодействия СМИ и общества.

Ключевые слова: телепотребление, телепросмотр, молодёжь, телевизионные СМИ, социальные функции телевидения

Средства массовой информации традиционно считаются четвёртой ветвью власти. Кумулятивная эффективность их воздействия во многом определяется восприятием аудиторией коммуникационных акторов, в чьих интересах осуществляется передача информации – журналистов, институтов, лидеров власти, элитных групп. Составные компоненты механизма воздействия СМИ на общественное мнение включают целенаправленность и характер отбора информации, степень её соответствия реальным фактам, способы её препарирования, интерпретации, способы распространения, символические ряды визуальных образов, кодов [Дзялошинский 2008; Кузнецов, Цвик, Юровский 2002]. Однако аудитория также является относительно самостоятельным социальным субъектом, обладает своими специфическими характеристиками и своим механизмом восприятия информации. Особенно ярко это проявляется на примере молодёжной телеаудитории.

В 2014 г. в Саратове было проведено социологическое исследование телепотребления в молодёжной среде. Исследование было проведено методом анкетирования по многоступенчатой квотно-районированной бесповторной выборке. Выборочная совокупность составила 200 человек. Критерии отбора: возраст (от 14 до 30 лет), пол (поровну девушек и юношей), место жительства (6 районов Саратова: Ленинский, Заводской, Октябрьский, Фрунзенский, Волжский, Кировский).

Опрос показал, что 21,3% молодёжи проводят свои выходные за компьютерными развлечениями (интернет, игры), и только 3,7% целенаправленно у телевизора (см. рис. 1). Особенно это касается юношей, среди которых целенаправленный просмотр телевидения в качестве досуга встречается в два раза чаще, чем среди девушек. Однако истинное положение дел с телепросмотром может быть иным, поэтому необходим анализ таких позиций, как количество дней в неделю и среднее количество часов, которые респондент проводит у телевизора.

33% представителей молодёжи смотрят телевизор каждый день, 26% проводят у телевизора 2–3 дня в неделю, 21% ответивших смотрят телевизор раз в неделю и реже, 20% смотрят телевизор 4–6 раз в неделю. При анализе показателя времени, проводимого у телеэкрана, были получены следующие результаты: 1–3 часа в день проводят 55,4% опрошенных, 33,2% проводят за просмотром менее часа в день, от 3 до 5 часов – 10,3% ответивших, более 5 часов в день – 1,1%. Более четырёх дней в неделю смотрят телевизор 53% респондентов, у 66,8% среднее время просмотра телевизора составляет 3 часа в день, 1,1% смотрят телевизор более 5 часов в день. Из полученных данных следует, что постоянными телезрителями являются 79% саратовской молодёжи, телепросмотр

Опрос показал, что 21,3% молодёжи проводят свои выходные за компьютерными развлечениями (интернет, игры), и только 3,7% целенаправленно у телевизора. Особенно это касается юношей, среди которых целенаправленный просмотр телевидения в качестве досуга встречается в два раза чаще, чем среди девушек.

занимает значимое, хотя и не всегда осознанно целенаправленное место среди способов проведения свободного времени молодёжи. Для 37,4% респондентов характерно фоновое смотрение; 27,9% свойственен заппинг (переключение с канала на канал); 28,9% опрошенных смотрят что-то определённое и внимательно досматривают до конца; 3,7% ответивших смотрят что-либо лишь до первой рекламы и 2,1% совмещают все указанные способы. Таким образом, телесмотрение молодёжи имеет преимущественно нецеленаправленный характер.

Таким образом, среди юных женщин преобладающими являются фоновое телесмотрение (48,9%), затем заппинг (24,5%) и внимательное телесмотрение (22,3%). Для молодых мужчин преобладающим видом является внимательное телесмотрение, затем следует заппинг (31,3%) и фоновое смотрение (26%).

Рис. 1. Виды проведения досуга молодёжью в зависимости от пола

Анализ предпочтений по способам телесмотрения показывает, что заппинг выбирают 31,3% юношей и 24,5% девушек; фоновое смотрение предпочитают 26% молодых саратовцев и 48,9% саратовчанок; внимательно смотрят телепередачу, не отрываясь на другие дела, 35,4% представителей мужского пола и 22,3% представительниц женского; до первой рекламы смотрят 6,3% мужчин и 1,2% женщин; совмещают несколько способов телесмотрения 1% мужчин и 3,2% женщин.

Таким образом, среди юных женщин преобладающими являются фоновое телесмотрение (48,9%), затем заппинг (24,5%) и внимательное телесмотрение (22,3%). Для молодых мужчин преобладающим видом является внимательное телесмотрение, затем следует заппинг (31,3%) и фоновое смотрение (26%).

Выдвижение у женщин на первый план фонового просмотра иллюстрирует тот факт, что женщины воспринимают телепросмотр как некоторый второстепенный вид деятельности. В этом случае телевидение воспринимается как заполнитель пространства во время совершения каких-либо действий, будь это: домашние обязанности, уход за собой и прочее, что влечёт за собой неглубокое проникновение в суть передаваемой информации и оправдывает выбор именно развлекательных телепередач, которые не требуют высокой концентрации внимания. Мужчины же к телепросмотру относятся более ответственно, предпочитая просматривать всю передачу внимательно от начала до конца, не упуская при этом никаких деталей. Коэффициент V Крамера составляет 0,279, что при $p=0,005$ показывает наличие слабой корреляционной зависимости выбора способа телесмотра от половых характеристик респондентов.

При анализе влияния пола респондентов на выбор главных целей использования телевидения результаты распределились следующим образом (см. рис. 2): получение информации является главной целью телесмотра для 42,4% мужчин и 19,2% женщин, развлечение является главной целью просмотра ТВ для 28,3% мужчин и 34,3% женщин. Фоновое смотрение выбрали основной целью телесмотра 19,2% представителей мужского пола и 34,3% женского. Телевидение как способ занять время расценивают 2% мужчин и 7,1% женщин. Равнозначность информационной и развлекательной функции подчёркивают 7,1% мужчин и 4% женщин.

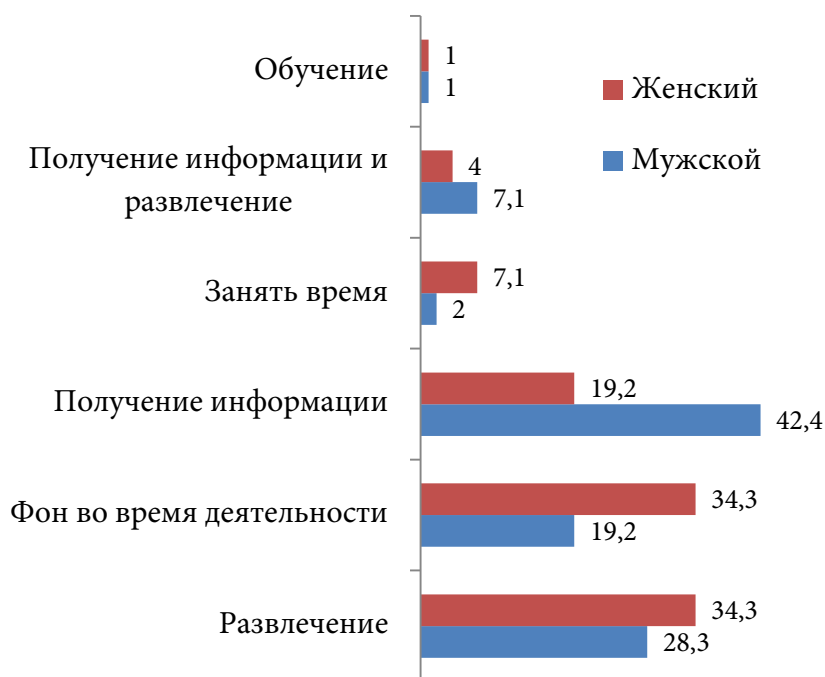

Рис. 2. Основные цели использования телевидения молодежью (по гендерным категориям)

Мужчины относятся более серьёзно к телевидению как источнику информации. Доля мужчин (58%), которые предпочитают информационные телепередачи другим видам телепередач, почти в 2 раза выше, чем среди женщин (32%).

У мужчин на первый план выходит информационная функция телепотребления, далее следует развлекательная, потом восприятие телевидения как фона для заполнения пространства во время совершения каких-либо дел. У женщин дела обстоят иначе: на первое место выходит развлекательная функция, затем функция фонового заполнения и только потом информационная функция. Такая тенденция в выборе приоритетных целей телепотребления говорит о том, что для мужского населения получение информации выходит на первый план, в свою очередь для женского населения на первый план выходит развлекательная функция. Мужчины относятся более серьёзно к телевидению как источнику информации в отличие от женщин.

Подтверждение того, что для мужчин главная цель телепросмотра – получение информации, является факт, что доля мужчин (58%), которые предпочитают информационные телепередачи другим видам телепередач, почти в 2 раза выше, чем среди женщин (32%). Основная цель телепросмотра для женщин – это развлечение, что подтверждается данными исследования. Предпочтение музыкальным телепрограммам отдаёт половина женщин (50%) против 22% мужчин, а мультфильмам – 23% женщин против 5% мужчин.

Анализ влияния рода занятий респондента на выбор основных целей использования телевидения (см. таблицу 1) показал, что для работающих респондентов приоритетной целью телепотребления является получение информации (47,8%), затем следует фоновая функция (23,2%). Такая тенденция свидетельствует о том, что трудоустроенные группы населения больше заинтересованы в получении информации, что обусловлено необходимостью быть осведомлёнными о происходящем в мире.

У учащихся респондентов на первый план выходит развлекательная цель телесмотрения (47,9%), вторую позицию занимает фоновое смотрение (26,8%). Важность развлечения в телепросмотре обусловлена тем, что, как правило, студенты и школьники являются малообеспеченной группой населения, а телевидение выступает как самый доступный источник развлечений.

Для респондентов, совмещающих учёбу и работу, приоритетной является фоновая функция телесмотрения, так как загруженность трудового и учебного графика не позволяет им сфокусироваться на внимательном телесмотрении. Для тех респондентов, которые не учатся и не работают, приоритетной целью телесмотрения является развлечение (56,3%), затем следует фоновая функция (18,8%). Важность развлекательной функции для этой группы респондентов обусловлена высокой степенью доступности телевидения как источника развлечений, а так же большим объёмом свободного времени, в сравнении с предыдущими группами респондентов.

Для респондентов, совмещающих учёбу и работу, приоритетной является фоновая функция телесмотрения, так как загруженность трудового и учебного графика не позволяет им сфокусироваться на внимательном телесмотрении. Для тех респондентов, которые не учатся и не работают, приоритетной целью телесмотрения является развлечение (56,3%).

Таблица 1

**Влияние рода занятий респондента
на выбор основной цели использования телевидения
для респондентов, % по роду занятости**

Цель телепросмотра	Род занятия респондента				По выборке
	Работает	Учится	Учится и работает	Не работает, не учится	
Развлечение	14,5	47,9	21,4	56,2	31,3
Получение информации	47,8	19,7	28,6	12,5	30,8
Фон для деятельности	23,2	26,8	35,7	18,8	26,8
Получение информации и развлечение	7,2	5,6	0,0	12,5	5,6
Занять время	5,8	0,0	11,9	0,0	4,5
Обучение	1,4	0,0	2,4	0,0	1,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Для большинства саратовской молодёжи телевидение является основным способом развлечения. Однако достаточно значимой, по мнению саратовцев, является роль СМИ как социального института и агента социализации, хотя это качество телевидения проявляется латентно (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Степень значимости социальных функций телевидения,
% по каждой функции**

Степень значимости	Получение информации	Развлечение	Приобщение к духовным ценностям	Объединение общества	Развитие личностных качеств
Ничего не значит	4,0	5,5	20,5	26,5	20,5
Немного значит	15,5	28,0	26,0	20,0	17,0
Много значит	51,0	45,0	27,0	25,5	35,5
Самое значимое	29,5	21,5	26,5	28,0	27,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Отечественное телевидение, по мнению молодых саратовцев, должно быть средством информирования (41,5%), просвещения (22,5%), развлечения (20%), искусством (6,5%), одновременно средством развлечения и информирования (4%), вмещать в себя все перечисленные варианты (4%), средством пропаганды (1%), бизнесом (0,5%). В реальности телевидение,

по мнению опрошенных, является: бизнесом (32,4%), средством развлечения (31,4%), пропаганды (21,6%), просвещения (1,6%), искусством (0,5%).

Многие социальные функции телевидения не реализуются (см. таблицу 3). По мнению саратовской молодёжи, телевидение должно быть направлено на грамотное воспитание подрастающего поколения и быть средством информирования, но его фактическая направленность ограничивается поднятием рейтингов, увеличением кассовости, т. е. телевидение является не агентом социализации и информирования, а по сути бизнесом.

Таблица 3

Степень реализации телевидением его социальных функций,
% по каждой функции

Степень реализации	Получение информации	Развлечение	Приобщение к духовным ценностям	Объединение общества	Развитие личностных качеств
Не реализуется	5,0	6,0	39,0	40,5	41,5
Почти не реализуется	30,0	15,0	46,5	47,5	41,0
Реализовано	46,5	40,0	13,0	10,5	16,0
Достаточно реализуется	18,5	39,0	1,5	1,5	1,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Предпочтения по видам телепередач распределились таким образом: 61% молодёжи предпочитают фильмы, 42% – информационные передачи, 36% – музыкальные, 30% – научно-познавательные, 28,5% – развлекательные, а также спортивные телепередачи (17%) и мультфильмы (14%). Что касается тематики телепередач, то вкусы опрошенных таковы: самый популярный жанр – музыкальные и юмористические передачи, на втором месте – научно-популярные и познавательные (биографические передачи, передачи о политике, реалити-шоу, программы о моде и светская хроника, спортивные, криминальные, передачи об искусстве). Самым популярным телеканалом для молодёжи Саратова является ТНТ (21,1%), за ним следуют с незначительно отличающимися результатами между собой СТС (12,2%), кабельные каналы преимущественно с развлекательной направленностью (11,7%) и МузТВ (11,5%).

Информационные передачи предпочитают 62,3% работающих, 31,9% учащихся, 37,9% совмещающих работу и учёбу и 12,5% не учащихся и не работающих. Группы работающих и совмещающих учёбу и работу по прежнему остаются самыми заинтересованными в получении информации. Музыкальные телепередачи предпочитают 21,7% работающих респондентов, 33,3% учащихся, 62,8% респондентов, которые совмещают

Самый популярный жанр ТВ – музыкальные и юмористические передачи, на втором месте – научно-популярные и познавательные программы.

работу и учебную деятельность, и 37,5% тех, кто не учатся и не работают. Большой процент предпочтения музыкальных передач среди респондентов, которые учатся и работают, обоснован тем, что именно этот вид телепередач удобен для фонового телесмотра.

Не хватает на телевидении, по мнению саратовской молодёжи, фильмов, научно-познавательных и информационных передач. 11% опрошенных содержание телеэфира устраивает.

Мнения о том, какой должна быть направленность телевидения как социального института, распределились таким образом: создание универсальной развлекательной индустрии считают необходимым для общества 11,3% работающих, 23% учащихся, 7,9% тех, кто учатся и работают, 16,7% не учащихся и не работающих. Поднятие рейтингов и повышение кассовости считают необходимым направлением деятельности телевидения 3,2% работающих, 11,5% учащихся. Интеграцию общества и государства считают самой нужной направленностью в деятельности телевидения 40,3% работающих, 19,7% учащихся, 15,8% тех, кто учатся и работают, 41,7% тех, кто не учатся и не работают. Грамотное воспитание подрастающего поколения считают главной функцией 45,2% работающих, 45,9% учащихся, 76,3% совмещающих работу и учёбу и 41,7% тех, кто не учатся и не работают.

Для работающих наиболее привлекательными являются такие институциональные функции телевидения, как грамотное воспитание подрастающего поколения (45,2%) и объединение общества и государства (40,3%). Для тех, кто совмещает работу и учёбу, приоритетно грамотное воспитание подрастающего поколения (76,3%), так же как и для учащихся (45,9%), а для тех, кто не работают и не учатся, общественная интеграция и воспитательная функция являются одинаково важными (41,7%). Выдвижение на первый план интегративной функции у работающих обусловлено тем, что именно эта группа является самой социально активной, а выдвижение просветительской функции свидетельствует о том, что телевидение они видят в роли влиятельного агента социализации.

Мнения о необходимой социальной роли телевидения распределились таким образом: у группы работающих на первое место выходит роль средства информирования (33,3%), затем роль средства просвещения (30,8%) и средства развлечения (14,5). Такие социальные роли, как бизнес, искусство и средство пропаганды, не получили высоких позиций. Мнение группы учащихся таково: на первый план выходит роль телевидения как средства информирования (51,4%), на второй – как средство развлечения (23,6%), далее – как средство просвещения (15,3%). В группе респондентов, совмещающих работу и учёбу, 48,8% опрошенных считают приоритетной

Для работающих наиболее привлекательными являются такие институциональные функции телевидения, как грамотное воспитание подрастающего поколения (45,2%) и объединение общества и государства (40,3%). Для тех, кто совмещает работу и учёбу, приоритетно грамотное воспитание подрастающего поколения (76,3%).

роль информирования, 27,9% респондентов ставят на первый план роль средства просвещения, 11,6% считают первостепенной роль средства развлечения. Среди тех, кто не работают и не учатся, большинство ответивших считают первостепенной роль телевидения как средства развлечения (50,0%), на втором плане телевидение выступает как искусство (31,2%), на третьем – как средство информирования (12,5%).

Социальная роль средства информирования выходит на первый план у таких групп, как работающие, учащиеся, совмещающие работу и учёбу. Эти группы имеют более активную социальную и гражданскую позицию и проявляют больше интереса к телевидению как к важному источнику информации. Для совмещающих работу и учёбу на первый план выходит роль телевидения как средства просвещения, так как эта группа принимает наиболее активные действия для своего личностного, профессионального и социального роста и более всех заинтересована в просветительской функции. Роль телевидения как средства развлечения у работающих и учащихся занимает второе место, а у безработных выходит на первый план, что свидетельствует об увеличении важности развлекательной функции именно для менее загруженной группы населения.

Информационная функция в работе телевидения является самой важной для молодёжной аудитории, но реализована она недостаточно. Качественные и количественные характеристики предоставляемой информации неудовлетворительны, по мнению молодёжной аудитории. Молодёжь пресыщена развлекательными мероприятиями и отмечает их переизбыток. О месте телевидения в интеграции государства и общества и о духовном обогащении мнения сложились противоположным образом. Молодёжь отмечает высокую значимость и нехватку этих аспектов в работе современного телевидения.

На мнение о значимости интегративной функции телевидения как социального института влияли такие факторы, как возраст респондентов и количество телепросмотров (см. таблицу 4). При сопоставлении возраста и мнения о значимости интегративной функции телевидения было выявлено, что для 32% опрошенных в возрасте 14–18 лет эта функция является самой значимой в деятельности телевидения как социального института.

В возрастной группе 19–22 года мнения таковы: для 30% интегративная функция ничего не значит, для 28% много значит, для 24% является самой значимой в работе телевидения, для 18% значит немного. В возрастной группе 23–25 лет одинаковый процент ответов о том, что функция объединения общества и государства ничего не значит и является самой значимой функцией – по 32%, для 20% функция многозначима, для 16% значит мало. В возрастной группе

Молодёжь отмечает высокую значимость и нехватку роли телевидения в интеграции государства и общества и в духовном обогащении общества.

26–30 лет мнение об интегративной функции таково: для 32% она является самой значимой функцией деятельности телевидения, для 26% не значит ничего, для 22% значит много, для 20% – немного.

Таблица 4

Зависимость мнения о значимости функций телевидения как социального института от возраста респондентов, % по уровню значимости

Возраст (в годах)	Объединение общества (воспитание патриотизма, чувства уважения к обществу)				Итого
	Ничего не значит	Немного значит	Много значит	Самое значимое	
14–18	18,0	26,0	32,0	24,0	100,0
19–22	30,0	18,0	28,0	24,0	100,0
23–25	32,0	16,0	20,0	32,0	100,0
26–30	26,0	20,0	22,0	32,0	100,0
Итого	26,5	20,0	25,5	28,0	100,0

Полученные показатели иллюстрируют, что с увеличением возраста возрастает доля тех, кто считают, что интегративная функция ничего не значит в деятельности телевидения. Процент снижается в группе 26–30 лет, что обосновывается, возможно, более высоким уровнем политической культуры среди этой группы населения и её большей заинтересованностью социально-политической обстановкой в стране. Мнения о том, что интегративная функция «немного значит», придерживаются крайние возрастные категории 14–18 и 26–30 лет. Количество считающих, что интегративная функция много значит в деятельности телевидения, возрастает по мере уменьшения возраста, но достигает наименьшего количества у респондентов в возрасте 23–25 лет, так как именно на этот возраст приходится большое количество браков, и на первое место выходят семейные ценности. Мнение о том, что интегративная функция является самой значимой в деятельности телевидения, имеет одинаковые результаты в группах 14–18 и 19–22 года и увеличивается в группах 23–25 и 26–30 лет, что опять демонстрирует большую заинтересованность старших возрастных групп.

Исследование влияния частоты телепросмотра на мнение респондентов о значимости интегративной функции телевидения, показало, что для группы тех, кто смотрит телевизор каждый день, интегративная функция является самой значимой (46,4%), немного значит для 32,5%, много – для 31,4%, ничего не значит для 20,8% (см. рис. 3).

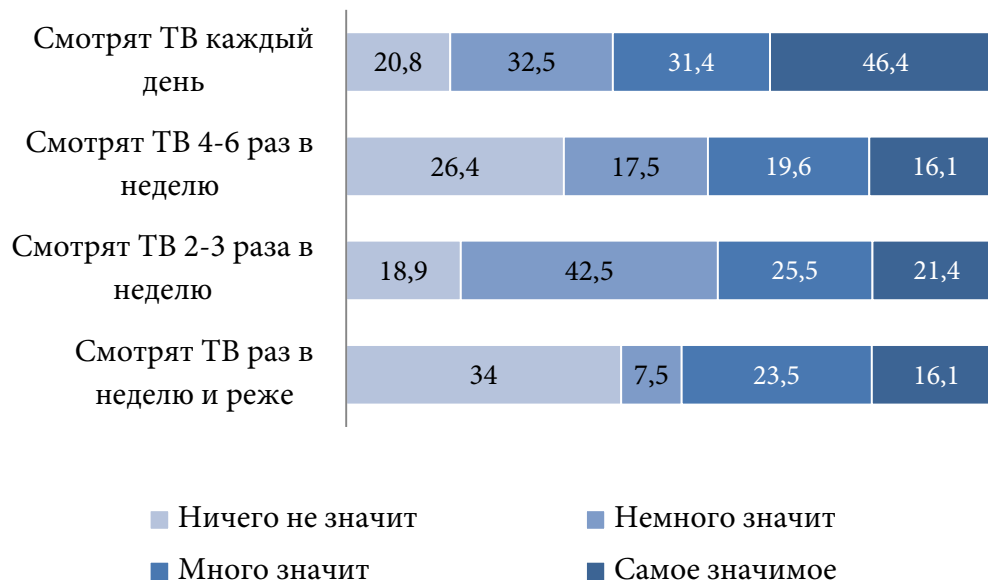

Рис. 3. Влияние частоты телепросмотра на мнения молодёжи о значимости интегративной функции телевидения

Из тех, кто смотрит телевизор 4–6 раз в неделю, 26,4% считают, что интегративная функция в деятельности телевидения ничего не значит, 19,6% – что много значит, 17,5% – значит немного, а 16,1% считают её самой значимой. В группе, чья частота телепросмотра составляет 2–3 раза в неделю, мнения таковы: для 42,5% интегративная функция телевидения значит немного, для 25,5% – много значит, для 21,4% является самой значимой функцией в работе телевидения, для 18,9% не значит ничего. В группе тех, кто смотрит телевизор раз в неделю и реже: 34% считают эту функцию телевидения незначимой, 23,5% считают её много значащей, 16,1% считают объединение общества в деятельности телевидения самым значимым фактором деятельности телевидения и 7,5% считают эту функцию немногозначимой. Для группы с максимальным количеством телепросмотров в неделю интегративная функция имеет больше значимости, чем в других представленных группах. Отрицательные показатели коэффициентов Тау-с Кендалла показывают наличие обратной корреляционной зависимости заинтересованности молодёжи в интегративной функции от её возрастных характеристик и частоты просмотра. Иными словами, чем моложе саратовец, чем реже он смотрит телевизор, тем значимее для него передачи, ориентированные на воспитание патриотизма, чувства уважения к обществу.

Большой отрыв показателей влияния телевидения на развлечения свидетельствует о том, что главное направление деятельности телевидения, по мнению молодёжи, основано на распространении и продвижении развлечения как приоритетной ценности, при этом, с позиции телевидения, остальные уходят на задний план. Но из показателей результатов сопоставления важности таких факторов в деятельности телевидения, как воспитание духовных ценностей и уважения к обще-

Недопустимыми явлениями для телеэфира были отмечены недостоверность информации, аморальность, демонстрация сцен насилия, ненормативная лексика. В ранг допустимых саратовцы внесли такие явления, как пропаганда и навязывание западных ценностей, пропаганда западного образа жизни, скандальность, субъективность в освещении событий.

65% опрошенных признали влияние телевидения на формирование ценностей. 69,9% при этом отрицают тот факт, что телевидение влияет на их собственный ценностный мир.

ству и государству, следует вывод, что саратовская молодёжь считает наличие этих двух аспектов необходимыми для современного телевидения, но нереализуемыми.

Недопустимыми явлениями для телеэфира были отмечены недостоверность информации, аморальность, демонстрация сцен насилия, ненормативная лексика. В ранг допустимых саратовцы внесли такие явления, как пропаганда и навязывание западных ценностей, пропаганда западного образа жизни, скандальность, субъективность в освещении событий. Это говорит о невнимании молодёжи к этим проблемам и восприятию таких явлений как должного.

При оценке существования факта влияния телевидения на формирование ценностей молодёжи было выявлено некоторое противоречие в суждениях. 65% опрошенных признали влияние телевидения на формирование ценностей. 69,9% при этом отрицают тот факт, что телевидение влияет на их собственный ценностный мир. Это можно оправдать тем, что человеку сложно судить о влиянии окружающего на собственный внутренний мир, но гораздо проще заметить изменения на примере больших групп или других людей.

Проведённое исследование показало, что, по мнению молодёжи Саратова, телевидение должно быть направлено на грамотное воспитание подрастающего поколения и быть средством информирования, но его фактическая направленность ограничивается поднятием рейтингов и увеличением кассовости, то есть оно по сути является не агентом социализации и источником информирования, а бизнесом.

По итогам проведённого корреляционного анализа можно заключить, что наиболее сильными факторами, детерминирующими особенности телепотребления саратовской молодёжи, являются гендерный признак и род занятости респондентов. Исходя из этого, целесообразно выделить две категории: мужское и женское телепотребление.

Мужское телепотребление отличается большей степенью рациональности. Главной целью телепросмотра является получение информации (42,4%), предпочитаемые тематики телепередач – политические (34%), спортивные (26%) и экономические (13%). Телепотребление носит более серьёзный характер, способ телепотребления – внимательное телесмотрение (35,4%) для наибольшего вовлечения в интересующую область знания.

Женское телепотребление носит более лёгкий характер, что выражается в приоритете развлекательной функции и соответственных тематических предпочтениях: мультфильмы (23%), светская хроника и телепередачи о моде (30,3%), передачи о жизни людей (44%). Выдвижение у женщин на первый план фонового смотрения (48,9%) иллюстрирует тот факт, что женщины воспринимают телепросмотр как некоторый второстепенный вид деятельности. Телевидение воспринимается как заполни-

тель пространства во время совершения каких-либо действий, что влечёт за собой неглубокое проникновение в суть передаваемой информации и оправдывает выбор именно развлекательных телепередач, которые не требуют высокой концентрации внимания.

Своеобразие телепотребления трудоустроенных групп населения состоит в том, что для них приоритетно получение информации (47,8%). По мнению этих групп, основным вектором деятельности телевидения должна быть общественная интеграция (40,3%), а главная институциональная функция заключается в информировании масс (33,3%). Такой мощный и всесторонний акцент на информировании указывает на то, что эти группы имеют активную гражданскую и социальную позиции, стремятся быть осведомлёнными и вовлечёнными в общественную жизнь.

Характеристика телепотребления учащихся заключается в её развлекательной направленности (47,9%), выборе музыкальных телепередач. Идеальная направленность деятельности телевидения для этой группы – это грамотное воспитание подрастающего поколения (45,9%), что можно заключить в тезисе: «развлекаюсь развиваясь». Данная группа возлагает большие надежды на телевидение как агента социализации (15,3%).

Телепотребление самой занятой группы (совмещающих работу и учёбу) отличается тем, что приоритетным становится фоновое телесмотрение (35,7%), а основным наполнением телепросмотра являются музыкальные передачи (33,3%). Идеальный вектор направленности телевидения для этой группы – социализация, главным образом, подрастающих поколений (76,3%), ведущая социальная роль – информирование (48,8%).

При анализе влияния на мнение о значимости функций телевидения как социетального института для саратовской молодёжной аудитории было выявлено несколько групп факторов: возраст, количество телепросмотров, среднее время, проводимое у телеэкранов. Полученные результаты иллюстрируют убывание значимости рекреативной функции с уменьшением количества телепросмотров в неделю. Развлекательная функция представляет большую значимость для тех, кто чаще смотрит телевизор, и ощутимо теряет свою значимость у групп, которые телевизор практически не смотрят. Данные типологии телеаудитории носят, естественно, относительный характер, однако их важно учитывать в ходе анализа функционирования телевидения и при уточнении социальных механизмов взаимодействия СМИ и общества.

Библиографический список

Дзялошинский И. М. 2008. СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия // Медиаскоп (Электронный журнал). Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/223> [Дата посещения: 10.09.2015].

Кузнецов Г. В., Цвик В. Л., Юровский А. Я. 2002. Телевизионная журналистика. М.: Высшая школа. 304 с.

Are Young People Watching Less TV? 29.09.2015 // MarketingCharts staff. URL: <http://www.marketingcharts.com/television/are-young-people-watching-less-tv-24817/> [Дата посещения: 10.11.2015].

US Adults Spend 5.5 Hours with Video Content Each Day. 16.04.2015 // E-marketer. URL: <http://www.emarketer.com/Article/US-Adults-Spend-55-Hours-with-Video-Content-Each-Day/1012362> [Дата посещения: 10.09.2015].

Specific Features of Television Content Consumption Among the Youth

Ivchenkova Maria Sergeevna

Center for the Studies of Social Structure and Stratification, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

Abstract. The article outlines the results of a sociological study dedicated to television content consumption among the youth of Saratov. The media is often referred to as the fourth branch of government. The mechanism which the media employ to influence the public opinion comprises several elements, such as targeted search and selection of information; the extent to which this information reflects real facts; the means of preparing, interpreting, and distributing information; and the meaningful sequences of visual images and codes. At the same time, the media's audience is also a relatively independent social entity in its own right, with a number of specific features and its own way of perceiving information. This is especially apparent in the case of young adults, which is why a sociological survey among this group was carried out in Saratov in 2014. The survey's results facilitated a detailed description of the young adult television audience, while also allowing to reveal the peculiar features of television content consumption among the urban youth and to evaluate the significance of television media as a societal institute. A large share of the Saratov youth regularly spends their free time watching television; the content, however, is mostly selected at random. Most young adult viewers from Saratov regard television as their main source of entertainment, education, and information. They also believe that the media is a highly significant social institute and socialization agent. In terms of the factors that drive the Saratov youth's opinion of television's significance as a social institute, the study revealed several key variables: the viewer's age, the number of times the viewer watches television, and the average duration of a television session. The study's results indicate that the importance of television as a means of recreation is steadily decreasing, with fewer television sessions per week. Television as a means of entertainment is more important to those who watch television more often, and barely matters to those who hardly ever watch television. Such patterns are fairly relative, but they still should be taken into account while analyzing the way television functions; they will also help shed more light on the social mechanisms behind the media's interaction with the public.

Keywords: television consumption, television session, the youth, television media, social functions of television.

References

Are Young People Watching Less TV? 29.09.2015. MarketingCharts staff. URL: <http://www.marketingcharts.com/television/are-young-people-watching-less-tv-24817/> [date of visit: 10.11.15].

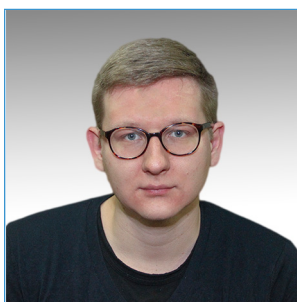
Dzialoshinsky I. M. SMI i obschestvennye instituty: perspektivy vzaimodeystvija [Mass Media and Social Institutes: Perspective of Interaction]. Mediascope (web journal), 2008, Vol. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/223> [date of visit: 10.09.15].

Kuznetsov G. V., Tzvick V. L., Jurovsky A. Y. Televisiionnaja zhurnalistika [TV Journalism]. Moscow, Vysshaja shkola, 2002. 304 p.

US Adults Spend 5.5 Hours with Video Content Each Day. 16.04.2015. E-marketer. URL: <http://www.emarketer.com/Article/US-Adults-Spend-55-Hours-with-Video-Content-Each-Day/1012362> [date of visit: 10.09.15].

Социология средств массовой информации

Медиа как фактор формирования отношения к мигрантам

Фадеев Павел Васильевич – младший научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: erving45@gmail.com

Медиа как фактор формирования отношения к мигрантам

Аннотация

Статья¹ является попыткой осмысления деятельности СМИ и их роли в отражении вопросов миграции. Рассматриваются способы показа как самих переселенцев, так и событий, в связи с которыми они чаще всего упоминаются. С целью определения, присутствуют ли в потоке медийной информации скрытые стереотипы, настраивающие население против миграции, нами использовался специальный программный продукт «Медиалогия». Объектом исследования стали узбеки Санкт-Петербурга и Ленинградской области, таджики Калужской и украинцы Белгородской областей. Анализ сообщений, посвящённых петербургским узбекам, выявил существование негативного информационного фона, формирующего враждебный образ мигрантов. В Калужской области таджики зачастую оказывались вне поля зрения средств массовой информации (а если и попадали в фокус, то, как и в случае с петербургскими узбеками, в качестве нелегалов и правонарушителей). Сообщения о белгородских украинцах характеризовались преобладанием нейтральных констатирующих новостей. При этом присутствовал весь спектр мнений: от выражения сочувствия и поддержки до недовольства местных жителей. В заключении автор приходит к выводу, что последние пару лет мигрантам уделяется меньше внимания, что, с одной стороны, может рассматриваться как позитивная тенденция, так как внимание общественности концентрируется на других новостях, снижая межнациональную напряжённость; с другой – мало внимания уделяется культуре разных народов и их опыту совместного проживания в России.

Ключевые слова: СМИ, мигранты, установки, межэтническая напряжённость, контент-анализ

В древности люди передавали новости из уст в уста, а о важных общественных событиях, происшествиях и указах узнавали от глашатаев на площадях. Те времена давно канули в лету и на современном этапе уже трудно представить мир без давно вошедших в обиход газет, телевидения, а в последние десятилетия ещё и интернета. Сложно переоценить роль средств массовой информации в жизни человека, живущего в XXI веке. Влияние СМИ на поведение людей неоднократно становилось предметом социологических исследований. А о его

¹ Статья написана при поддержке Российского научного фонда (грант № 15-18-00138, проект «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений»).

формирующем характере, определяющем установки и поведение человека, не раз писали видные учёные-социологи. Создатель теории авторитарной личности Теодор Адорно упоминал в своей книге «ярлыки» – стандартизированные, непроцеваемые и могущественные общественные процессы, которые оставляют индивиду очень мало свободы для действий и проявления истинной индивидуальности. Согласно Адорно, на установки (в том числе межнациональные) непосредственное воздействие оказывает государственная (чаще всего через СМИ) и общественная системы (люди навязывают друг другу расхожее мнение) [Адорно 2001: 271]. По Карлу Ховланду, мнение, как и другие свойства личности, имеет тенденцию сохраняться, пока человек не получит новый опыт. Оно может меняться, подвергаясь воздействию убеждающей коммуникации, обосновывающей необходимость принятия нового мнения. То есть установки могут быть изменены путём изменения информации, касающейся объекта. Поэтому важна убеждающая коммуникация, аргументы для принятия нового мнения. [Аронсон, Уилсон, Эйкерт 2002: 8]. Именно такие аргументы представляют своей аудитории СМИ при описании различных событий и людей, зачастую формируя массовое сознание.

По данным мониторинга Левада-центра в 2014 г. 76% жителей России выступали за ограничение притока мигрантов. Чаще всего хотят ограничить количество выходцев с Кавказа – 38%. Примерно треть россиян выступают за ограничения в отношении выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР, а 8% даже в отношении украинцев. Необходимо выяснить, каким образом сформировались эти установки – насколько сильно на них влияют собственные взгляды и взаимоотношения респондентов, а насколько на их формирование оказывают влияние средства массовой информации (ТВ, интернет и др.). Говоря о роли СМИ, необходимо определить, как они изображают мигрантов, в связи с какими событиями они чаще всего упоминаются. Для ответа на данный вопрос использовался специальный программный продукт «Медialogия» – автоматическая система мониторинга и анализа СМИ в режиме реального времени. Система состоит из базы данных СМИ и автоматизированного аналитического модуля, который позволяет проводить самостоятельный поиск и анализ по количественным и качественным характеристикам за любой заданный период. В базу данных круглосуточно поступает более 26000 СМИ: информагентства, газеты, журналы, радио, интернет и 92 млн источников соцмедиа¹.

Каким образом отбирались позитивные и негативные медиаповоды? Если мигранты изображались в индифферентном ключе или в качестве потерпевших, то эти медиаповоды

¹ См. официальный сайт компании Медialogия URL: <http://www.mlg.ru/> [Дата посещения: 07.10.2015].

мы относили к нейтральным, если они были фигурантами преступлений, описывались в негативных тонах (нелегалы, засилье мигрантов и др.), или против них выступали жители или власти, – то к отрицательным, если же мигранты упоминались участниками событий положительной направленности (футбольный матч, открытие кафе, культурного центра), – то, соответственно, к позитивным. Для исследования были выбраны Санкт-Петербург, Ленинградская, Калужская и Белгородская области. Выбор территорий определялся уровнем социально-экономического развития, ситуацией на рынке труда, состоянием межнациональных отношений (в том числе наличием предпосылок для межэтнических конфликтов), спецификой социально-политического развития, демографического состава регионов, приграничным положением территории. Объектом анализа стали публикации в период с января 2014 по июль 2015 гг.

СМИ о мигрантах Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Как показывают исследования, крупнейшие города часто являются местами, притягивающими мигрантов. Санкт-Петербург входит в первую десятку городов мира, которые ежегодно с различными целями (туристической, частной, деловой, с целью поиска работы) посещают более трёх миллионов иностранных граждан (3,5 миллиона – 9 место; Москва – 2,9 миллиона – 11 место) и этот поток с каждым годом всё увеличивается. Привлекательной Северная столица является и для трудовых мигрантов из Средней Азии, ведь в ней сконцентрированы материальные и людские ресурсы, всегда требуются рабочие руки. Узбеки были выбраны нами в качестве объекта, так как они в большом количестве присутствуют в городской черте и задействованы на стройках, работах по уборке территорий, укладке асфальта и в других сферах. С ними в той или иной мере сталкиваются все жители Петербурга. По официальным данным Всероссийской переписи населения, численность узбеков, проживающих на территории города с 2002 по 2010 гг., выросла с 2987 (0,06% от общего числа жителей) до 20345 человек (0,42%) [Всероссийская перепись... 2010]. При этом необходимо учесть, что мигранты, устроившиеся нелегально, не участвуют ни в каких переписях, поэтому реальное число узбеков, находящихся в городе, может быть на порядок выше.

Анализ 332 сообщений, посвящённых узбекам (см. рис. 1), показал, что лишь в 11% случаев средства массовой информации освещали культуру этого народа и события, связанные с их пребыванием в городе, с положительной

стороны, у 41% сообщений тональность была нейтральной. Больше всего упоминаний носили отрицательный характер – 48%. Узбеки чаще всего упоминались в СМИ в связи с различного рода происшествиями. Большинство сообщений о них (136) приходится на рубрику «Криминал». Даже если вывести за скобки сообщения, где узбеки совершают правонарушения (например, «Трое узбеков осуждены за убийство и двое – за изнасилование»), то оставшиеся нейтральные по отношению к ним сообщения всё равно чаще всего представляют сведения из криминальных сводок («Ещё четверо скинхедов задержаны в Петербурге по делу об убийстве узбека», «В Петербурге вымогатели неделю держали в плену мигранта из Узбекистана» и др.). В большинстве новостных материалов узбеки показаны либо как преступники, либо как жертвы преступлений.

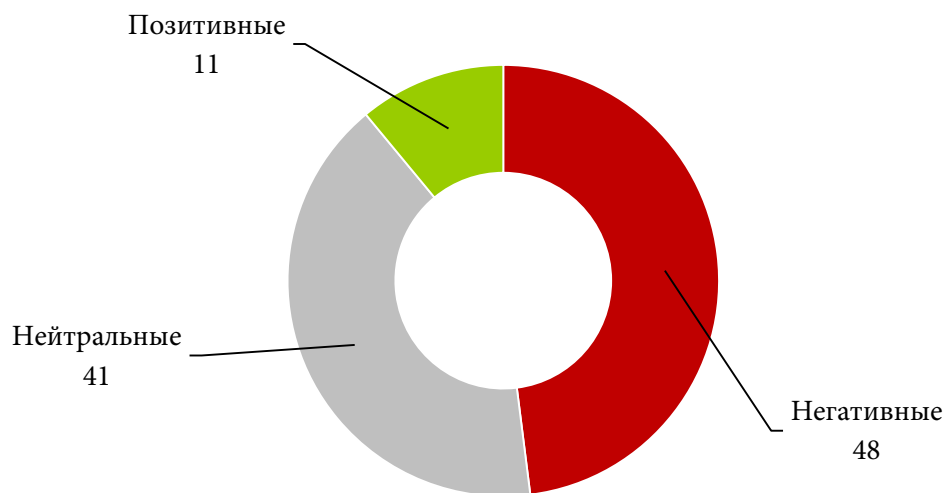

Рис. 1. Тональность упоминания петербургских узбеков в СМИ, %

По данным «Медиалогии», в среднем каждый месяц выходило около 15 сообщений, посвящённых узбекам в Санкт-Петербурге. Крупные события, в которые оказывались вовлечены представители этого этноса, вызывали всплески активности СМИ: выходило до 40–45 сообщений разной направленности. В этой категории оказались первые месяцы (январь и февраль) 2014 г. В этот период повышенная публикационная активность была вызвана большим числом происшествий, в которых узбеки фигурировали с отрицательной стороны: пьяные ссоры, убийства, кражи, похищения людей. Приведём наиболее значимые медиаповоды: в январе наиболее заметным событием стал приговор по делу о драке между мигрантами-узбеками и болельщиками, закончившейся убийством одного из фанатов [Троих узбеков посадили... 2014]. По этому делу двое граждан Узбекистана получили тюремные сроки – 6 и 3 года. В феврале получило завершение резонансное дело о банде преступников, грабившей пенсионеров. Один из участников – узбек, нелегально проживавший на террито-

Как показало исследование, в среднем каждый месяц выходило около 15 сообщений, посвящённых узбекам в Санкт-Петербурге.

рии России, был найден прятавшимся в грузовике и задержан [Ахмеджакова 2014]. В феврале была растиражирована (получила 4 перепечатки в разных СМИ) статья о возникновении в Санкт-Петербурге мигрантских гетто, живущих по своим законам, не подчиняющимся законам РФ [Николаева 2014].

Случались периоды, когда положительные сообщения составляли большинство. Самым щедрым на положительные упоминания о питерских узбеках выдался февраль 2015 г. Поводом послужили гастроли «Театр.doc» в Санкт-Петербурге. В сообщениях рассказывалось о спектакле «Узбек», в котором главный герой, приехавший в Москву, повествует о трудностях жизни гражданина Узбекистана в столице. Зрители сопереживали главному герою [Je suis узбек... 2015]. В этом же месяце не остался без внимания праздник «Пельмени народов мира в Санкт-Петербурге», во время которого петербуржцы лакомились в том числе и узбекскими пельменями [Петербургжцы отведали... 2015].

Одним из самых заметных медиаповодов за 2014–15 гг. (18 сообщений-перепечаток, заметность события – 5,27¹) стал расстрел водителей-мигрантов в Кронштадте. Алексей Несмачный расстрелял из обрезка двух водителей маршрутки, узбеков по национальности. Один скончался на месте, другой был доставлен в реанимацию в тяжёлом состоянии. В этом случае узбеки снова стали героями криминальных новостей, хотя и в роли пострадавших [Восемь лет... 2014].

Миграционные процессы Ленинградской области с 2010 г. по настоящее время характеризуются устойчивым приростом населения, пришедшем на смену спаду 2000–2009 гг. Данный прирост, однако, происходит в основном за счёт внутренней и внешней миграции. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., подавляющее большинство жителей – русские (1485905 человек, – 86,55% от всего числа жителей). Следом за русскими по численности идут представители других славянских народов – украинцы и беларусы, но их численность в Ленинградской области постепенно снижается. Представители же народов Средней Азии, наоборот, демонстрируют рост [Всероссийская перепись... 2010].

Расположение Ленинградской области рядом с городом федерального значения обуславливает её притягательность для мигрантов. Те, кто не могут найти себе работу в городе, имеют возможность осесть в области. Некоторые же нацелены на труд в сфере сельского хозяйства. По данным Петростата, особенно привлекательной Ленобласть является для граждан Узбекистана: за 2013 г. прибыло 8053 человека, что значительно превышает число прибывших из других стран

¹ По индексу «Медиалогии».

СНГ (на втором месте граждане Украины – 3183 человека). Большинство прибывающих узбеков – это мужчины трудоспособного возраста, а узбекская диаспора является одной из наиболее многочисленных на территории области [Численность и миграция населения... 2013].

В отличие от Петербурга, где большинство сообщений об узбеках попадали в рубрику «Криминал», в Ленинградской области распределение другое: больше всего сообщений приходится на рубрики «региональный уровень» – 20, «общество и социальная сфера» – 18, «прочее» – 14, «криминал» – 13 сообщений и далее – на другие рубрики. Это может говорить о меньшем уровне негативизма СМИ по сравнению с Санкт-Петербургом. Однако и самих сообщений здесь в разы меньше – 49 против 332 в Северной столице.

Меньшее число негативных сообщений по сравнению с Санкт-Петербургом не говорит о низком уровне межэтнической напряжённости. Всё-таки из 49 сообщений об узбеках негативные составляют 19 (39%) (что не так уж мало), нейтральные – 21 (43%), а позитивные лишь 9 (18%) (см. рис. 2). Необходимо подчеркнуть, что в 15(!) из 19 сообщений негативной окраски речь заходила о совершении узбеками насильственных действий сексуального характера. Не случайно, что одна из самых заметных публикаций (заметность события – 1,205) вышла под заголовком «Самые дикие преступления в Ленобласти совершают мигранты». В ней Михаил Уткин, заместитель руководителя следственного управления Следственного комитета России по Ленобласти отвечал на вопросы корреспондента «МК», касающиеся в том числе этнической преступности в области. По его словам, не больше 10% убийств в области совершаются иностранцами (7 случаев из 88). Рапортуя о снижении числа преступлений, он связывает это в том числе с работой прессы: «Когда такие дела раскрываются и об этом пишут в СМИ, потенциальные преступники осознают неотвратимость наказания, что очень серьёзно влияет на их поведение» [Самые дикие преступления...2014]. При том, что число преступлений, совершаемых мигрантами (в том числе узбеками) невелико, они чаще всего оказываются резонансными: «все они очень дерзкие. А обстоятельства их совершения для обычного человека – просто дикие. Нормальный человек не может такое воспринять. Поэтому даже при небольшом количестве такие преступления вызывают очень серьёзное напряжение в обществе» [Самые дикие преступления...2014].. Помимо статистических данных по преступлениям, в этом интервью приводятся нашумевшие дела из практики следователей Ленинградской области: «Показателен случай с гибелью узбека Даврона Низамбаева в Выборгском районе. Он занимался частным извозом. Скупал недорогие машины и сдавал в аренду своим соотечественникам. Те должны были платить

ему определённую мзду за использование автомобилей. И трое из них решили не делиться деньгами, а просто убить Даврона» [Самые дикие преступления...2014].

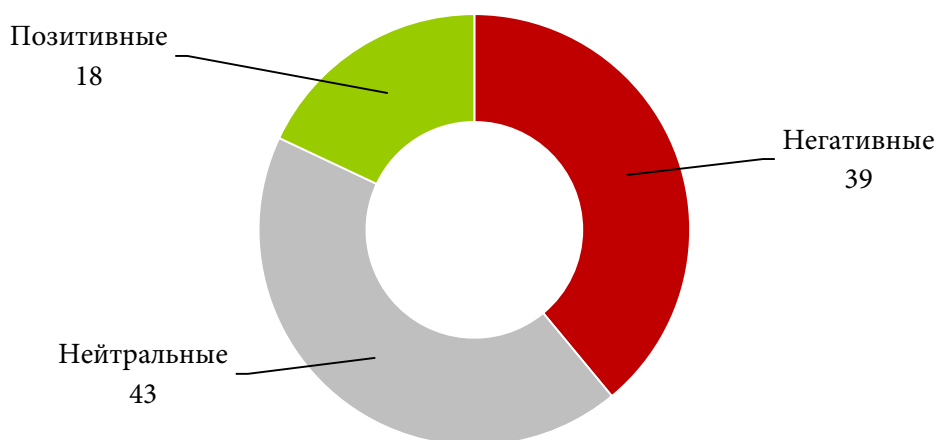

Рис.2. Тональность упоминаний таджиков в СМИ Ленинградской области, %

Также Михаил Уткин в интервью затронул, и, пожалуй, самое громкое преступление с этническим окрасом, совершённое в 2014 г. группой узбеков (индекс заметности – 1,205). Этому случаю, потрясшему как местных жителей, так и областную общественность, было посвящено 9 сообщений, а месяц происшествия (март) оказался самым щедрым на публикации (8). Всё началось с того, что 12 марта двое насильников-узбеков надругались над 16-летней жительницей садоводства «Спутник» Всеволожского района. Угрозами заставив потерпевших молчать, через четыре дня они пришли уже вчетвером. В результате одного из нападавших мать девушки убила кухонным ножом. Остальные убежали, но затем вернулись уже всемером, вооружённые металлическими прутьями. Только помощь соседа, владельца собаки, заставила мужчин отступить [Зарезала насильника... 2014].

Приведя примеры громких публикаций отрицательной направленности, теперь более подробно остановимся на положительных и нейтральных примерах. Самой главной положительной публикацией за изучаемый период стал рассказ «Московского Комсомольца» о жизни узбеков, работающих в сфере сельского хозяйства в деревне Бородулино (заметность события – 1,205). Руководители многих хозяйств Ленинградской области отдают предпочтение узбекам – за то, что они «сообразительные» и готовы много работать. Мигрантов-узбеков в животноводческий комплекс «Любань» стали набирать после того, как руководитель устал мириться с пьянством местных работников. В публикации рассказывается о жизни узбеков, их готовности браться за работу, на

которую не идёт русская молодёжь. 25-летний Юсуп так описывает свою жизнь в животноводческом хозяйстве: «Работа у меня простая. Я чищу навоз, перегоняю коров... Вот только график не очень удобный. Мы трудимся по сменам: первая начинается в 5 утра и длится до 13.00, вторая – с 13.00 до 21.00, и третья – с 21.00 до 5 утра. Бывает непросто встать рано утром. А в остальном всё хорошо... Зарплата у меня зависит от надоев молока. Но в среднем выходит около 15 тысяч рублей». Работой молодой человек доволен. Более того, он, как и другие трудовые мигранты, может рассчитывать на карьерный рост: стать оператором машинного доения с зарплатой 25 тысяч рублей [Узбеки оказались... 2014].

Среди нейтральных медиповодов (где узбеки фигурировали не в качестве преступников) выделяются публикации в «Комсомольской Правде» об убийстве трёх мигрантов [В Ленобласти убили...] и на интернет-портале «DP.ru» о розыске убийцы двух водителей-мигрантов из Кронштадта [За расстрел мигрантов... 2014]. Причём вторая новость присутствует в медиапространстве как Санкт-Петербурга, так и Ленобласти, что говорит о тесной связи разных СМИ, следящих за происшествиями в этих регионах.

Говоря о репрезентации узбеков в медиапространстве Петербурга и Ленинградской области, хотелось бы отметить существование сильного информационного фона, формирующего образ мигрантов в общественном сознании. Петербург выделяется более сильным медиапотокотом отрицательной направленности (здесь примерно на 10% больше таких сообщений), также в Ленобласти меньше сообщений приходится на рубрику «криминал». Но, если оставить за скобками число сообщений, касающихся узбеков, в целом два региона схожи. Кроме того неверно было бы предполагать, что жители области читают только региональные СМИ, игнорируя информацию петербургских и федеральных. Напротив, жители двух регионов находятся в едином медиапространстве, что позволяет нам делать общие выводы, которые не всегда утешительны.

Петербуржцы и жители области, читающие новости или блоги, смотрящие телевизор, с большой долей вероятности столкнутся с преобладанием негативных оценок, негативных ситуаций, формирующих враждебный образ мигранта-узбека. У части аудитории СМИ подобный фон формирует предвзятое отношение к мигрантам, а у части вызывает опасения, связанные с их пребыванием в городе: «в какое опасное время мы живём, раз такое творится на улицах». Подобное структурирование общественного сознания способно влиять на характер межнациональных отношений в городе, создавать негативный контекст в отношениях с людьми других национальностей (узбеками, таджиками, выходцами с Кавказа и т. д.). Было бы неверно призывать СМИ к замалчиванию преступлений, про-

Анализ 332 сообщений, посвящённых узбекам, показывает, что лишь в 11% случаев средства массовой информации освещали культуру этого народа и события, связанные с пребыванием узбеков в городе, с положительной стороны, в 41% сообщений тональность была нейтральной. Больше всего упоминаний носили отрицательный характер – 48%.

снять закрывать глаза на существующие противоречия в обществе. Однако в целях укрепления межнационального согласия целесообразно освещать ситуацию более сбалансированно: чаще говорить о культурных традициях, праздниках, истории других народов (в том числе узбеков), чтобы как-то выправлять положение. Однобокое освещение вызывает у людей ощущение тревоги, провоцирует межнациональную напряжённость, причём не только в одном городе, но и в стране в целом. Не следует забывать о том, что СМИ – это не только зеркало тех событий, которые происходят в обществе, но и фактор, формирующий установки и диспозиции, направляющие действие.

СМИ о мигрантах Калужской области

Калужская область – один из самых промышленно развитых регионов, располагается в Центральной части России. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. большинство в области составляют русские – 869 031 чел. (85,96%). Вследствие экономических причин данный регион является привлекательным для трудовых мигрантов из стран СНГ. Его не обходят стороной и представители Средней Азии, в том числе таджики, которых в 2010 г. насчитывалось 2756 человек или 0,27% населения области [Всероссийская перепись... 2010].

Количество сообщений о мигрантах в значительной степени отражает специфику региона. В этом заключается отличие от крупных городов (таких как Санкт-Петербург), в которых большое число сообщений предопределено расположением здесь федеральных СМИ, а также скоплением множества людей на ограниченной территории, вынужденных вступать в межнациональные контакты. За весь исследованный период (с января 2014 по июль 2015 гг.) таджики в Калужской области упоминались всего лишь 21 раз. Были месяцы, когда они вообще не упоминались в СМИ (примерно половина времени – 9 месяцев приходится на отсутствие сообщений, 10 месяцев – на их наличие). В Калужской области, как и Белгородской, мигранты часто оказываются вне фокуса местных и тем более федеральных СМИ. Этому есть вполне логичное объяснение: эти субъекты федерации далеко – зачем туда ехать, если совсем рядом можно написать о своих проблемах.

В целом Калужская область отличилась тем, что из 21 сообщения о таджиках 13 сообщений (65%) имели негативную направленность, 4 сообщения (20%) – нейтральную и только 3 (15%) – положительную (см. рис. 3). Самыми заметными за указанный период стали публикации в федеральных СМИ, базирующихся в Москве. Из наиболее значимых по медиандексу сообщений стоит выделить два. В первом случае

За весь исследованный период (с января 2014 по июль 2015 г.) таджики в Калужской области упоминались всего лишь 21 раз.

это интервью с членом Общественной палаты Калужской области и Калужской областной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана» Мубараком Шахом Хостаем¹, описавшим общую ситуацию в России глазами таджикских мигрантов (самое заметное сообщение в Калужской области, индекс заметности – 2,488). Он рассказал о работе, проведённой таджикской общиной в деле приспособления к новым более жёстким правилам: *«Надеюсь, что калужские таджики помогут своим приезжим землякам. Мною составлен план действий по данным вопросам. К тому же, уже есть договорённость с калужскими преподавателями русского языка, чтобы те помогли приезжим гастарбайтерам из Таджикистана в освоении русского языка. Наша община подготовила для приезжих земляков лекции по истории России и даже правилам поведения на улице и в транспорте, да и многое другое, чтобы люди смогли быстрее ассимилироваться в стране»*. В то же время его рассказ о взаимопомощи таджиков является единственным упоминанием представителей этого народа с хорошей стороны. Изначально представленный новостным агентством «Регнум», он удостоился двух перепечаток [Мубарак... 2014].

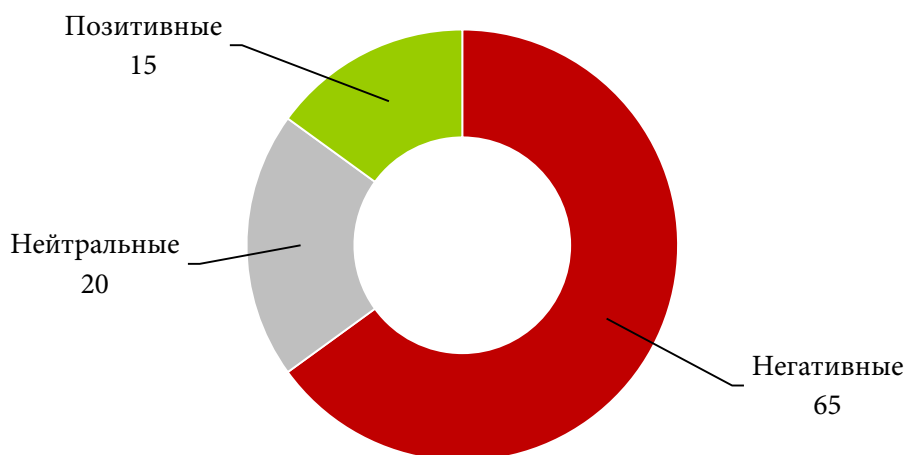

Рис. 3. Тональность упоминаний калужских таджиков в СМИ, %

Другой известной историей² (индекс заметности – 1,752) стал сюжет радио «Свобода» о гражданке России Татьяне Котляр, которая прописала у себя в квартире около тысячи мигрантов (в том числе таджиков). Из-за этого её обвиняли в организации незаконной миграции и в нарушении закона о миграции [За помощь соотечественникам... 2015]. Всего же данной активистке посвящено шесть сообщений, что не так уж мало. Неоднозначность ситуации состоит в том, что Татьяна сделала свою квартиру «резиновой», по её словам, из сочувствия к мигрантам-переселенцам: *«Всем этим людям, даже*

¹ Это сообщение также стало единственным положительным.

² Самое заметное сообщение нейтральной направленности.

имеющим гражданство нашей страны, но без регистрации, не предоставляется работа, социальные пособия, детей не принимают в школы и детсады, да и лечиться им также негде. У большинства из них даже нет денег, чтобы «договориться» с владельцами жилья». Тогда же она баллотировалась на должность Уполномоченного по правам человека в Калужской области [Хозяйка «резиновой» квартиры... 2014]. Не обошли вниманием данную персону и представители Живого Журнала, причём в свойственной постах прямолинейной, а порой и не отличающейся деликатностью манере: один из пользователей даже назвал активистку «чудом-юдом» [Чудо-Юдо... 2014].

Относительно богатым на отрицательные события, в сравнении с другими месяцами, выдался сентябрь 2014 г. В этом месяце объектами внимания СМИ стала авария, которая произошла по вине двух водителей-мигрантов [В Калужской области... 2014], а также нападение на местного жителя двух граждан Таджикистана, похитивших у него несколько тысяч рублей и мобильный телефон [Мигранты напали... 2014].

Как показал анализ, Калужская область является одним из тех регионов, где таджики зачастую оказываются вне фокуса внимания СМИ (а если и попадают в него, то, как и в случае с петербургскими узбеками, в качестве нелегалов и правонарушителей). Такое невнимание может быть связано как с малым числом происшествий, так и с тем, что СМИ не проявляют достаточного интереса и, возможно, упускают из виду какие-то события. Без внимания в Калужской области остаются и культурные особенности народа: не освещаются события их культуры и традиции, не рассказывается об опыте взаимодействия таджиков с русскими. Можно сделать вывод, что в этом регионе уровень внимания к присутствию мигрантов низкий, но даже в этом (вероятно, одобренном властями) поле преобладают негативные факты.

СМИ о мигрантах Белгородской области

Находящаяся на границе с Украиной Белгородская область одной из первых ощутила на себе поток украинских беженцев, потянувшихся к российским границам с началом боевых действий на востоке Украины. С начала украинского кризиса через Белгородскую область прошло более миллиона переселенцев из Восточной Украины. Часть беженцев тогда устремились в разные регионы России, но многие предпочли остаться здесь (около 30 тыс. человек на декабрь 2014 г.) Для них были оформлены разрешения на работу (10 тыс. патентов и разрешений на работу). Большая часть украинских переселенцев осели в строительном секторе, здравоохранении, перерабатывающей отрасли сельского хозяйства, на станциях

С начала украинского кризиса через Белгородскую область прошло более миллиона беженцев из Восточной Украины. Благодаря миграционному обмену в области сохраняется миграционный прирост, который только по официальным данным Белгородстата составил 7007 человек.

техобслуживания, в торговле и услугах. Причём о переезде в более благополучную Россию задумывались не только простые украинцы, харьковский бизнес также потихоньку перемещался в Белгородскую область, в более благоприятные инвестиционно-климатические условия [Харьковский бизнес уходит... 2014].

Благодаря миграционному обмену со странами СНГ и субъектами Российской Федерации в области сохраняется миграционный прирост, который только по официальным данным Белгородстата составил 7007 человек. В 2015 г. по сравнению с 2013 г. он вырос на 3568 человек, или в 2 раза, что стало следствием увеличения миграционного прироста в обмене населением с Украиной – в 3,6 раза, Казахстаном – в 1,4 раза, Азербайджаном – в 1,3 раза. Наибольший миграционный прирост по-прежнему сохраняется в обмене населением, кроме указанных стран, также с Кыргызстаном, Узбекистаном, Республикой Молдова и Арменией: его суммарная величина составила 6878 человек, или 98,2% прироста международной миграции [Население Белгородской области... 2015].

Всего за исследованный период вышло 123 сообщения об украинцах. Чаше всего средства массовой информации писали об украинцах Белгородской области во время их наиболее активного (и массового) переселения в Россию в первой половине 2014 г. Богатыми на сообщения выдались март и июнь (26 и 25 сообщений соответственно). Затем число сообщений заметно снизилось (а в августе, например, не вышло ни одного сообщения по данной тематике). В 2015 г. публикационная активность на данную тему вернулась к средним значениям – 3–5 сообщений в месяц.

Самой заметной за исследуемый период публикацией (заметность события – 3,85) стала новость в «Известиях» об особом контроле на российской границе: «всех беженцев проверяют по криминальным базам, и если кто-то причастен к преступлениям или находится в розыске, его либо развернут обратно, либо за ним будет установлен оперативный контроль» [Силовики взяли беженцев... 2014].

Март 2014 г. – месяц, когда было опубликовано больше всего сообщений (26). Большинство упоминаний имело нейтральный, констатирующий характер. В этом месяце достигло максимума число сообщений положительной направленности (4). На общем фоне выделялась статья «Меж Батьківщиною и Родиной» (индекс заметности – 2,222, две перепечатки) [Радулова 2014]. Она объединила в себе рассказ о проблемах, возникающих у русских и украинцев из-за конфликта («В Харьков ездить больше нельзя, там карябают машины с российскими номерами»; «Недавно беременная женщина с мужем поехала на Украину покупать детскую коляску, а у них отобрали и сожгли паспорта» и т. п.), а также

о людях, несмотря ни на что с надеждой глядящих в будущее («Мы срослися все! Ругаться, конечно, иногда можно. Ну как без разборок, иногда надо, для тонуса. Но ведь несерьёзно это, большую часть времени всё равно все в мире и согласии... Не хочет Нехотеевка войны. На свадьбе вон как гуляли, без разбору. И ещё погуляем. Ну мы ж не такие дурные, как по телевизору показывают») [Радулова 2014] За жизнеутверждающий характер сообщение было занесено в категорию положительных. В целом за исследуемый период программа «Медиалогия» обнаружила всего 6 положительных упоминаний (5% от общего числа) (см. рис. 4).

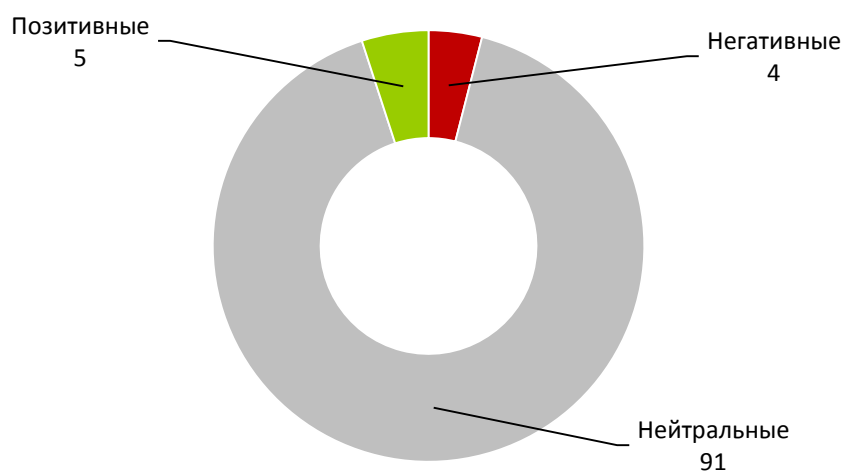

Рис. 4. Тональность сообщений в СМИ об украинцах Белгородской области, %

Во многих сообщениях (в соответствии с политической конъюнктурой) описываются ужасы и бесчинства, которым подвергаются жители Восточной Украины и гости из России, описываются антироссийские указы украинских властей. При этом сами украинцы практически не ассоциируются со своим новым правительством. Несмотря на охлаждение в отношениях между Россией и Украиной, российские средства массовой информации не допускали негативной стереотипизации украинцев. Поэтому даже сообщения, в которых присутствовало негативное отношение к украинскому руководству, не были записаны в отрицательные. Таким образом, абсолютное большинство сообщений оказалось нейтральной направленности (112, т. е. 91% от общего числа) (см. рис. 4).

Сообщений отрицательной направленности было меньше всего (5, что составляет 4% от общего числа) и они довольно равномерно распределялись по месяцам: особых пиков, когда преобладали сообщения такой направленности, не было. Поэтому мы подробнее остановимся на причинах выхода таких публикаций в свет. Во-первых, это нарушение законодательства (чаще всего в трудовой сфере). Так, «Русская пла-

нета» писала о штрафе, наложенном Белгородской УФМС на «Хохланд Руссланд» за привлечение к трудовой деятельности нелегальных трудовых мигрантов из Украины [Белгородское УФМС... 2015]. Другой случай произошёл с украинским торговцем из Харькова, который пытался провезти через границу партию головных уборов без надлежащего оформления. При попытке дать взятку сотруднику таможни, он был арестован [В Белгороде осуждён... 2014].

Во-вторых, в публикациях порой обсуждалась тема негативных последствий для России в связи с украинской миграцией. Региональное издание «Суть событий» напрямую пишет о том, что всё пребывающие граждане Украины стали конкурентами местного населения в разных сферах жизни, таких, например, как рынок съёмного жилья, трудовая и образовательная сферы. В интервью белгородский строитель отмечает: *«Для нас, белгородцев, украинцы были и остаются серьёзными конкурентами. Сейчас на стройке стало больше нелегалов-украинцев, по крайней мере, там, где я работаю... Нам несладко приходится – цены за работу сбиваются, работодатели предлагают более тяжёлые условия труда и не хотят официально оформлять трудовые отношения»* [Григорьева 2014]. Ему вторит опрошенный студент: *«Абитуриентам, приехавшим с юго-востока Украины, выделено 150 мест в Белгородском государственном университете. Студентов-беженцев поселят в общежитиях университета, где мест всегда не хватало,... и около половины будет занято студентами-беженцами. Российским студентам-первокурсникам этих мест не достанется»* [Там же]. Также студенты жалуются, что беженцам выделяют бюджетные места, а белгородцам приходится зарабатывать себе на образование. Причём, судя по публикации в «Investing.com», на этом претензии местных жителей к украинцам не заканчиваются: *«Многие из них отказываются от работы в области, продолжая жить на дотации в городе. ...Представьте, мы приносим на пункты детскую одежду, а вместо «спасибо» получаем запрос ещё и на детский велосипед»*¹ [Украинские беженцы... 2014].

Таким образом, можно утверждать, что в сообщениях о белгородских украинцах присутствует весь спектр мнений: от выражения сочувствия и слов поддержки до недовольства местных жителей. С учётом сложившейся ситуации политическая и социальная темы заслонили собой тему культурной адаптации, которая в этом случае проходит легче и с меньшими издержками, чем в случае с мигрантами из региона Северного Кавказа.

¹ См. официальный сайт Investing.com URL: <http://ru.investing.com/news/общие-новости/очерк-украинские-беженцы-в-россии:-жалко-оставить,-но-трудно-нести-135572> [Дата посещения: 07.10.2015].

Вместо заключения

Международная повестка за последние пару лет сместила фокус СМИ с мигрантов (таджиков, узбеков, кавказцев и т. д.) на другие темы: Крым в составе России, Украина, нестабильность курса рубля, участие России в операции против ИГИЛ в Сирии и др. Количественные данные, собранные в «Медиалогии», подтверждают этот вывод: если в 2013 г. по запросу «мигранты в Российской Федерации» программа выдавала 155 775 сообщений, то в 2014 г. это число сократилось практически на треть – до 114072. В 2015 г. частота публикаций на данную тему скорее всего останется на уровне предыдущего года (по данным за полгода вышло 56 814 сообщений). Подобное снижение числа сообщений о мигрантах коррелирует с данными «Левада-центра», согласно которым ксенофобия в российском обществе за последний год снизилась [Общественное мнение... 2015]. По сравнению с 2013-м, в 2014 г. число россиян, считающих, что в России следует вводить ограничения на проживание некоторых национальностей, уменьшилось: например, для выходцев с Кавказа с 54 до 38%, а для выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР с 45 до 33%. Таким образом, то, что мигрантам не уделяется много внимания в средствах массовой информации, может рассматриваться как позитивная тенденция, так как внимание общественности концентрируется на других вопросах, снижая межнациональную напряжённость (не происходит «разжигания», в котором порой обвиняют СМИ). С другой стороны, из виду упускаются культурные особенности разных народов и их опыт жизни в России.

Библиографический список

Адорно Т. 2001. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити. 416 с.

Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. 2002. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 560 с.

Общественное мнение. 2015. М.: Левада-Центр, 2014. с. 144.

Je suis узбек: невыдуманные истории «Театра.doc» в Петербурге // Афиша.Plus. URL: <http://calendar.fontanka.ru/articles/2212/> [Дата посещения: 03.11.2015].

Александров Г. «Спасибо, что нас не бросили!» Крымчане благодарны России за поддержку // AIF.ru. URL: http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/spasibo_что_nas_ne_brosili_krymchane_blagodarny_rossii_za_podderzhku [Дата посещения: 14.11.2015].

Ахмеджанова К. Узбек, грабивший пенсионеров, две недели прятался от полиции в грузовике на окраине города // Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.ru/daily/26189.5/3077306/> [Дата посещения: 03.11.2015].

Белгородское УФМС оштрафовало столичную компанию на 550 тысяч за нелегальную работу украинцев // Русская планета. URL: <http://belgorod.rusplt.ru/index/belgorodskoe-ufms-oshtrafovalo-stolichnyu-kompaniyu-na-550-tyisyach-za-nelegalnyu-rabotu-ukraintsev-301932.html> [Дата посещения: 14.11.2015].

В Белгороде осуждён взяточник // Белгородские новости. URL: <http://belnovosti.ru/news/incidents/2014/01/23/v-belgorode-osuzhden-vzyatkoatel> [Дата посещения: 14.11.2015].

В донской станице Усть-Быстрианской произошла массовая драка приезжих и местных жителей // Провинциальное агентство новостей. URL: <http://pan.ru/?p=38210u> [Дата посещения: 12.11.2015].

В Калужской области два водителя-мигранта устроили аварию // Рамблер.новости. URL: <http://news.rambler.ru/26975457/> [Дата посещения: 11.11.2015].

В Петербурге вымогатели неделю держали в плену мигранта из Узбекистана // Neva.today. URL: <http://neva.today/news/76144/> [Дата посещения: 03.11.2015].

В Ростовской области хотят создать центр адаптации мигрантов // Regnum. URL: <http://regnum.ru/news/society/1932531.html> [Дата посещения: 12.11.2015].

Восемь лет в розыске закончились стрельбой по маршруткам // Фонтанка. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/06/30/059/> [Дата посещения: 11.11.2015].

Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [Дата посещения: 18.11.2015].

Григорьева Т. «Мы жили по соседству...» URL: <http://argumentiru.com/society/2014/10/368744?type=all#fulltext> [Дата посещения: 14.11.2015].

Ещё четверо скинхедов задержаны в Петербурге по делу об убийстве узбека. URL: <http://neva.today/news/90845/> [Дата посещения: 03.11.2015].

За помощь соотечественникам – под суд. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/26911195.html> [Дата посещения: 07.11.2015].

Информационно-аналитическая система «Медialogия». URL: <http://www.mlg.ru/> [Дата посещения: 11.11.2015].

Мигранты напали на жителя Обнинска! URL: <http://obninsk.name/news5874.htm> [Дата посещения: 11.11.2015].

Мубарак Шах Хостай: Таджикиские гастарбайтеры не собираются покидать Калугу. URL: <http://www.regnum.ru/news/1879458.html> [Дата посещения: 07.11.2015].

Население Белгородской области за прошлый год выросло на 3,7 тыс. человек // Медиатрон. URL: <http://mediatron.ru/news-2015-fev-030635.html> [Дата посещения: 14.11.2015].

Николаева Л. У мигрантов в Петербурге появились свои законы // Свободная пресса. URL: <http://svpressa.ru/society/article/81547/> [Дата посещения: 03.11.2015].

Петербуржцы отведали узбекских пельменей // Chaspik. URL: <http://www.chaspik.spb.ru/events/peterburzhcy-otvedali-uzbekskix-pelmenej/> [Дата посещения: 03.11.2015].

Радулова Н. Меж Батьківщиною и Родиной // Коммерсант.ru. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2422108> [Дата посещения: 16.11.2015].

Ростов: парламентские вехи. Законодательное собрание Ростовской области подвело итоги 20-летней деятельности // Вести Республики. URL: <http://vesti95.ru/?p=36140> [Дата посещения: 12.11.2015].

Русскую деревню возродят семейные кланы? // Свободная пресса – Юг. URL: <http://yug.svpressa.ru/society/article/98875/?rss=1> [Дата посещения: 11.11.2015].

Силовики взяли беженцев из Украины под особый контроль // Известия 2015 12 декабря. URL: <http://izvestia.ru/news/566906#ixzz3nylhhRxh> [Дата посещения: 14.11.2015].

Трое узбеков осуждены за убийство и двое – за изнасилование // АПН Северо-Запад. URL: <http://www.apn-spb.ru/news/article15694.htm> [Дата посещения: 03.11.2015].

Троих узбеков посадили за убийство фаната «Зенита» // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2014/01/30/migrants/> [Дата посещения: 12.11.2015].

Украинские беженцы в России: жалко оставить, но трудно нести // Investing.com. URL: <http://ru.investing.com/news/общие-новости/очерк-украинские-беженцы-в-россии:-жалко-оставить,-но-трудно-нести-135572> [Дата посещения: 13.11.2015].

Харьковский бизнес уходит в Россию // Русская правда. URL: <http://ruspravda.info/Harkovskiy-biznes-uhodit-v-Rossiye-8856.html> [Дата посещения: 14.11.2015].

Хозяйка «резиновой» квартиры претендует на пост омбудсмена // Маяк-ТВ. URL: <http://malmayak.ru/gazeta/obschestvo/hozjaika-rezinovoi-kvartiry-pretenduet-na-post-ombudsmena.html> [Дата посещения: 07.11.2015].

Человек и документ: гастроли Театра.doc в Петербурге // Новая газета. Санкт-Петербург. URL: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/9533/> [Дата посещения: 03.11.2015].

Чудо-Юдо – Дневник русского православного националиста // Livejournal. URL: <http://tor85.livejournal.com/2823873.html> [Дата посещения: 07.11.2015].

Я – Талгат // Петербургский театральный журнал. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/ya-talgat/> [Дата посещения: 03.10.2015].

The Media as a Driving Factor Behind the Attitude Towards Immigrants¹

Fadeev Pavel Vassilievitch

Abstract. The article attempts to analyze mass media activity and to determine how it shapes the opinion on immigration issues. We review the media coverage of both immigrants themselves and of the events in relation to which the matter of immigration comes up most often. We have used Medialogia media monitoring software in order to discover whether the information distributed by media contains latent stereotypes that may bias the population against immigrants. Our research mainly concerns Uzbek immigrants living in St. Petersburg, Tajik immigrants living in Kaluga Region, Chechen immigrants living in Rostov Region, and Ukrainian immigrants living in Belgorod Region. The analysis of media mentions of Uzbek immigrants in St. Petersburg reveals that the coverage is mostly negative and perpetuates a stereotype of immigrants as a hostile force. The Tajik minority in Kaluga Region often finds itself beyond the media's area of interest (and those rare cases when it does get mentioned are mostly in the context of illegal immigration and breaking the law, as is the case with Uzbeks in St. Petersburg). Likewise, the Rostov media barely pay any attention to the Chechen minority, which prompts a conclusion that they are unlikely to encourage a negative perception of this ethnic group. And if the media do cover the subject of Chechen immigrants, they inevitably mention the unique features of their culture, along with the similarities they share with other ethnic groups. The mentions of Ukrainians living in Belgorod, in turn, are mostly neutral statements of facts. At the same time, the news items may be accompanied by a range of contrasting opinions, from expressions of sympathy and support to complaints from the locals. In conclusion, we stipulate that over the past couple of years, immigrants have been receiving less media coverage, which, on the one hand, may be regarded as a positive trend (with the public's attention focused on other news, the tension between various ethnic groups decreases), but on the other hand, may be a sign of neglect towards cultural diversity and the co-existence of various ethnic groups in Russia.

Keywords: mass media, immigrants, mindset, ethnic tension, content analysis.

References

Adorno T. Issledovanie avtoritarnoy lichnosti. [The Authoritarian Personality]. Moscow, Serebrianye niti, 2001. 416 p.

Ahmedzhanova K. Uzbek, grabivshiy pensionerov, dve nedeli priatalsja ot policii v gruzovike na okraine goroda [Uzbek, robbed pensioners two weeks hiding from police in a truck on the outskirts of the city]. Komsomol'skaja pravda. Official website. Vyp. 2.02.14 / URL: <http://www.kp.ru/daily/26189.5/3077306> [date of visit: 03.11.2015].

Aleksandrov G. Spasibo, chto nas ne brosil! Krymchane blagodarny Rossii za podderzhku [Thank you that We have not Given up! Crimeans are Grateful for Russia for Support]. Aif.ru. Web-journal. 4.03.2014. URL: http://www.aif.ru/euromaidan/prediction/spasibo_chto_nas_ne_brosili_krymchane_blagodarny_rossii_za_podderzhku [date of visit: 14.11.2015].

Aronson A., Wilson T., Ekkert R. Social'naja psihologija [Social Psychology]. Psihologicheskie zakony povedeniya cheloveka v sociume. Saint-Petersburg, Praym-EVROZNAK, 2002. 560 p.

¹ The paper prepared with the support of Russian Scientific Foundation (grant no15-18-00138 "Socio-economic and Socio-cultural preconditions of stress and conflict in the sphere of international relations").

Astahova O. Ukrainskie bezhency v Rossii: zhalko ostavit', no trudno nesti [Ukrainian Refugees in Russia: it is a Pity to Leave, but it's Hard to Bear]. Investing.com. Internet-portal / URL: <http://ru.investing.com/news/obshhie-novosti/ocherk-ukrainskie-bezhency-v-rossii-zhalko-ostavit'-no-trudno-nesti-135572> [date of visit: 13.11.2015].

Belgorodskoe UFMS oshtrafovalo stolichnuju kompaniju na 550 tysyach za nelegal'nuju rabotu ukraincev [Belgorod OFAS penalizes capital company for 550 thousand for illegal work of Ukrainians]. Russkaja planeta – Belgorod. Web journal. URL: <http://belgorod.rusplt.ru/index/belgorodskoe-ufms-oshtrafovalo-stolichnuyu-kompaniyu-na-550-tyisyach-za-nelegalnuyu-rabotu-ukraintsev-301932.html> [date of visit: 14.11.2015].

Chelovek i dokument: gastroli Teatra.doc v Peterburge [Humabeeing and Documents: tour of the theatre.doc in St. Petersburg]. Novaja gazeta – Sankt-Peterburg. 27.02.15. URL: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/9533> [date of visit: 03.11.2015].

Chudo-Judo – Dnevnik russkogo pravoslavnogo nacionalista [A Diary of Russian orthodox nationalist]// URL: <http://tor85.livejournal.com/2823873.html> [date of visit: 07.11.2015].

Dmitriev A. Har'kovsky biznes uhodit v Rossiju [Kharkov Business Goes to Russia]. Svobodnaja pressa. Web journal. 6.12.14. URL: http://svpressa.ru/economy/article/106366/?rss=1&google_editors_picks=true [date of visit: 14.11.2015].

Eschio chetvero skinhedov zaderzhany v Peterburge po delu ob ubiystve uzbeka [Another four skinheads arrested in St. Petersburg for the murder of Uzbek]. Neva Today. Web journal. 31.07.14. URL: <http://neva.today/news/90845/> [date of visit: 03.11.2015].

Grigor'eva T. My zhili po sosedstvu... [We Lived in the Neighborhood...]. Sut' sobytij. Web journal. 3.10.14. URL: <http://argumentiru.com/society/2014/10/368744?type=all#fulltext> [date of visit: 14.11.2015].

Hoziayka «rezinovoy» kvartiry pretenduet na post ombudsmena [Hostess of “rubber” apartments claim to the post of Ombudsman]. Majak-TV. Official website. 21.01.14. URL: <http://malmayak.ru/gazeta/obschestvo/hozjaika-rezinovoi-kvartiry-pretenduet-na-post-ombudsmena.html> [date of visit: 07.11.2015].

Informacionno-analiticheskaja sistema «Medialogija» [Information-analytical system]. URL: <http://www.mlg.ru/> [date of visit: 11.11.2015].

Je suis uzbek: nevydumannye istorii «Teatra.doc» v Peterburge [Je suis uzbek: invisible stories of the theatre.doc]. Afisha Plus. Web journal. 10.02.15. URL: <http://calendar.fontanka.ru/articles/2212> [date of visit: 03.11.2015].

Migranty napali na zhitelia Obninska! [Migrants attacked the resident of Obninsk]. News web portal of Obninsk town. URL: <http://obninsk.name/news5874.htm> [date of visit: 11.11.2015].

Mubarak S. H. 2015. Tadzhijskie gastarbaytery ne sobirajutsia pokidat' Kalugu [Tajik guest workers are not going to leave the Kaluga]. IA “Regnum”. Official website. URL: <http://www.regnum.ru/news/1879458.html> [date of visit: 07.11.2015].

Naselenie Belgorodskoy oblasti za proshly god vyroslo na 3,7 tys. chelovek [The Population of the Belgorod Region in the Past Year Increased by 3.7 thousand People]. Mediatron: novosti Belgorodskoy oblasti. Web journal. URL: <http://mediatron.ru/news-2015-fev-030635.html> [date of visit: 14.11.2015].

Nikolaeva L. Nelegal'noe polozhenie [Illegal Status]. Svobodnaja pressa. Web journal. 2.02.14. URL: <http://svpressa.ru/society/article/81547/> [date of visit: 03.11.2015].

Obschestvennoe mnenie [Public Opinion]. Press-vypusk. Moscow, Levada-Center, 2014. 234 p.

Peterburzhcy otvedali uzbekskikh pel'meney [Petersburgers Tasted Uzbek Dumplings]. Chas Pik. Web journal. Vyp. 27.02.15. URL: <http://www.chaspik.spb.ru/events/peterburzhcy-otvedali-uzbekskix-pelmenej> [date of visit: 03.11.2015].

Polonsky I. Russkuju derevniu vozrodiat semeynye klany? [Family Clans will Revive Russian Village]. Svobodnaja pressa – Yug. Web journal. 23.09.14. URL: <http://yug.svpressa.ru/society/article/98875/?rss=1> [date of visit: 11.11.2015].

Radulova N. Mezh Bat'kivschiroy i Rodinoy [Between Batckivshina and Yomeland]. Kommersant.ru. Web journal. 10.03.14. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2422108> [date of visit: 16.11.2015].

Rostov: parlamentskie vehi. Zakonodatel'noe sobranie Rostovskoy oblasti podvelo itogi 20-letney dejatel'nosti [Rostov: Parliamentary Milestones. The Legislative Assembly of the Rostov Region Summed up the Results of 20 Years of Activity]. Vesti Respubliki. Web journal, 2014, no 78 (2262). URL: <http://vesti95.ru/?p=36140> [date of visit: 12.11.2015].

Siloviki vziali bezhencev iz Ukrainy pod osoby kontrol' [Security forces have taken refugee from Ukraine under special control]. Izvestija. Ru. Setevaja gazeta. Vyp. 4.03.14. URL: <http://izvestia.ru/news/566906#ixzz3nylhhRxh> [date of visit: 14.11.2015].

Troe uzbekov osuzhdeny za ubiystvo i dvoe – za iznasilovanie [Three Uzbeks Convicted for Murder, Two – for Rape]. APN-Severo-Zapad. Web journal. 31.01.14. URL: <http://www.apn-spb.ru/news/article15694.htm> [date of visit: 03.11.2015].

Troikh uzbekov posadili za ubiystvo fanata «Zenita» [Three Uzbeks convicted for the murder of a fan of “Zenit”]. Lenta.ru. Web journal. 30.01.14. URL: <http://lenta.ru/news/2014/01/30/migrants/> [date of visit: 12.11.2015].

V Belgorode osuzhdion vzyatkodatel' [In Belgorod condemn the briber]. Belgorodskie novosti. URL: <http://belnovosti.ru/news/incidents/2014/01/23/v-belgorode-osuzhden-vzyatkodatel> [date of visit: 14.11.2015].

V donskey stanice Ust'-Bystrianskey proizoshla massovaya draka priezzhikh i mestnykh zhitel'ey [In the village of Ust-Don Bystriansk6 was Mass Fight of Visitors and Locals]. URL: <http://pan.ru/?p=38210> [date of visit: 12.11.2015].

V Kaluzhskoy oblasti dva voditelia-migranta ustroili avariju [In the Kaluga Region Two Migrant Drivers Staged Accident]. Rambler-novosti. Web journal. 17.09.14. URL: <http://news.rambler.ru/26975457> [date of visit: 11.11.2015].

V Peterburge vymogateli nedeliu derzhali v plenu migranta iz Uzbekistana [In St. Petersburg, Extortionists Held Captive Migrants from Uzbekistan for a Week]. Neva Today. Web journal. 17.03.14. URL: <http://neva.today/news/76144> [date of visit: 03.11.2015].

V Rostovskoy oblasti hotiat sozdat' centr adaptacii migrantov [In the Rostov Region there is a Plan to Create a Center of Adaptation of Migrants]. IA “Regnum”. Official website. URL: <http://regnum.ru/news/society/1932531.html> [date of visit: 12.11.2015].

Volgust E. Ya – talgat [I am Talgat]. Peterburgsky teatralny zhurnal. Official website. 10.02.15. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/ya-talgat> [date of visit: 03.10.2015].

Vosem' let v rozyske zakonchilis' strel'boy po marshrutkam [Eight Years in the Search Ended with the Shooting of Minibuses]. Fontanka. Web journal. 30.06.14. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/06/30/059> [date of visit: 11.11.2015].

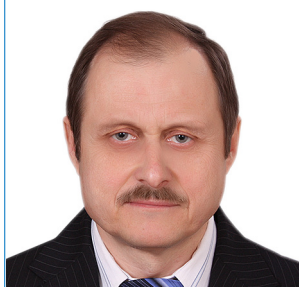
Vserossiyskaja perepis' naselenija 2010 [National Population Census 2010]. Rosstat official website / URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [date of visit: 18.11.2015].

Web journal. 23.01.14. URL: <http://belnovosti.ru/news/incidents/2014/01/23/v-belgorode-osuzhden-vzyatkodatel> [date of visit: 14.11.2015].

Za pomoshch' sootechestvennikam – pod sud [For help compatriots – on trial]. Radio Svoboda. Official website. News from 20.03.15. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/26911195.html> [date of visit: 07.11.2015].

Трудоустройство и занятость

Трудоустройство и занятость военных пенсионеров

Смирнов Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра адаптационных процессов в меняющемся обществе, Институт социологии Российской Академии наук, Москва

E-mail: smir_al@bk.ru

Трудоустройство и занятость военных пенсионеров

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, которые сегодня вынуждены преодолевать военные пенсионеры в связи с трудоустройством и занятостью, а также способы их разрешения. Исследование опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) — многолетнего лонгитюдного исследования российских домохозяйств. Анализ убеждает, что увольняющиеся в запас «молодые старики» обладают значительным трудовым потенциалом, основу которого составляет накопленный человеческий капитал, представляющий собой совокупность образовательных, профессиональных и квалификационных ресурсов. Но используется этот потенциал зачастую не эффективно. Неопределённость будущего, обусловленная сменой профессии, а зачастую и места жительства, круга друзей и знакомых, превращает решение проблемы трудоустройства увольняющимися военными в сложную задачу. Поэтому значительное большинство будущих военных пенсионеров берутся за поиск новой работы заблаговременно, что в дальнейшем упрощает переход в новую систему труда. Предпочтения вышедших в отставку очень часто не совпадают с потребностями рынка труда и запросами работодателей. Несмотря на то, что завершившие военную службу граждане выступают одним из главных объектов военно-социальной политики, основная тяжесть решения проблемы трудоустройства лежит на них самих. Многие военные пенсионеры испытывают большие трудности с поиском подходящей работы, не могут пройти переобучение и устроиться на работу по своей гражданской специальности. Большинство из них трудоустраиваются без помощи государственных структур — через родственников, друзей и знакомых. Уровень удовлетворённости работой в целом и отдельными её сторонами у бывших военных выше, чем у остальных пенсионеров, тогда как десять лет назад наблюдалась противоположная картина. Подавляющее большинство трудоустроенных военных пенсионеров удовлетворены взаимоотношениями в своих трудовых коллективах, доверяют людям, с которыми вместе работают, и руководству предприятий. Они ощущают и ведут себя на рынке труда увереннее, чем граждане, получающие другие виды пенсии.

Ключевые слова: военные пенсионеры, человеческий капитал, профессиональная переподготовка, трудоустройство, занятость, удовлетворённость работой

К числу исключительно важных, но трудноразрешимых вопросов для многих военных пенсионеров относятся проблемы, связанные с трудоустройством и занятостью. Работа для военнослужащих запаса очень важна не только потому, что позволяет сохранить или повысить уровень жизни, но и поскольку даёт им возможность заниматься серьёзным делом, полнее реализовывать свои профессиональные возможности, делиться с другими людьми накопленным жизненным опытом. Участие в трудовой деятельности даёт военным пенсионерам возможность чувствовать себя полезными семье и обществу, поддерживать широкий круг общения, что позитивно сказывается как на их социальном самочувствии, так и на физическом здоровье. Однако при решении проблем трудоустройства и занятости многим из них приходится сталкиваться с трудностями, которые обусловлены совокупностью разнообразных причин объективного и субъективного характера. Адаптационные затруднения возникают в период переквалификации, во время вхождения в новый трудовой коллектив, на этапе непосредственной трудовой деятельности и совершенствования профессионального мастерства.

В данной статье мы попытались осветить некоторые вопросы, помогающие лучше понять, как сегодня бывшие военные решают проблему занятости, с какими трудностями они при этом сталкиваются и как их преодолевают. Ответы на эти вопросы актуальны для поиска более эффективных путей достижения такой многоаспектной цели, как успешная адаптация военнослужащих, завершивших службу в армии, к условиям гражданской жизни. Анализ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) – многолетнего лонгитюдного обследования российских домохозяйств¹. К военным пенсионерам в данном исследовании относятся граждане, получающие военную пенсию, а также пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению (инвалид-участник Великой Отечественной войны или из-за военной травмы, заболевания, полученного на военной службе).

Результаты исследования ещё раз убеждают, что военные пенсионеры обладают колоссальным трудовым потенциалом. К ним как нельзя лучше подходит такое парадоксальное название, как «молодые старики» («Young old»). Этот термин сравнительно недавно ввели западные маркетологи, включа-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>). В статье использованы данные мониторинга за 2003–2014 гг.

При решении проблем трудоустройства и занятости многие военные пенсионеры сталкиваются с трудностями, обусловленными совокупностью разнообразных причин объективного и субъективного характера. Адаптационные затруднения возникают в период переквалификации, во время вхождения в новый трудовой коллектив, на этапе непосредственной трудовой деятельности и совершенствования профессионального мастерства.

Военные пенсионеры обладают колоссальным трудовым потенциалом. К ним как нельзя лучше подходит парадоксальное название «молодые старики».

ющие в данную категорию наиболее молодых либо наиболее сохранившихся из пенсионеров, которые накопили солидные ресурсы и не потеряли интерес к жизни [Левинсон 2005: 15].

Очень многие военнослужащие заканчивают военную службу, ещё не исчерпав своих творческих и физических резервов, сохранив способность эффективно осваивать новые сферы деятельности, динамично развиваться и совершенствоваться в профессиональном плане. В отличие от основной массы других категорий пенсионеров, три четверти которых составляют пожилые женщины, около 90% военных пенсионеров – мужчины, многие из которых пребывают в трудоспособном возрасте и обладают значительными запасами человеческого капитала, под которым понимается «совокупность образовательных, профессиональных и квалификационных характеристик действующих работников», во многом определяющих «качество рабочей силы» [Российский работник... 2011: 7]. Наиболее квалифицированную часть военных пенсионеров составляют офицеры запаса, имеющие два или несколько высших образований и большой опыт управленческой деятельности.

В 2012–14 гг. доля респондентов в возрасте моложе 60 лет среди военных пенсионеров достигала 54,6% (моложе 45 лет – 9,9%; 45–54 лет – 24,8% и 55–59 лет – 19,9%). 51,1% бывших военных получили высшее образование и 22,7% – среднее профессиональное. Значительное большинство этих граждан имели выслугу более 20 лет. Оценивая уровень своего профессионального мастерства по 9-ступенчатой шкале (от «начинающего ученика, подмастерья» до «профессионала высокого класса»), 77,4% опрошенных поместили себя на одну из трёх верхних ступеней, соответствующих высокому уровню профессионализма. Среди остальных пенсионеров таких респондентов оказалось только 52,2%. Постоянно пользовались для тех или иных целей персональными компьютерами 53,1% военнослужащих запаса (из них 45,8% – для работы), в то время как среди других категорий пенсионеров таких пользователей почти вдвое меньше – всего лишь 26,4% (из них 43,5% – для работы).

Помимо значительных запасов человеческого капитала военные пенсионеры располагают таким важным ресурсом, как здоровье. В 2014 г. 17,5% из них оценивали своё здоровье как хорошее и очень хорошее, а ещё 62% – как среднее. За 2003–2014 гг. доля лиц с плохим и очень плохим здоровьем среди них сократилась в полтора раза – с 32 до 20,5%. Вырос и позитивный настрой военнослужащих запаса. Так, за рассматриваемый период доля респондентов, удовлетворённых своей жизнью в целом, среди них увеличилась с 45,6 до 62,4%, в то время как удельный вес тех, кто недоволен жизнью уменьшился с 34,5 до 19,1%. Сохраняющиеся при

этом осторожные оценки личных и семейных жизненных перспектив являются одним из проявлений общего тревожного настроения в обществе, вызванного обострением экономического кризиса, усилением неопределённости, противоречивости нынешней социально-экономической ситуации [Российское общество... 2015: 316]. Так, в 2014 г., как и десять лет назад, свыше половины респондентов выражали беспокойство тем, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев (51,1 против 52,6%). Доля респондентов, предполагающих, что через год они и их семьи будут жить лучше, уменьшилась с 18,9 до 14,9%, тогда как удельный вес лиц, демонстрирующих пессимистический настрой, увеличился с 13,8 до 24,8%.

Всё вышесказанное во многом объясняет то, что среди военных пенсионеров доля лиц, продолжающих трудиться, из года в год оказывается почти вдвое больше, чем среди граждан, получающих другие виды пенсии. Причём, с 2003 по 2014 гг. удельный вес респондентов, которые трудились в различных отраслях экономики, увеличился среди военных пенсионеров с 31,9 до 41,1%, тогда как среди других категорий пенсионеров – с 19,3 до 23,1%.

Но, как уже отмечалось, значительное большинство военнослужащих запаса, при решении проблем, связанных с трудоустройством и занятостью, сталкиваются с большими трудностями. Так, успешность трудоустройства непосредственно зависит от состояния местного рынка труда. Скудный рынок или избыток рабочей силы могут сдерживать позитивные воздействия других ресурсов на вероятность получения новой работы. Сегодня возможности для трудоустройства уволенных военнослужащих в местах расположения воинских частей существенно ограничены или отсутствуют полностью, что в наибольшей мере относится к закрытым военным городам, расположенным в удалённых и депрессивных регионах. Почти половина увольняющихся военных уверены, что возможности получения гражданской работы в регионах дислокации их частей отсутствуют, а каждый третий считает, что эти возможности существуют частично и не для всех. Данное мнение отражает общую картину на рынке рабочей силы, которая характеризуется отсутствием достаточного количества высокотехнологичных и хорошо оплачиваемых рабочих мест.

В поисках подходящей работы, обеспечивающей безбедное существование, более благоприятных условий жизни для всех членов семьи многие военнослужащие вынуждены переезжать на новое место жительства, меняя привычный образ жизни, устоявшийся круг друзей и знакомых. В условиях динамично развивающейся современной рыночной экономики тенденции, характеризующиеся повышением активности

Среди военных пенсионеров доля лиц, продолжающих трудиться, из года в год оказывается почти вдвое больше, чем среди граждан, получающих другие виды пенсии.

Почти половина увольняющихся военных уверены, что возможности получения гражданской работы в регионах дислокации их частей отсутствуют, а каждый третий считает, что эти возможности существуют частично и не для всех.

и миграции людей в сфере труда, закономерно усиливаются, что ещё больше актуализирует поиск более эффективных путей решения проблем, связанных с трудоустройством и занятостью уволенных в запас военнослужащих. Не стоит забывать, что около трети военных пенсионеров составляют военнослужащие запаса в возрасте до 55 лет, представляющие собой достаточно мобильную группу. Они обладают не только лучшим здоровьем, чем военные пенсионеры в следующих возрастных когортах, но и профессиональным образованием высокого уровня, значительным опытом профессиональной деятельности. К основным факторам, ограничивающим их профессиональную и территориальную мобильность, относятся многолетняя узкая специализация и трудности решения жилищной проблемы с учётом реализации профессиональных интересов. Как показывает практика, очень часто военнослужащим запаса приходится соглашаться на менее престижную и менее оплачиваемую работу в силу отсутствия возможности выбора места жительства после увольнения из армии.

Исходя из этих и некоторых иных обстоятельств, большинство военнослужащих, готовящихся к увольнению из армии, берутся за поиск новой работы заблаговременно, что позволяет в дальнейшем облегчить переход в новую систему труда и с меньшими издержками адаптироваться к условиям гражданской жизни. Аналогично настроено и ближайшее окружение увольняющихся военных. Но при этом только около трети будущих военных пенсионеров уверены, что найдут подходящую работу без серьёзных затруднений. С возрастом проблема трудоустройства ощущается острее. Однако и среди старших офицеров есть немало людей, которые не испытывают сомнений в своей способности трудоустроиться на приличную работу. К ним относятся прежде всего старшие офицеры, занимающие высокие должности и обладающие в силу этого солидным социальным капиталом, а также кадровые военнослужащие, имеющие востребованную на рынке труда специальность (юристы, финансисты, врачи, инженеры-механики, инженеры-строители и др.).

Наличие подобной заблаговременной подготовки проясняет, почему выход на пенсию для большинства будущих военных пенсионеров не становится трагедией. Как показало исследование, посвящённое изучению причин прекращения профессиональной деятельности и продолжения работы после достижения пенсионного возраста, «кризис» сопровождает выход на пенсию лишь в том случае, если этот переход становится преждевременным и потому непредвиденным. В. А. Куштанина вслед за французским социологом В. Карадеком объясняет это действием «механизма предварительной профессиональной десоциализации». Предлагая дан-

ный концепт, В. Карадек в свою очередь опирался на понятие «предварительной социализации», введенное Р. Мертоном [Куштанина 2008: 155].

На стадии выбора новой профессии у увольняемых военнослужащих складывается интерес к её содержанию, появляется понимание значимости профессии в реализации доминирующих потребностей, её соответствия предыдущей служебной деятельности, возможностей использования накопленного опыта. Кроме того, формируются начальные представления о путях безболезненной смены профессии, оптимизации процесса вхождения в новую профессиональную общность, реализации определённых профессиональных и других ожиданий.

На первом месте у подавляющего большинства увольняющихся военных стоит желание устроиться на высокооплачиваемую работу. Но нередко за этим стремлением стоит желание иметь постоянный заработок, не намного отличающийся от денежного довольствия действующего военнослужащего. Около трети выдвигают на передний план потребность в стабильной работе, обеспечивающей уверенность в завтрашнем дне. Для многих очень важно, чтобы их трудовая деятельность проходила в хорошем, надёжном и сплочённом коллективе. Особенно популярна у будущих военных пенсионеров работа в федеральных, региональных и муниципальных органах государственной власти (около 60%). До 20% опрошенных хотели бы продолжить трудовую деятельность в качестве гражданского специалиста или служащего в силовых ведомствах.

Особенно популярна у будущих военных пенсионеров работа в федеральных, региональных и муниципальных органах государственной власти (около 60%). До 20% опрошенных хотели бы продолжить трудовую деятельность в качестве гражданского специалиста или служащего в силовых ведомствах.

Согласно данным военных социологов [Социологический анализ... 2009], свыше половины увольняющихся военнослужащих из числа имеющих право на профессиональную переподготовку, отдают предпочтение работе на государственных предприятиях (учреждениях), что объясняется стремлением бывших военных к стабильности и гарантированному заработку. Желание попасть в коммерческие структуры выражают не более четверти респондентов. Остальные затрудняются определиться с ответом или не придают значения данной проблеме, отмечая, что им всё равно, где работать. Особенно популярна у будущих военных пенсионеров работа в федеральных, региональных и муниципальных органах государственной власти (около 60%). До 20% опрошенных хотели бы продолжить трудовую деятельность в качестве гражданского специалиста или служащего в силовых ведомствах (Минобороны РФ, МВД, МЧС

На первом месте у подавляющего большинства увольняющихся военных стоит желание устроиться на высокооплачиваемую работу, к тому же безопасную. Около трети выдвигают на передний план потребность в стабильной работе, обеспечивающей уверенность в завтрашнем дне. Для многих очень важно, чтобы их трудовая деятельность проходила в хорошем, надёжном и сплочённом коллективе.

Особенно популярна у будущих военных пенсионеров работа в федеральных, региональных и муниципальных органах государственной власти (около 60%). До 20% опрошенных хотели бы продолжить трудовую деятельность в качестве гражданского специалиста или служащего в силовых ведомствах.

и др.). В качестве наёмного работника (рабочий, специалист) на предприятии промышленности, строительства, транспорта, связи видит себя примерно каждый десятый респондент. Часть увольняющихся выражают намерение стать частными предпринимателями (около 3%) или отдают предпочтение работе на предприятиях малого и среднего бизнеса в качестве наёмного работника (около 6%).

Последние исследования показывают, что желания увольняемых далеко не всегда совпадают с потребностями рынка труда и запросами работодателей, абсолютное большинство которых рассматривает бывших военных прежде всего как специалистов сферы безопасности (охранник, начальник смены в охранном предприятии, инженер по технике безопасности, специалист по пожарной безопасности и т. п.). И гораздо реже они представляют военных пенсионеров в качестве руководителей и специалистов, занимающих должности в сфере государственного и муниципального управления, кадровых органов, работников транспортной отрасли и специалистов материально-технического снабжения [Проблемы трудоустройства... 2012].

В основе предвзятого отношения работодателей к бывшим военным лежит как их приверженность широко распространённым негативным стереотипам в отношении трудового потенциала пенсионеров в целом («отсутствие способности учиться, воспринимать новое», «слабая достижительная мотивация», «потеря интереса к карьерному росту», «приверженность устаревшим традициям» и т. п.) и военных пенсионеров в частности («консерватизм», «ограниченность взглядов и представлений», «прямолинейность и примитивизм мышления», «неумение находить компромиссы» и т. п.), так и скептические оценки качества профессионального образования, приобретаемого увольняющимися военными на курсах переподготовки. В случае сохранения подобных представлений останется и в дальнейшем на длительное время затянутым мощный узел несоответствий, нестыковок и более глубоких противоречий, которые делают живучими малоэффективные стереотипы в сравнении с конструктивным решением проблемы адаптации военнослужащих запаса к изменённой системе труда.

Что касается главных причин прекращения трудовой деятельности, то они у военных пенсионеров и получающих другие виды пенсии, во многом похожи (см. рис. 1). Основные различия заключаются в том, что военнослужащие запаса, в отличие от остальных пенсионеров, чаще перестают работать, отдавая предпочтение спокойной, размеренной жизни на пенсии, или по состоянию здоровья, но гораздо реже по причине сокращения должности или закрытия предприятия. Здесь следует учитывать, что среди этих «молодых стариков» высока прослойка людей, здоровье которых подорвано на воен-

ной службе. Их жизнь отягощают ранения и травмы, тяжёлые хронические заболевания. В 2014 г. 14,2% опрошенных военных пенсионеров получали пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению.

Рис. 1. Причины прекращения трудовой деятельности пенсионерами, %

Одним из важнейших оснований надёжной и боеспособной армии является наличие прочной и эффективно действующей системы социальной защиты, распространяющейся не только на действующих военнослужащих, но и на граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. За годы военной реформы, в течение которых из российских вооружённых сил были уволены миллионы офицеров, прапорщиков и мичманов, в стране накоплен огромный опыт по решению проблем вливающих в гражданскую жизнь военнослужащих и членов их семей. Но, несмотря на то, что граждане, завершившие военную службу, рассматриваются в качестве одного из главных объектов военно-социальной политики [Суркова 2013], основная тяжесть решения проблемы трудоустройства, как и прежде, лежит на самих уволенных военных.

Практика показывает, что большинство бывших военнослужащих испытывают немалые трудности с поиском подходящей работы, не могут пройти вовремя переобучение и устроиться на работу по приобретённой гражданской специальности, удержаться на новом рабочем месте в период обострения экономического кризиса.

Как следует из рис. 2, военные пенсионеры чаще, чем пенсионеры по старости, решают проблему трудоустройства с помощью друзей и знакомых, пользуются приглашением руководства, представителей администрации предприятия или организации. Для них характерна также повышенная активность при создании своего предприятия, собственного дела. И в то же время военные пенсионеры намного реже находят нужную работу по распределению или обращаясь в кадровые органы предприятий, организаций по собственной инициативе.

Рис. 2. Способы трудоустройства пенсионеров, %

Роль государственных служб занятости в оказании помощи бывшим военным по поиску работы и трудоустройству, как и прежде, не существенна. Ещё в первой половине

1990-х гг., т. е. в период начала массовых сокращений вооружённых сил, социологи отмечали, что основным каналом трудоустройства уволенных военнослужащих являлось не государство, а связи «по знакомству», семейные и дружеские контакты [Образцов, Соловьев 1998: 78]. И сегодня, несмотря на существенное повышение эффективности деятельности системы переподготовки и трудоустройства увольняемых военнослужащих, мы вновь видим, что большинство из них, находят работу с помощью родственников, друзей и знакомых. С одной стороны, такая ситуация является следствием того, что система переподготовки увольняющихся военнослужащих продолжает работать в большей степени «на себя», «выбивая» и «осваивая» выделенные государством финансовые средства [Данилова 2007: 277]. С другой стороны, сказывается сохраняющаяся информационная непрозрачность процесса поиска работы на российском рынке труда, когда значительные потоки информации как о вакантных рабочих местах, так и о рабочей силе циркулируют по неформальным сетям, вовлекая в обмен информацией всех участников рынка [Обзор занятости... 2002: 126].

В настоящее время в России создана и функционирует довольно разветвлённая система профессиональной переподготовки увольняемых военнослужащих. На основании пункта 4 статьи 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих», граждане, проходящие военную службу по контракту, общая продолжительность военной службы которых составляет пять лет и более (не считая времени обучения в военных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования), в год увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, истечении срока военной службы, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями имеют право пройти профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение и с сохранением обеспечения всеми видами довольствия в порядке и на условиях, которые определяются Министерством обороны РФ (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба), продолжительностью до четырёх месяцев. Переподготовка организуется и проводится в военных образовательных учреждениях Минобороны России. Обучение осуществляется как по месту дислокации вузов, так и выездными группами преподавателей вузов на базе воинских частей и организаций вооружённых сил, в которых военнослужащие проходят военную службу. Но, несмотря на предпринимаемые усилия, подавляющее большинство бывших военных оказываются предоставленными сами себе и вынуждены заниматься поиском работы самостоятельно, что актуализирует проблему

В России создана и функционирует довольно разветвлённая система профессиональной переподготовки увольняемых военнослужащих. Но, несмотря на предпринимаемые усилия, большинство бывших военных вынуждены заниматься поиском работы самостоятельно, что актуализирует проблему более эффективного содействия их трудоустройству.

более эффективного содействия организации трудоустройства, профессиональной деятельности и предпринимательской активности военнослужащих запаса.

Осуществить свои намерения и устроиться на достойную работу удаётся далеко не всем военным пенсионерам, желающим продолжить трудовую деятельность по новой специальности. Только часть из них успешно используют знания и опыт, полученные за время службы в армии, и продолжают восхождение к более высоким социальным позициям, занимают солидные руководящие должности. Некоторые бывшие военные, обладающие богатым опытом управленческой и руководящей деятельности, пытаются реализовать на государственной службе и в политике. Как бы то ни было, но бывшие военные всегда рассматривались и рассматриваются в качестве важнейшего ресурса власти, источника управленческих кадров как высшего звена, окружения общенациональных лидеров, так и руководства среднего уровня управления (регионального, отраслевого), депутатского корпуса [Гудков 2004: 182]. Немало бывших военнослужащих и среди работников предприятий среднего и малого бизнеса.

Однако в общей массе военных пенсионеров доля таких людей всё же невелика. Очень часто бывшие военнослужащие занимают существующие на рынке труда малопrestижные лакуны, не связанные с высококвалифицированным трудом. 37,9% военных пенсионеров, продолжающих трудиться, имеют на своей работе подчинённых, но количество последних как правило небольшое: 1–3 или 4–5 человек. Менее половины трудоустроенных военных пенсионеров считают, что их гражданская работа требует высокого уровня квалификации, заставляет изучать новое, тогда как до 40% указывают, что новая работа не позволяет использовать их квалификацию, специальные знания и опыт профессиональной деятельности.

Подавляющее большинство военных пенсионеров, продолжающих трудовую деятельность, работают на предприятиях, в организациях и только около 8% трудоустроены вне сектора организованной занятости. Практически все они оформлены на своей работе официально, т. е. по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту. Военные пенсионеры чаще, чем другие, трудоустраиваются на предприятия частного сектора (44,6 против 38,3%), но реже на государственные предприятия (53,6 против 60,5%).

В период непосредственного освоения гражданской профессии происходит более глубокое овладение всей системой труда и изучение отдельных деталей и тонкостей новой профессиональной деятельности, уточнение своих профессиональных притязаний, корректировка профессиональных мотивов и целей с точки зрения их соответствия характеру происходящих изменений, постепенное вхождение в роль профессионала в новой деятельности. При этом преобладающими выступают

Военные пенсионеры чаще, чем другие, трудоустраиваются на предприятия частного сектора (44,6 против 38,3%), но реже на государственные предприятия (53,6 против 60,5%).

мотивы самореализации, стремление к овладению нормами и образцами профессионального мастерства, степень реализации которых во многом определяет уровень удовлетворённости вновь избранным трудом.

Если преобладают позитивные тенденции, то адаптант принимает профессиональные и групповые нормы, активизируется процесс профессиональной идентификации, свидетельствующий о его успешной адаптации к новой системе труда. Если превалируют тенденции иного рода, то адаптация затруднена. Не так уж и редко наблюдается снижение интереса к вновь приобретённой профессии, являющееся результатом неудовлетворённости теми или иными сторонами труда. Здесь важно также учитывать, что освоение новой профессии обычно происходит в период, когда уволенный военнослужащий достиг пика своего мастерства в воинском труде, пребывая на этапе жизненной зрелости. Но, добившись значительных профессиональных успехов в одной сфере, он вынужден осваивать новую специальность, очень часто начиная с овладения её основами. А это сопряжено с разнообразными психологическими затруднениями, которые обусловлены изменением социального статуса, актуализацией ряда социальных и других проблем, снижением в старшем возрасте способности к развитию, постепенным ухудшением здоровья и др.

Вместе с тем сегодня уровень удовлетворённости работой у бывших военных оказывается выше, чем у другой части пенсионеров, тогда как десять лет назад наблюдалась противоположная картина (см. таблицу 1). Сказывается заметное повышение готовности общества к приёму и трудоустройству уволенных военных, рост возможностей адаптации бывших военнослужащих к изменённой системе труда в различных отраслях и сферах занятости, на разных уровнях в госсекторе и предпринимательстве как в крупных городах, так и в провинции. С 2003 по 2014 гг. доля лиц, удовлетворённых своей работой, в когорте трудоустроенных военных пенсионеров увеличилась вдвое – с 40,5 до 81,1%, в то время как доля тех, кто недоволен работой, сократилась почти в пять раз – с 43,2 до 8,6%. Удельный вес желающих сменить свою работу в обеих когортах не превышает 5%. Значительно выросла удовлетворённость военнослужащих запаса отдельными сторонами своего труда: условиями и оплатой труда, возможностями для профессионального роста.

Одной из причин отмеченных позитивных сдвигов является существенный рост военных пенсий (в 1,6 раз в 2012 г.), позволяющий компенсировать невысокие заработки. Хотя при этом нельзя не обратить внимания на огромное недовольство бывших военных дискриминационным подходом к формированию размера пенсии, суть которого заключается в использовании ничем не обоснованного понижающего коэффициента 0,54 к начисляемым по закону пенсиям.

Вместе с тем сегодня уровень удовлетворённости работой у бывших военных оказывается выше, чем у другой части пенсионеров, тогда как десять лет назад наблюдалась противоположная картина.

Таблица 1

Удовлетворённость работающих пенсионеров своим трудом, %

Удовлетворённость	2003				2014			
	Военные пенсионеры		Другие категории пенсионеров		Военные пенсионеры		Другие категории пенсионеров	
	Удовлетворены	Не удовлетворены	Удовлетворены	Не удовлетворены	Удовлетворены	Не удовлетворены	Удовлетворены	Не удовлетворены
Работой в целом	40,5	43,2	61,8	24,2	81,1	8,6	74,5	8,1
Условиями труда	37,8	40,5	55,7	29,5	77,2	10,5	71,9	12,4
Оплатой труда	21,6	67,5	22,5	66,8	45,6	33,4	43,5	36,9
Возможностями для профессионального роста	40,5	48,6	36,5	32,7	61,1	16,7	56,7	21,2

В то же время около трети имеющих работу военных пенсионеров выражают недовольство оплатой своего труда. Для части бывших военных источником недовольности работой выступают не только низкие заработки, но и отсутствие возможности принимать ответственные решения, быть причастными к важному государственному делу, выполнению значимой общественной миссии, проявлять творчество, использовать в полной мере свои знания, опыт и профессиональную квалификацию. Серьёзные жизненные коллизии подстерегают тех, кто обманулся в своих ожиданиях, сохранил солидные статусные амбиции. Как показывает анализ, 10,5% работников из числа военных пенсионеров недовольны условиями труда, а 16,7% – возможностями профессионального роста.

В случае активно-положительного отношения к новой системе труда, которое проявляется у значительной части респондентов, военнослужащие запаса стремятся быстрее и с наименьшими издержками преодолеть трудности освоения новой профессии и вхождения в коллектив. Те, кто проявляют пассивность, сталкиваются с разного рода трудностями в адаптации. Таким специалистам сложнее завоевать авторитет в коллективе и наладить нормальные взаимоотношения с коллегами. При этом приступившие к трудовой деятельности военнослужащие запаса вырабатывают определённый, удобный им стиль во взаимоотношениях с другими сотрудниками, который зависит от типа личности, накопленного опыта адаптивного поведения и конкретных условий труда.

Анализ данных RLMS-HSE показал, что подавляющее большинство трудоустроенных военных пенсионеров, несмотря на отмеченные различия и особенности, удовлетворены взаимоотношениями в своих трудовых коллективах. Как и граждане пожилого возраста, получающие пенсию по другим основаниям, они в подавляющем большинстве, достигающем 90%, полно-

стью или скорее доверяют людям, с которыми вместе работают. Около 80% из них в той или иной степени доверяют руководству своих предприятий, организаций, что более чем на 7 процентных пунктов больше, чем среди остальных пенсионеров.

Работа повышает финансовые возможности военнослужащих запаса и их семей, которые за последние годы значительно выросли (см. таблицу 2). В 2014 г. среди работающих военных пенсионеров, по сравнению с неработающими, было намного больше лиц, которые могут самостоятельно улучшить свои жилищные условия, т. е. купить комнату, квартиру или дом (20,7 против 7,9%); откладывать деньги на такие крупные покупки, как автомобиль, дача, дорогая мебель (31,5 против 25,3%); провести всей семьёй отпуск за границей (36,2 против 13,3%); оплачивать учёбу детей в вузе (70,8 против 15,8%). Очевидно также, что у трудоустроенных военных пенсионеров эти возможности оказываются существенно выше, чем у пожилых людей, получающих другие виды пенсии.

Таблица 2

Оценка пенсионерами своих финансовых возможностей, %

Имеют возможность при желании	2003				2014			
	Военные пенсионеры		Другие категории пенсионеров		Военные пенсионеры		Другие категории пенсионеров	
	Работают	Не работают	Работают	Не работают	Работают	Не работают	Работают	Не работают
Улучшить свои жилищные условия (купить комнату, квартиру, дом и т. п.)	8,1	3,8	3,2	2,8	20,7	7,9	7,2	2,5
Откладывать деньги на крупные покупки (машина, дача и т. п.)	29,7	7,6	13,4	3,5	31,5	25,3	20,6	5,6
Провести всей семьёй отпуск за границей	13,5	2,5	3,2	0,9	36,2	13,3	23,7	5,9
Оплачивать учёбу детей в вузе (к кому это относится)	49,8	16,2	29,9	9,6	70,8	15,8	39,1	18,4

Среди трудоустроенных военнослужащих запаса больше, чем среди неработающих, людей, которые замечают позитивные изменения в материальном положении своих семей, и меньше тех, кто признают, что материальное положение их семей за год ухудшилось. Но в то же время уровень удовлетворённости материальной стороной своей жизни у занятых военных пенсионеров ниже, чем у неработающих. Это является следствием того, что многие военнослужащие запаса занимают рабочие места, которые не приносят доход, обеспечивающий приемлемый уровень материального благосостояния. У уволенных в запас военных, продолжающих трудиться и реализующих активные жизненные стратегии, потребности обычно выше, чем у тех, кто в силу своего преклонного возраста

полностью прекратил трудовую деятельность и привык обходиться малым. По этой же причине трудоустроенные военные пенсионеры осторожнее подходят к оценке личных и семейных жизненных перспектив и гораздо чаще выражают обеспокоенность тем, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев.

Уволенные военнослужащие чувствуют себя на рынке труда увереннее, чем другие категории пенсионеров. С одной стороны, при наличии одинаковой доли лиц, которые обеспокоены тем, что могут потерять работу (около 51%), среди работающих военных пенсионеров меньше тех, кого эта проблема не тревожит (25,8 против 36,5%). Но, с другой стороны, среди бывших военных почти вдвое больше доля респондентов, выражающих убежденность в том, что в случае увольнения они смогут найти работу не хуже нынешней (48,1 против 25,8%), и более чем в полтора раза меньше тех, кто в этом не уверен (35,2 против 57%).

Повышение удовлетворенности работой в целом и отдельными её сторонами, стабилизация материального положения, рост уверенности на рынке труда способствуют подъёму уровня удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью, увеличению среди них доли более счастливых людей. Наличие хорошей работы улучшает настроение и уменьшает уровень переживаний, формируя оптимальную психологическую конструкцию. Не многим людям удаётся чувствовать себя удачливыми и счастливыми, если они не могут найти работу по душе, годами занимаются скучной и однообразной деятельностью, нудным, монотонным ручным трудом. В целом за 2003–2014 гг. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью, выросла среди работающих военных пенсионеров с 51,3 до 69,2%, в то время как среди неработающих – с 43,1 до 58,5%. В конце 2014 г. доля респондентов, относящих себя к очень счастливым и довольно счастливым людям, среди работающих военных пенсионеров была в 1,3 раза больше, чем среди неработающих – 58,2 против 45,5%.

Исследования, посвященные изучению удовлетворенности запасников новой профессией, которые проводились в 1990-е гг., показывали, что более 45% из их числа увольнялись из армии, пребывая в удрученном, подавленном состоянии. В период резкого падения престижа военной службы и привлекательности воинского труда, тотальной социальной незащищенности военнослужащих до 70% опрошенных офицеров отмечали, что за период службы их представление о профессии офицера изменилось в худшую сторону. Около половины респондентов выражали желание сменить военную профессию на гражданскую, а две трети заявляли, что не выбрали бы вновь профессию офицера. Возможность уволиться из армии многие кадровые военные расценивали

В конце 2014 г. доля респондентов, относящих себя к очень счастливым и довольно счастливым людям, среди работающих военных пенсионеров была в 1,3 раза больше, чем среди неработающих – 58,2 против 45,5%.

как «счастливый случай», позволяющий изменить жизнь к лучшему. На таком негативном фоне наблюдалась более высокая удовлетворённость военнослужащих запаса новой работой, которая была характерна для 80% опрошенных [Воинский труд... 1998: 184–185]. Согласно данным обследования семей кадровых военнослужащих накануне и после увольнения, проведённого в течение 1995–97 гг., только 18,4% опрошенных офицеров запаса считали, что на них плохо отразилось увольнение из вооружённых сил. 53,3% уволенных указывали, что заработная плата у них выше, чем была в армии, и ещё 25,5% – что примерно такая же [Денисовский, Смирнов 1999].

Сегодня, когда в армии происходят огромные позитивные перемены, воспоминания о военной службе вызывают у уволившихся военнослужащих положительные эмоции не реже, чем их новая работа. Речь идёт как о трёхкратном улучшении материального положения военных, осуществлённом в 2012 г., снижении до минимума остроты жилищной проблемы, так и о повышении уровня обеспеченности армии новыми видами оружия и техники, улучшении организации боевой подготовки и быта военнослужащих. Существенно сократилось количество обращений военнослужащих в различные инстанции по основным социальным вопросам – предоставление жилья, обеспечение социальных льгот, медицинское обеспечение, выплаты денежного довольствия [Минобороны наступает... 2015].

В заключение следует отметить, что, несмотря на снижение остроты рассмотренных выше проблем, они решаются ещё недостаточно конструктивно. При организации непосредственной работы по оказанию помощи увольняемым военнослужащим в адаптации к условиям гражданской жизни, акценты должны быть смещены в сторону региональной составляющей, поскольку именно в регионах сконцентрированы основные проблемы, затрудняющие адаптационные процессы военнослужащих и членов их семей. На актуальность регионального аспекта влияет также неравномерность развития российского общества (экономического, технологического, географического, духовно-интеллектуального и т. д.), приводящая к огромным диспропорциям по возможностям трудоустройства, интенсивности территориальной и социальной мобильности, плотности и регулярности социальных коммуникаций. Эти и иные подобные различия носят достаточно жёсткий характер.

Только один из пяти увольняющихся кадровых военнослужащих имеет специальность, родственную гражданской. В основном это специалисты автомобильного и железнодорожного транспорта, медицинские работники, юристы, строители, финансисты, музыканты, спортсмены высшей квалификации и переводчики. Поэтому очень важно, чтобы профессиональ-

Приближённость программ переподготовки увольняющихся офицеров к социально-экономическим условиям конкретного региона может дать дополнительный импульс к повышению заинтересованности региональных властей в организации такой переподготовки.

ная переподготовка бывших военных была организована по тем специальностям, которые актуальны для данного региона. Приближённость программ переподготовки увольняющихся офицеров к социально-экономическим условиям конкретного региона, учёт местной специфики могут дать дополнительный импульс к повышению заинтересованности региональных властей в организации переподготовки бывших военных по необходимым специальностям. Немаловажное значение имеет и то, что не отличающиеся чрезмерными амбициями военные запаса могут успешно конкурировать в ряде профессиональных областей с высококвалифицированными гражданскими специалистами, стоимость которых на рынке труда для большинства российских компаний слишком высока.

Библиографический список

Воинский труд: наука, искусство, призвание. Монография / Отв. ред. Лаптев Л. Г., Маркитан Р. В., Хоменко И. Е. М.: Совершенство, 1998. 480 с.

Гудков Л. Д. 2004. Социальная роль армии в постсоветское время // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты / Под общ. ред. Т. Е. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН. С. 178–190.

Данилова Н. Ю. 2007. Армия и общество: принципы взаимодействия. СПб.: Норма. 344 с.

Денисовский Г. М., Смирнов А. И. Новые тенденции в адаптации семей бывших офицеров к гражданской жизни // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 46–52.

Куштанина В. А. 2008. Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. № 4. С. 152–163.

Левинсон А. Г. 2005. Старость как институт // Отечественные записки. № 3 (24). С. 8–26.

Минобороны наступает на социальном фронте // Независимая газета. 2015. 29 июля.

Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. 352 с.

Образцов И. В., Соловьев С. С. Социальные проблемы бывших кадровых военнослужащих // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 70–81.

Проблемы трудоустройства граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей [Текст]: Отчёт НИР. Ногинск: Ногинский филиал РАНХиГС, 2012. 21 с.

Российский работник: образование, профессия, квалификация / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2011. 574 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М.: ИС РАН, Весь Мир, 2015. 336 с.

Социологический анализ проблемы реализации права на профессиональную переподготовку военнослужащих, увольняющихся в запас: Социологический центр Вооружённых сил РФ, 2009. URL: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=10370953@cmsArticle [Дата посещения: 01.07.2015].

Суркова И. Ю. 2013. Социальная политика в системе гражданско-военных отношений: монография. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ. 376 с.

Resettlement and Employment of Discharged Military Personnel

Smirnov Alexander Ilich

Doctor of Science (sociology), Leading researcher of Center for the Study of Adaptation Process in a Changing Society, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: smir_al@bk.ru

Abstract. The article sheds light on issues that ensure a better understanding of the way discharged members of the military cope with resettlement and job-seeking, as well as of the challenges they face and the way they handle them. The study is based on the RLMS-HSE monitoring of the Russian population's economic status and health, which is a longitudinal study carried out among Russian households over the course of several years. Data analysis shows that the "young old" members of the military personnel that are discharged from active duty still possess high potential as a labor force, and should be regarded as valuable human assets, due to their level of education, professional skill, and qualification. However, this potential is not always put to full use. An uncertain future that comes with changing a job, and quite often, a place of residence and circle of friends as well, makes the task of getting employed increasingly more difficult. Thus, the vast majority of the military begin job-hunting before they are discharged from service, which facilitates their transition to the civilian labor system. However, the preferences of such military personnel often do not match the demands of the labor market and prospective employers. And even though the discharged members of the military are the main focus of the military social policy, they are forced to bear the burden of resettlement on their own. Most of them face great difficulties when looking for a job, and fail to properly re-train to pursue a civilian career. The majority of discharged personnel get employed without the aid of state agencies: through their relatives, friends, or acquaintances. At the same time, the overall level of job satisfaction (both in general, and concerning particular features) is higher among the military than among civilian retirees, whereas ten years ago, the situation was the polar opposite of today. A staggeringly large share of the currently employed former military personnel is satisfied with their workplace relations, and trusts both their colleagues and supervisors. In general, the discharged military display a more confident behavior in the labor market than other types of retirees.

Keywords: discharged military, human assets, re-training, resettlement, employment, job satisfaction.

References

Danilova N. Ju. Armija i obshhestvo: principy vzaimodejstvija [Army and Society: principles of interaction]. Saint Petersburg, Norma, 2007. 344 p.

Denisovskij G. M., Smirnov A. I. Novye tendencii v adaptacii semej byvshih oficerov k grazhdanskoj zhizni [New trends in the adaptation of families of former military officers to civilian life]. Sociologicheskie issledovaniya, 1999, no 8. pp. 46–52.

Gudkov L. D. Social'naja rol' armii v postsovetskoe vremja [The social role of the army in the post-Soviet era]. Puti Rossii: sushhestvujushhie ograniczenija i vozmozhnye varianty. Pod obshh. red. T. E. Vorozhejkinoj. Moscow, MVShSJeN, 2004, pp. 178–190.

Kushtanina V. A. Vyhod na pensiju kak moment peresmotra identichnosti [Retirement as a moment of the revision identity]. Mir Rossii, 2008, no 4, pp. 152–163.

Levinson A. G. Starost' kak institut [Old age as an institution]. Otechestvennye zapiski, 2005, no 3 (24). pp. 8–26.

Minoborony nastupaet na social'nom fronte [Defense Ministry begins on the social front]. Nezavisimaja gazeta, 2015, 29 ijulja.

Obrazcov I. V., Solov'jov S. S. Social'nye problemy byvshih kadrovyyh voennosluzhashhih [The social problems of former military personnel]. Sociologicheskie issledovanija, 1998, no 4. pp. 70–81.

Obzor zanjatosti v Rossii. Vyp. 1 (1991–2000 gg.) [Review employment in Russia. Vol. 1 (1991–2000 years)]. Moscow, TEIS, 2002. 352 p.

Problemy trudoustrojstva grazhdan, uvolennyh s voennoj sluzhby, i chlenov ih semej [Problems of employment of citizens discharged from military service and members of their families]. Otchjot NIR. Noginsk, Noginskij filial RANHiGS, 2012. 21 p.

Rossijskij rabotnik: obrazovanie, professija, kvalifikacija [Russian workers: education, profession, qualification] Pod red. V. E. Gimpel'sona, R. I. Kapeljushnikova. Moscow, ID NIU VShJe, 2011. 574 p.

Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni [Russian society and the challenges of the time]. Kniga pervaja. Pod red. Gorshkova M. K., Petuhova V. V. Moscow, Ves' Mir, 2015. 336 p.

Sociologicheskij analiz problemy realizacii prava na professional'nuju perepodgotovku voennosluzhashhih, uvol'njajushhihsja v zapas [Sociological analysis of the problem of the right to professional retraining of servicemen transferred to the reserve]: Sociologicheskij centr Vooruzhjonnyh sil RF, 2009. URL: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=10370953@cmsArticle [date of visit 01.07.2015].

Surkova I. Ju. Social'naja politika v sisteme grazhdansko-voennyh otnoshenij [Social policy in the civil-military relations]. Moscow, OOO «Variant», CSPGI, 2013. 376 p.

Voinskij trud: nauka, iskusstvo, prizvanie [Military work: science, art, vocation]. Otv. red. Laptev L. G., Markitan R. V., Homenko I. E. Moscow, Sovershenstvo, 1998. 480 p.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>